

СМЕНА

№4 АПРЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2018

**СЕМНАДЦАТЫЕ
МОЛОДЕЖНЫЕ
ДЕЛЬФИЙСКИЕ
ИГРЫ РОССИИ**

20-25 апреля 2018 года

**ПРИМОРСКИЙ
КРАЙ**

6+

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада   **Светлый князь** 4

Замечательные современники

Виктор Мишин   **Комсомол — моя судьба** 22

Неизвестное об известном

Юрий Осипов   **И.С. Тургенев. Корифей
русской литературы** 40

Житейские истории

Елена Юркина   **Счастливчик** 56

Шедевры

Ирина Опимах   **Рожденная из пены** 65

Замечательные современники

Виктор Ом   **Акварели, акварели** 75

Георгий Кричевский   **Воплощение
русской души** 107

Год театра

Дарья Молчанова   **Сделка** 82

Детектив

Леонид Млечин   **Пока я не скажу:
«Прощай!»** 126

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

В. Рябовол. Из графической серии
«Все человечество» (бумага, карандаш)

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
е-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 7750

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.03.2018

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« Он прожил на три года меньше Пушкина. Уезжая российским посланником в Персию, Александр Сергеевич Грибоедов, как и его гениальный тезка, предчувствовал скорую гибель, но успел, задержавшись в Тифлисе, жениться во внезапно вспыхнувшей обоюдной любви на юной княжне Нине Чавчавадзе. Она провожала его в Тегеран и вскоре, овдовев, сделала надпись на надгробном памятнике: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!»

Юрий **Осипов** «Александр Грибоедов: заложник судьбы»

« 25 декабря 1761 года завершился блистательный век правления «дщери Петровой» Елизаветы. Умирая, она прекрасно понимала, что оставляет государство на человека, абсолютно не подходящего на роль российского императора, — своего племянника, сына покойной сестры Анны Петровны, Петра Федоровича — по отцу герцога Голштинского. В чем-то она оказалась права, так как царствование его продлилось недолго. На смену ему пришла новая эпоха — екатерининская. Как тут не вспомнить слова известного историка В.О.Ключевского, который, подводя итоги царствования Петра III, писал: «Он боялся всего в России, называл ее проклятой страной и нисколько не старался освоиться и сблизиться с ней, ничего не узнал в ней и всего чуждался...»

Светлана **Бестужева-Лада** «Между двух эпох»

« В Москве в зале станции метро «Партизанская» стоит памятник — пожилой бородатый мужчина в шубе и валенках вглядывается куда-то вдаль. Мало кто останавливается прочитать надпись на постаменте (москвичи давно уже не рассматривают интерьеры в метро — некогда), а, между тем, это памятник человеку, имя которого во время Великой Отечественной войны знала вся страна. Матвей Кузьмич Кузьмин стал Героем Советского Союза в 84 года....

Илья **Рюмин** «Советский Иван Сусанин»

« Остросюжетный роман Леонида **Млечина** «Пока я не скажу: "Прощай!"»

Светлана Бестужева-Лада

СВЕТЛЫЙ КНЯЗЬ

«Бывают минуты в жизни, когда вдруг
сильным и страстным порывом поймешь,
как любишь Родину...»

Князь Олег Романов

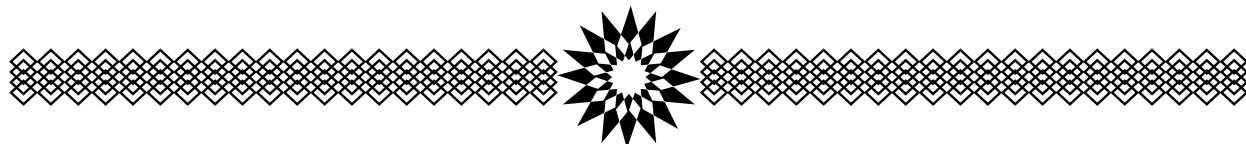

Все привыкли думать, что представители императорской фамилии находились во время Первой мировой войны во главе армий, фронтов, в штабах, однако немногие знают, что некоторые из них участвовали в гуще сражений, прямо на передовой, вместе с остальными солдатами и боевыми офицерами претерпевая все трудности фронтовой жизни. Среди них — князь Олег Константинович Романов, участник боевых действий в Восточной Пруссии.

Впрочем, на передовую отправились все пятеро братьев Константиновичей — помимо Олега это были Гавриил, Игорь, Иоанн и Георгий. Но Олег Константинович оказался единственным представителем Царского дома, погибшим на полях Первой мировой войны.

По иронии судьбы, это был едва ли не единственный мужчина в семье Романовых, который предпочел военной форме штатский костюм и готовился к гражданской службе, а не к военной карьере.

Но чувство долга оказалось сильнее личных пристрастий.

Олег Константинович Романов родился 15 ноября 1892 года в Петербурге, в Мраморном дворце. Отцом его был великий князь Константин Константинович, мать — Елисавета Маврикиевна, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская. Он стал пятым ребенком в семье.

О рождении Олега Романова жителям имперской столицы возвестил артиллерийский салют. Так полагалось, когда прибавление происходило в правящей династии. 3 января 1893 года состоялись крестины младенца, его восприемниками стали императрица, супруга правящего государя Александра III Мария Федоровна и ее сын, наследник, великий князь Николай Александрович, будущий Николай II. Мальчику дали редкое для царственной династии имя Олег — раньше среди русских великих князей оно не встречалось.

Впрочем, великим князем младенец, родившийся в Мраморном

дворце, не был. Согласно принятому в январе 1885 года указу, правнучки императора именовались «князьями императорской крови» и пользовались титулом «Ваше Высочество» (в отличие от великих князей — братьев, сыновей или внуков императора, которые титуловались «Ваше Императорское Высочество»). А Олег был именно правнуком Николая I.

Глава семейства, великий князь Константин Константинович, которому в год рождения Олега исполнилось сорок четыре, был необыкновенно одаренным и глубоко духовным человеком. Многие считали его самым выдающимся представителем династии Романовых за всю ее историю. По семейной традиции он состоял на военной службе (в молодости был моряком, служил в армии и в чине полковника командовал лейб-гвардии Преображенским полком).

Но истинное призвание его было не в этом. Константин Константи-

нович страстно увлекался искусством: сочинял музыку, прекрасно играл на фортепиано, коллекционировал живопись, переводил Шиллера, Гете и Шекспира (в любительской постановке своего перевода «Гамлета» он сам исполнял главную роль) и был известен в поэтических кругах России под псевдонимом К.Р. Советы и дружбу великого князя ценили такие мастера слова, как А.А. Фет, Я.П. Полонский и И.А. Гончаров.

В 1889 году Константин Константинович был избран президентом Императорской Академии наук. В этом качестве он учредил при Отделении русского языка и словесности разряд изящной словесности, по которому в почетные академики из-

бирались известные писатели. Именно великий князь Константин Константинович возглавлял комитет по празднованию 100-летия со дня рождения Пушкина.

Олег Константинович, кстати, любил отца, с юных лет тянулся к литературе, а сочинительством занялся в 9 лет, аккуратно ведя днев-

*Отец —
великий князь
Константин
Константинович,
мать —
Елисавета
Маврикиевна*

Справа:

*Семья
Олега Констан-
тиновича*

никовые записи, поражавшие взрослых зрелостью рассуждений.

В шестилетнем возрасте он начал заниматься с домашними учителями. Ими руководил маститый ученый, академик А.С. Лаппо-Данилевский, лично разработавший для мальчика систему обучения. Учился Олег арифметике, чтению, письму, Закону Божьему. Одновременно отец, сам прекрасный пианист, понемногу обучал сына игре на фортепиано. Позже Олег признавался:

«Музыка — лучший врач. Когда я чувствую себя несчастным, я сажусь за рояль и обо всем забываю».

День маленького князя был подчинен строгому расписанию: в половине седьмого утра — подъем и чтение Евангелия, в восемь — на-

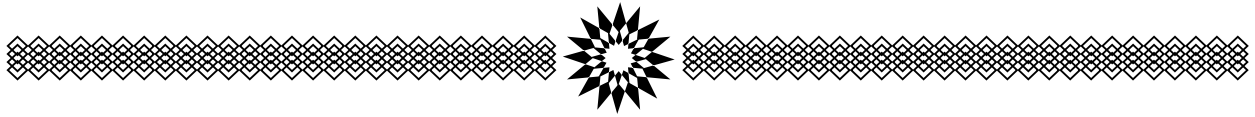
чало занятий. Уроки перемежались гимнастикой, ручным трудом, рисованием, прогулками и верховой ездой. Вечером — чтение на иностранном языке и молитва. При ней присутствовал отец, который следил за тем, как мальчик читает молитву, и поправлял его, если он ошибался.

Летом семья великого князя переезжала из Мраморного дворца в загородное имение — Павловск. Старый парк, дворец, буквально переполненный произведениями искусства — все это волновало душу впечатлительного Олега. Заметив его интерес, отец сам водил его по дворцу и рассказывал о картинах, скульптурах, портретах предков, постепенно приобщая мальчика к осознанию того, что он не из простой

семьи, что ему надлежит выполнить в жизни высокое предназначение.

Эти уроки глубоко запали Олегу в душу. Уже потом, в 1912 году, он напишет отцу, что именно его высокое

ных традиций, но и ввиду довольно слабого здоровья. В ноябре 1902 года царственному отроку исполнилось десять лет, и по традиции Олегу предстояло получить военное

Начальное образование князь получал дома, и не только из-за семейных традиций, но и ввиду слабого здоровья. Когда царственному отроку исполнилось 10 лет, ему, по традиции, предстояло получить военное образование — штатских в роду Романовых не бывало. И хотя ему пришлось подчиниться требованию отца, сам Олег продолжал мечтать об учебе в Царскосельском лицее и, в конце концов, добился своего, с головой окунувшись в лицейскую учебу

происхождение заставляет его думать о том, как «сделать много добра Родине, не запятнать своего имени и быть во всех отношениях тем, чем должен быть русский князь».

Но подлинным кумиром юного правнука Николая I стал не царственный предок, не великий полководец, а Александр Сергеевич Пушкин. За свою недолгую жизнь князь Олег Константинович успел немало сделать на ниве пушкинистики, в частности, выступил организатором издания многотомного факсимильного издания рукописей Пушкина. Правда, при его жизни свет увидел только первый том.

Начальное образование князь получал дома, не только из-за семей-

образование — штатских в роду Романовых не бывало.

Выбор самого учебного заведения должен был сделать отец Олега, исполнявший обязанности главного начальника военно-учебных заведений России. При желании он мог бы отдать Олега в любой столичный кадетский корпус, но Константин Константинович остановился на учебном заведении, размещавшемся в небольшом белорусском городе Полоцке. Он несколько раз посещал Полоцкий корпус и остался глубоко впечатленным высочайшим уровнем подготовки, который получали кадеты, и духом воинского братства, царившим в корпусе.

Впрочем, полноценный переезд князя в Полоцк так и не состоялся — весной 1903 года Олег подхватил тяжелое воспаление легких и потому вступительные экзамены сдавал в Петербурге. Успешно выдержав испытание, он был зачислен в списки 1-го отделения 1-го класса Полоцкого корпуса.

Олег пристально следил за ходом Русско-японской войны, пытался анализировать дальневосточную кампанию. Записи в дневнике по этому поводу достаточно красноречивы:

«До чего мы дожили!.. Да, много героев пало под Порт-Артуром. Кто во всем виноват? Русская халатность. Мы, русские, живем на авось.

Это авось нас делает виноватыми. Когда же, наконец, пройдет эта ужасная халатность? У нас управляют не русские, а немцы. А немцам до нас нет дела. И понятно, оттого-то русские везде и проигрывают. Они с малолетства не стараются воспитать себя. И выходят ненужные люди для отечества. С малолетства себя воспитывать надо».

27 августа 1907 года стало для него памятным днем — он, наконец, впервые лично прибыл в свой корпус. Приехал вместе с отцом, и на перроне их встречали все первые лица Витебской губернии. Но Олег повел себя как обычный кадет: отдал рапорт начальнику корпуса, тут же отправился на занятия в свое

1-е отделение 5-го класса, где к тому времени числился.

Конечно, кадеты с любопытством косились на князя императорской крови, к которому они обязаны были обращаться «Ваше Высочество». Но Олег категорически настаивал на том, чтобы его звали просто по имени, и к этому скоро все привыкли. Тем более одной из незыблемых традиций корпуса был демократизм: все ученики и выпускники, невзирая

на чины и заслуги, были между собой на «ты».

Полноценной корпусной жизнью Олег жил до сентября: ранние пробудки, общая молитва, ранний завтрак, состоявший из куска черного хлеба с солью, занятия в классе, маршировки на плацу, гимнастика...

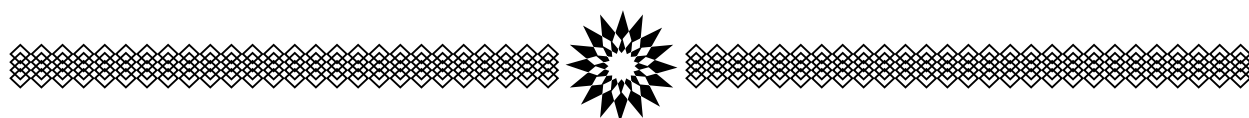
А в мае 1910 года он снова приехал в Полоцк вместе с братом Игорем и сразу же начал готовиться к выпускному экзамену по законо-

ведению. Получив на испытании отличную оценку, утренним поездом Олег вместе с братом Игорем уехал в Петербург. Теперь можно было приступить к осуществлению своей заветной мечты: поступлению в Царскосельский лицей. Пушкинский лицей...

На это потребовалось разрешение императора, так как никто из дома Романовых до этого не получал

замены. Но после третьего курса князь добился того, что ему разрешили ездить на все занятия в лицее.

Лето 1910-го прошло для Олега в большом зарубежном путешествии — он посетил Турцию, Болгарию, Сербию, Черногорию и Германию. Особенно впечатлил его Константинополь. Романтичная и творческая натура, князь Олег мечтал о возрождении колыбели право-

15 ноября 1912 года в Петербурге торжественно отмечалось 20-летие Олега. Но день рождения дал повод и для серьезных размышлений. Чем ближе становился день выпуска из лицея, тем чаще юноша задумывался о том, чем заниматься в жизни дальше. Он попеременно собирался то стать юристом, то сосредоточиться на писательской карьере. Но при этом думал, прежде всего, о том, как «сделать много добра Родине», и пришел к выводу, что больше всего пользы Отечеству принесет на военной службе

образование в этом сугубо «штатском» учебном заведении.

Оно было получено, и зачисление Олега состоялось. Правда, врачи категорически запретили князю постоянно жить в здании лицея. Причиной тому были слабые легкие. Олег страшно негодовал по этому поводу, но делать было нечего: пришлось заниматься в Павловске, а в Петербурге (там лицей размещался с 1843 года) только сдавать переходные эк-

славия, Византии, под властью русских царей.

На родину он возвращался с радостью. Об этом свидетельствует его письмо отцу:

«В окне тянулась мимо меня однообразная немецкая равнина. Она вся обработана, вся засеяна — нет живого места, где глаз мог бы отдохнуть и не видеть всей этой, может быть, первоклассной, но скучной и назойливой культуры... Теперь я подъез-

жаю к милой России. Да, через час я буду в России, в том краю, где все хранит еще что-то такое, чего в других странах нет... Там, где по лицу земли рассыпаны церкви и монастыри... Там, где в таинственном полумраке старинных соборов лежат в серебряных раках русские угодники, где строго и печально смотрят на молящегося темные лики святых... В том краю, где сохранились еще и дремучие леса, и необозримые степи, и непроходимые болота...»

После возвращения Олег с головой окунулся в лицейскую учебу, параллельно работая над своим первым романом «Влияния». Как и в корпусе, преподаватели и соученики по лицу звали его не «Ваше Высочество», а по имени-отчеству. Никаких поблажек во время учебы князю не делали, к тому же экзамены в лицее были публичными, и ответы Олега могли оценивать все желающие.

Один из его преподавателей, профессор Ф.В. Тарановский, вспоминал:

«Прилежание Его Высочества было выше всякой похвалы. В соединении с отличными природными способностями оно обеспечивало вполне успешное усвоение курса науки, который мы проходили. Всякое одобрение и похвала со стороны учителя, как и отличные баллы на экзаменах, действовали на князя Олега Константиновича самым благотворным образом: видимо, доставляли ему удовольствие, но не повергали его в спокойное самоудовлетворе-

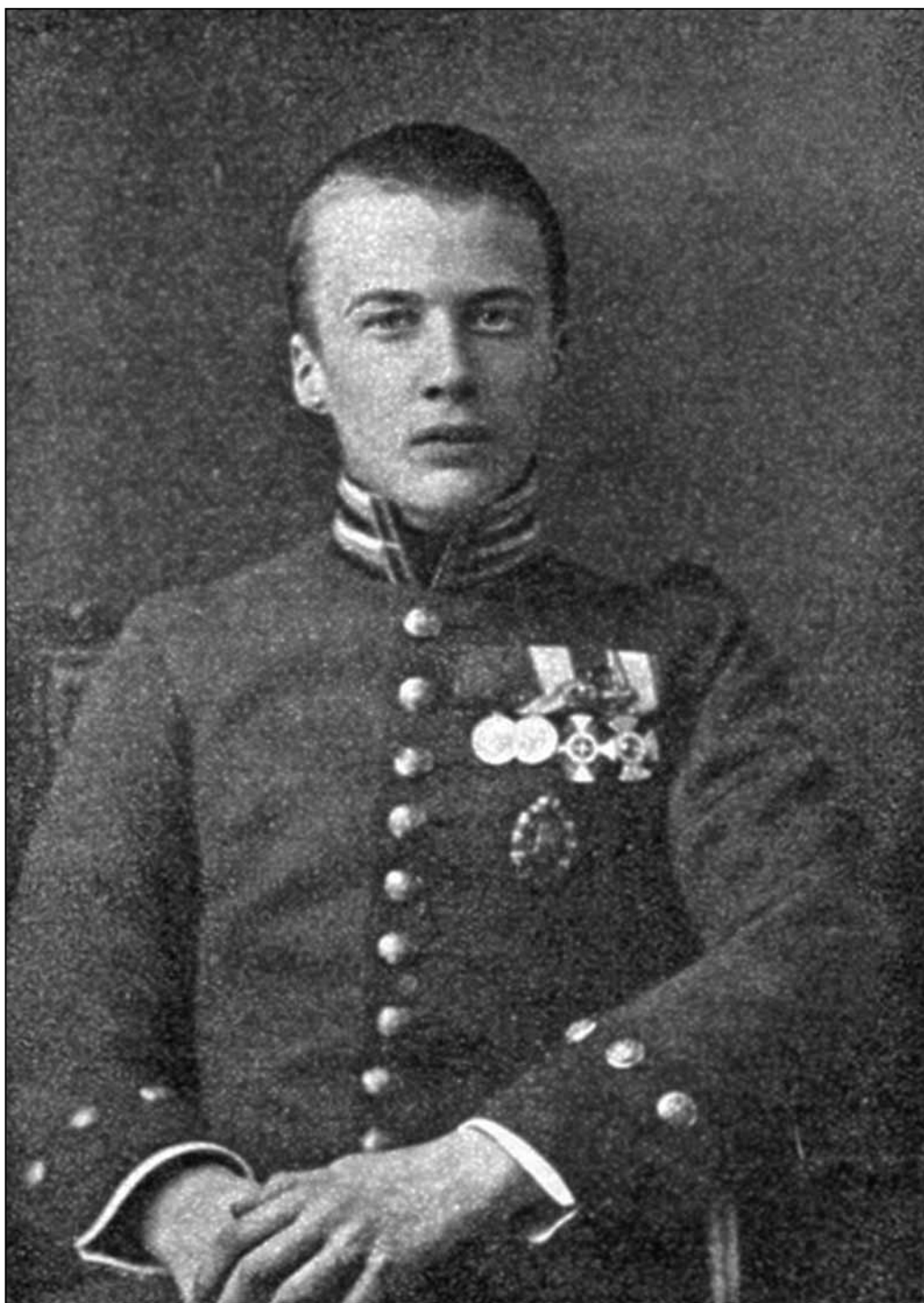
ние, а напротив того, поднимали его энергию и побуждали его к еще более напряженной работе».

15 ноября 1912 года в Петербурге было торжественно отмечено 20-летие Олега.

«День моего совершеннолетия был одним из самых радостных дней всей моей жизни: твои и мама подарки, чудный молебен, завтрак со всеми старыми и наличными служащими Мраморного и Павловска, икона, которой благословил меня митрополит Флавиан (Киевский), икона от служащих, икона от прислуги, картина Шишкина, которую мне подарили братья, удавшийся вечером реферат, представление «Севильского цирюльника» и, наконец, телеграмма от Государя — все это меня так радовало и трогало, что и сказать трудно».

Так он писал отцу. Но день рождения дал повод и для серьезных размышлений. Чем ближе становился день выпуска из лицея, тем чаще Олег задумывался о том, чем заниматься в жизни дальше. Он попеременно собирался то стать юристом, то сосредоточиться на писательской карьере. Но, прежде всего, думал о том, как «сделать много добра Родине».

«Нет, прошло то время, когда можно было почивать на лаврах, ничего не зная, не делать нам, князьям, — писал он и продолжал, цитируя своего прадеда Николая I: — Мы должны высоко нести свой стяг, должны оправдать в глазах народа

свое происхождение. В России дела так много!»

В конце концов Олег пришел к выводу, что больше всего пользы Отечеству принесет на военной службе.

«Мое настроение чудесно, — доверительно делился он с сестрой

Татьяной. — Я поступаю в полк. Эта зима — последний год в Лицее... Опять сочинения, рефераты и т.д. К Рождеству думаю дать второй выпуск моего издания, куда войдет вся проза Пушкина, находящаяся в Лицее. Видишь, как много планов. Самое трудное — хорошо их выпол-

нить, на что я надеюсь с Божьей помощью».

Торжественный выпускной акт в лицее, на котором 69-й выпуск расстался со своим учебным заведением, Олег пропустил — у него снова обострилась болезнь легких. Лицей он окончил с серебряной медалью, а его выпускное сочинение «Феофан Прокопович как юрист» получило Пушкинскую медаль.

Через короткий промежуток времени пришло сообщение о том, что государь император зачислил его корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк. Олег с волнением и восторгом рассматривал новенькие золотые погоны с «гусарским зигзагом», двумя серебряными звездочками и золотым вензелем императора. В белом ментике, алом доломане, темно-синих чакчирах и гусарских сапогах с розетками юный корнет выглядел очень эффектно. Особенно радовало его то, что служить предстояло вместе с братом — князь Гавриил служил в 4-м эскадроне лейб-гусар (впоследствии в этот же полк был зачислен и князь Игорь).

Но так радужно начавшаяся служба прервалась, практически не успев начаться. Олег успел только нанести визиты командиру, генерал-майору Георгию Ивановичу Шевичу, и всем офицерам полка и отдежурить по части, как сильнейшее воспаление легких — уже не первое в его жизни — свалило его с ног.

В сентябре 1913-го его отправили на лечение в Крым. Своего име-

ния у Константиновичей там не было, поэтому Олег гостил в имении великого князя Георгия Михайловича «Харакс» и почти ежедневно бывал во дворце великого князя Петра Николаевича «Дюльбер». Компанию ему составляли его троюродные брат и сестра — князя Роман Петрович и Надежда Петровна.

Надежде Петровне, для которой «Дюльбер» был малой родиной, суждено было стать единственной любовью князя Олега. Это было юношеское увлечение, чистое и невинное с обеих сторон. Мать Олега Елисавета Маврикиевна полагала, что Надя могла бы стать хорошей партией для сына. Но против этого брака выступала мать Надежды, великая княгиня Милица Николаевна — Наде было всего 16 лет, к тому же для нее Олег был... недостаточно знатным (хотя сама она в девичестве была всего лишь одной из черногорских княжон). Олег сказал, что будет ждать столько, сколько потребуется...

Плохо было то, что Крым принес лишь небольшое облегчение: кашель продолжал мучить юношу почти постоянно. Перезимовав в Подмосковье, Олег был вынужден просить у командира полка разрешения продолжить лечение в Италии.

Отдых князь совместил с выполнением поручения отца. Среди многочисленных должностей великого князя Константина был и пост председателя Русского императорского православного Палестинского об-

щества. Состоял в нем и Олег. Отец поручил ему произвести подробный осмотр строящегося в итальянском городе Бари храма Святого Николая и дома для паломников.

Между тем вся Европа с тревогой наблюдала за развитием русско-германского конфликта, связанного с гибелью эрцгерцога Франца-Фердинанда. Словно предчувствуя надвигавшиеся события, Олег отказался от дальнейшего отдыха на юге Италии и 10 июля, за два дня до предъявления австрийского ультиматума Сербии, выехал из Бари в Россию.

13 июля Высочайшим приказом были отменены отпуска для русских офицеров. Сразу же по приезду в Россию Олег явился в свою часть, несмотря на то, что чувствовал себя по-прежнему плохо. В дневнике он записал:

«Утром 18-го явился в полк. Мне сообщили, что в состав полка я не записан и что мне советуют, ввиду слабого здоровья и незнания строевого дела, зачислиться ординарцем в Главную Квартиру. Я пошел ругаться и даже, кажется, переубеждал начальство».

В полку Олегу разрешили остаться, но назначили в штаб:

«Командир сказал: "Я вам специально сообщаю, что вы будете вести дневник полка и будете моим корреспондентом". "Надеюсь, что я у вас долго не останусь", — отвечал я, на что командир возразил: "Это уж мое дело!"»

Единственная любовь Олега Константиновича — Надежда Романова

20 июля в 15.30. все семейство Романовых собралось в Зимнем дворце. После молебна Николай II огласил манифест о начале войны между Россией и Германией.

На Дворцовой площади уже собралась многотысячная толпа с национальными флагами, портретами императора и императрицы, лозунгами «Победа России и славянству», «Боже, Царя храни», «Свободу Карпатской Руси».

Затем император сказал несколько теплых слов тем родственникам, которые собирались на фронт. Подойдя к Олегу, Николай II с сомнением в голосе поинтересовался у своего крестника, сможет ли он воевать. Вопрос вовсе не звучал странно —

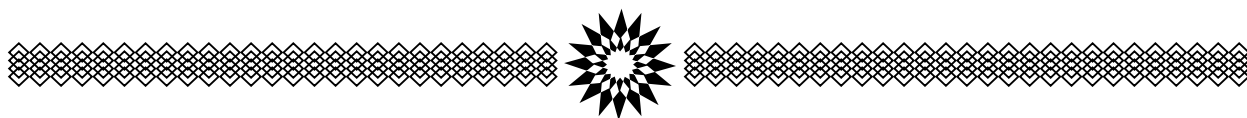
после недавно перенесенной тяжелой болезни князь выглядел очень исхудавшим и бледным. Но Олег твердо отвечал:

— Могу, Ваше Императорское Величество!

«Такого человека, как Олег, нельзя было удержать дома, когда его полк уходил на войну, — писал видевший эту сцену брат Олега Гавриил. — Он был весь порыв, и весь проникнут чувством долга».

совестно. Мой отец говорил мне то же самое, когда я уезжал на турецкий фронт в 1877 году.

Матери Олег отдал обручальное кольцо и попросил вернуть его княжне Надежде Петровне. Он прекрасно сознавал, какой опасности будет подвергаться на фронте, и не хотел связывать девушку обязательствами. В тот же день Олег попрощался с дорогими ему людьми.

В июле 14-го все семейство Романовых собралось в Зимнем дворце, и Николай II огласил манифест о начале войны между Россией и Германией. Император сказал теплые слова родственникам, отправлявшимся на фронт, а потом подошел к Олегу и спросил, сможет ли он воевать, учитывая его здоровье. На что Олег твердо ответил: «Смогу, Ваше Императорское Величество!» Ели князь и не был настоящим военным, то являлся истинным патриотом с горячим юношеским сердцем, далеким от петербургского снобизма

На следующий день утром он вместе с братьями пришел проститься с родителями. Великий князь Константин Константинович вернулся из Германии, где застала его весть о начале войны. Он, его жена и свита с трудом избежали интернирования.

Каждого из сыновей великий князь ставил на колени перед иконами, благословлял и говорил:

— Помните, кто вы, соответственно держите себя и служите добро-

«Мы все пять братьев идем на войну со своими полками, — записал он в те дни. — Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером идем на войну».

Несмотря на равнодушие к военной службе и слабое здоровье,

Вечернее Время

10 коп.

Изд. Б. А. Суворина

Герои Мировой войны 1914 г.

Его Высочество князь **ОЛЕГЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ**, скончавшийся отъ раны, полученной въ бою съ нѣмцами. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Род. 15 Ноября 1892 г. скончался 29 Сент. 1914 г. Память князя Олега Константиновича никогда не умретъ въ рядахъ русской арміи.

князь Олег не мог оставаться в стороне, вместе со своими братьями, князьями Гавриилом и Игорем, он с первых дней оказался в лейб-гвардии Гусарском полку, который входил в состав конного отряда Хана Нахичеванского, действовавшего на крайнем правом фланге 1-й русской армии.

Война для Олега Константиновича началась уже 16 августа, когда конница перешла границу Восточной Пруссии. Первоначально он слу-

Как указывал его брат князь Гавриил: «...несмотря на всю добросовестность и старание, он службы еще не знал». Однако это не мешало ему верой и правдой служить, перенося тяжести положения боевого офицера. В одном из писем домой он писал:

«Недавно я ходил в том же белье 14 дней. Обоз был далеко, и все офицеры остались без белья, без кухни, без ничего. Варили гусей чуть не сами. Я сам зарезал однажды на собрание двадцать кур. Это, может

жил в штабе полка, что его, по-видимому, не устраивало: по-юношески хотелось участвовать в горячих сражениях, рисковать жизнью, с оружием в руках ходить на врага. Настойчивые просьбы августейшего корнета в итоге были удовлетворены в сентябре, когда 1-я русская армия, дошедшая до реки Деймы и крепости Летцен, отступала из Восточной Пруссии, а лейб-гвардии Гусарский полк сражался на левом фланге, отражая атаки обходной группы противника.

быть, противно и гадко, но иначе мы были бы голодны. Никогда в жизни не было у нас такого желания есть, как теперь».

Так что князь, если и не был настоящим военным, то являлся истинным патриотом и глубоко религиозным человеком, с горячим юношеским сердцем, далеким от петербургского снобизма.

В конце сентября русские войска, оправившись от поражения, вытеснили немцев со своей территории в ходе первой августовской

операции и приблизились к границе. Именно во время этих событий Олег в письме домой писал:

«Мы живем только надеждой, что на нашем фронте немцы скоро побегут, — тогда дело подойдет к концу. Так хочется их разбить и со спокойной совестью вернуться к Вам».

В начале октября тяжелые бои развернулись около города Ширвиндта, когда 3-й корпус пытался обойти левый немецкий фланг.

кровью, «его высочество перекрестился и сказал спокойно:

— Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух».

Однако неожиданно состояние князя стало ухудшаться. К сожалению, общего заражения избежать не удалось. Но даже тяжело раненый князь оставался верен себе, думая о высоких материях.

— Пролитая кровь Царского дома поднимет дух войск, — сказал он врачам.

Похоронная процессия князя Олега Константиновича

5 октября наши войска ворвались в Ширвиндт. Среди них был князь Олег. Уже в самом конце сражения он получил тяжелое ранение в живот: пуля пробила толстую кишку. Рана оказалась тяжелая. К тому времени, как его доставили в госпиталь Ковно, заражение пошло по всему организму. После операции князь чувствовал себя хорошо. Генерал В.А. Адамович в письме к великому князю Константину Константиновичу написал, что после того, как он поздравил Олега с первой пролитой

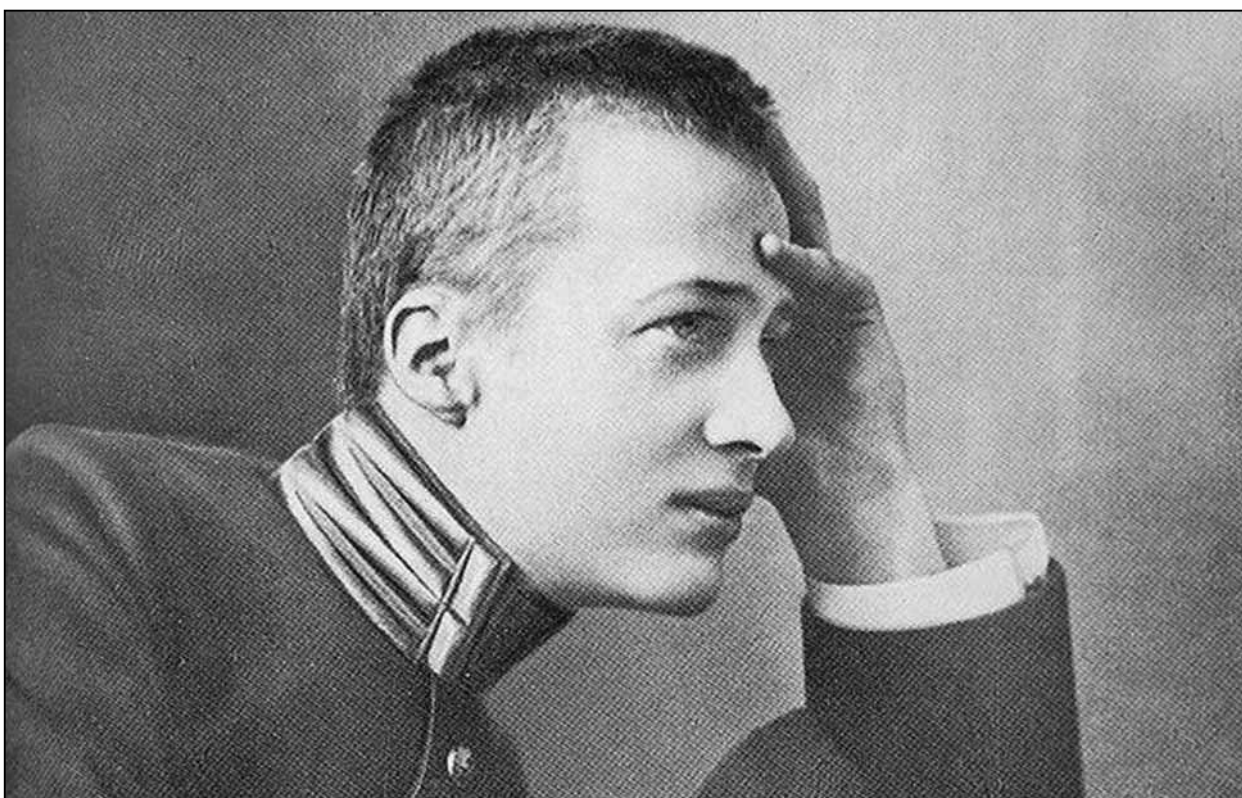
В последние часы перед смертью он продолжал на вопросы о самочувствии слабеющим голосом отвечать «Чувствую себя великолепно», затем впал в бред, что-то кричал, чтобы ловили лошадь или шли на врага.

Олегу Константиновичу становилось хуже. В Вильно срочно прибыли его мать и отец. Великий князь Константин Константинович лично приколол к рубашке сына награду — орден Святого Георгия 4-й степени. Это стало последней радостью в жизни

молодого князя. Через несколько часов, 29 сентября 1914 года, Олег Константинович Романов скончался на руках родителей, не дожив полутора месяцев до своего 22-летия...

30 сентября гроб с останками князя Олега на руках был перенесен в храм Святых Константина и Михаила, построенный в 1913 году к 300-летию дома Романовых. По пути сле-

дующий Волоколамск гроб с телом Олега встречала тысячная толпа. Там же собрались царственные родственники князя: королева Греции Ольга Константиновна, великая княгиня Елисавета Федоровна, великий князь Дмитрий Константинович, княгиня Татьяна Константиновна Багратион-Мухранская, княгиня Елена Петровна, князь Георгий Кон-

дования траурного кортежа стояли войска и тысячи жителей Вильны, пришедших отдать последние почести павшему офицеру... Архиепископ Виленский и Литовский Тихон (впоследствии патриарх Московский и Всея Руси) служил панихиду в присутствии родителей и братьев Олега.

На вокзал гроб везли на артиллерийском лафете. 3 октября на стан-

станции Волоколамск гроб с телом Олега встречала тысячная толпа. Там же собрались царственные родственники князя: королева Греции Ольга Константиновна, великая княгиня Елисавета Федоровна, великий князь Дмитрий Константинович, княгиня Татьяна Константиновна Багратион-Мухранская, княгиня Елена Петровна, князь Георгий Кон-

стантинович. Братья и дядя покойного на руках вынесли гроб из вагона. Печальный кортеж, впереди которого шло духовенство и хор певчих, двинулся в последний путь. По всему пути стояли местные крестьяне. Свыше ста венков везли на колесницах.

3 октября 1914 года князя Олега похоронили в подмосковном имении отца, великого князя Констан-

тина Константиновича, в его любимом Осташево, где молодой герой очень любил проводить время. На это требовалось соизволение императора — ведь членов семьи Романовых хоронили только в Петропавловском соборе. Такое разрешение было получено.

Отца сломила потеря любимого сына. *«Временами нападает на меня тоска, — признавался он в дневнике. — И я легко плачу. Ужас и трепет*

А печальной дневниковой записи Константина Константиновича, увы, суждено было стать пророческой — из восьми его детей не своей естественной смертью умерли четверо. В июле 1918 года от рук большевиков под Алапаевском погибли князя Иоанн, Игорь и Константин Константинович-младший — их живыми сбросили в глубокую шахту. Более благополучно сложились судьбы великой княгини Елисаветы

Когда русские войска ворвались в город Ширвиндт, князь Олег получил тяжелое ранение в живот. К тому времени как его доставили в госпиталь, заражение пошло по всему организму. В Вильно срочно прибыли его мать и отец, который лично приколол к рубашке сына награду — орден Святого Георгия 4-й степени. Это стало последней радостью князя. Через несколько часов он скончался на руках родителей. Олег Романов не дожил полутора месяцев до своего 22-летия...

берут, когда подумаешь, что с четырьмя сыновьями, которым нужно вернуться в действующую армию, может случиться то же, что с Олегом. Вспоминается миф о Ниобе, которая должна была лишиться всех своих детей. Ужели и нам суждено это? И я стану твердить: Да будет воля Твоя».

Великого князя мучили сильные приступы стенокардии, и 2 июня 1915 года он скончался, не дожив двух месяцев до своего 57-летия.

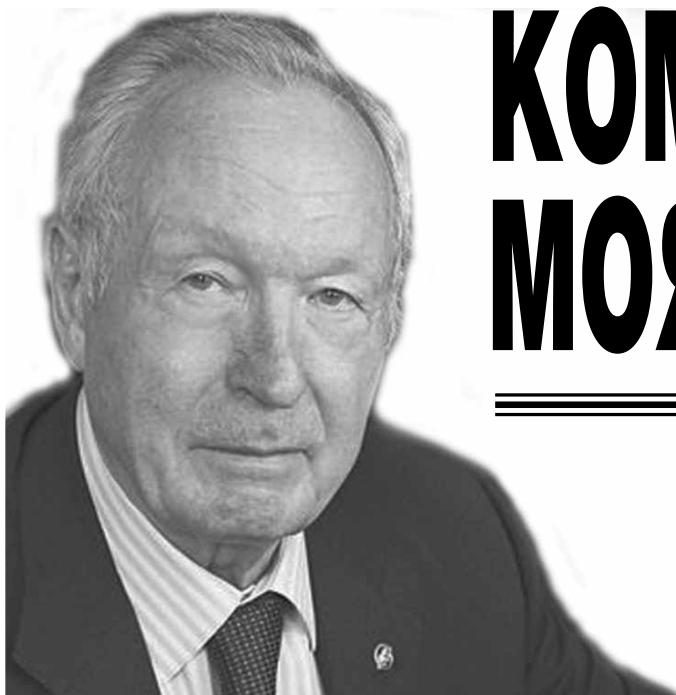
ты Маврикиевны, князей Гавриила и Георгия и княжон Татьяны и Веры, которые смогли эмигрировать.

А могила князя Олега оказалась полностью разрушенной в ходе революции. Крестьяне перенесли гроб с останками князя в тихую рощу недалеко от имения, но последующие события скрыли навсегда и это последнее пристанище «светлого князя».

Так называли его современники, и, наверное, называли очень точно. □

29 октября 2018 года столетний юбилей ВЛКСМ — молодежной организации, сыгравшей воистину историческую роль в жизни не только нашей страны, но и мирового сообщества. Организации, благодаря которой миллионы молодых людей смогли найти свое место в жизни и реализовать свой потенциал. Организации, благодаря которой в 1924 году был создан журнал «Смена».

Предлагаем вашему вниманию воспоминания Виктора Максимовича Мишина — первого секретаря ЦК ВЛКСМ с 1982 по 1986 год, сопредседателя Международного оргкомитета «Комсомолу-100», председателя Центрального совета Общероссийской общественной организации содействия воспитанию молодежи «Воспитанники молодежи — мое Отечество», председателя правления КБ «Крокус-банк».

КОМСОМОЛ — МОЯ СУДЬБА

Виктор
Мишин

... Мне — председателю совета одного из лучших пионерских отрядов, совет дружины московской школы №4 отказал в рекомендации для вступления в комсомол. Этот отказ был для меня как гром среди ясного неба. Позже мне, конечно, рекомендацию дали, но урок этот хорошо запом-

нился на всю жизнь. Может, поэтому полученный комсомольский билет — первый документ в моей жизни с фотографией — был для меня особенно дорог. Кстати сказать, его номер — 24225330 — до сих пор помню.

Отказ ожидал меня и при получении рекомендации для вступления

кандидатом в члены КПСС. Это произошло на заседании комитета комсомола МИСИ им. В. В. Куйбышева. Я был членом комитета комсомола, возглавлял студенческий профком, а это — почти пятитысячный коллектив. Рекомендации мне дали участник Великой Отечественной войны, декан факультета Юрий Сергеевич Буров и мой товарищ по учебе, прошедший армейскую школу, Владимир Колесник.

Чуть позже коллеги по комитету комсомола все-таки дали рекомендацию, и я был принят в кандидаты, а через год стал членом партии. Спустя некоторое время меня избрали секретарем комитета комсомола института.

Поэтому можно сказать, что мое продвижение по ступеням комсомольской карьеры (как теперь принято говорить) проходило непросто. Замечу только, что в то время слово «карьера» носило ругательный оттенок, и я к продвижению этому не прилагал никаких усилий. Более того, свои планы на будущее я связывал скорее с научно-исследовательской работой.

После защиты дипломного проекта меня рекомендовали в аспирантуру при кафедре вяжущих веществ и бетонов, которой руководил замечательный ученый, лауреат Ленинской премии Александр Васильевич Волженский.

Я был зачислен старшим инженером-исследователем в научно-исследовательский сектор института на эту же кафедру.

Но, как говорится, человек предполагает, а райком партии рекомендует. В начале 1968-го меня вызвали к секретарю райкома партии В.А. Дервянкину, и тот без обиняков объявил, что меня намерены рекомендовать к избранию вторым секретарем Москворецкого райкома комсомола. Я попытался отказаться, но ...

В Москворецком райкоме комсомола я не проработал и года. Стоит отметить, что коллектив там был дружный. Его возглавлял первый секретарь Юрий Возианов. Парень был и внешне красивым, и по-человечески обаятельным. Он здорово помог мне войти в ритм работы райкома. С ним всегда можно было посоветоваться. А еще нас очень сблизило общее увлечение: он тоже любил лошадей и занимался на Центральном московском ипподроме.

К сожалению, о Юрии приходится говорить в прошедшем времени. Он всегда производил впечатление мягкого человека. И только когда он боролся со смертельным недугом, мы все, его друзья, смогли убедиться в силе его духа, в том, каким стойким характером он обладал. Вечная ему память!

В конце 1968 года в Москве происходило районирование, изменение структуры управления города. Мне, в связи с этим, рекомендовали возглавить Советский райком комсомола. Специфика его состояла в том, что там практически отсутствовали крупные предприятия промышленности. Райкому нужно было приложить немало стараний, чтобы наша

районная организация не затерялась среди других, с более мощными ресурсами и возможностями. И нам это удавалось. Не случайно первый секретарь далеко не самого крупного района был избран членом бюро МГК ВЛКСМ, а в октябре 1971 года — секретарем Московского горкома комсомола.

Время работы в составе секретариата МГК ВЛКСМ до сих пор считаю счастливейшим периодом в своей трудовой биографии. Возглавлял секретариат горкома Сергей Купреев, интереснейший, принципиальный, чуткий и отзывчивый человек. С ним можно было советоваться по любому вопросу, не рискуя быть неправильно понятым. Он сумел создать такую атмосферу в нашем небольшом коллективе, что и работать, и отдыхать всем хотелось вместе. Я каждый день летел на работу, как на праздник. Коллеги — Игорь Шахманов, Ирина Конюхова, Валерий Шадрин, Юрий Можаров — всегда готовы были помочь друг другу, подставить плечо, подстраховать товарища, искренне болели и переживали за каждое из многочисленных мероприятий, которые проводились едва ли не ежедневно. И всегда находили возможность внести свой конкретный, сильный вклад в их подготовку.

Именно поэтому я воспринял приглашение на работу в ЦК ВЛКСМ на должность заведующего отделом рабочей молодежи как личную трагедию, и только уже позднее понял, что лучшей школы, чем был тогда отдел рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ, и

не придумаешь. Так я проходил все этапы комсомольской закалки. Как же они помогли мне в моей последующей работе и помогают сегодня!

Когда меня избрали на эту должность, у меня уже созрело понимание: комсомол работать по-старому не может и не должен.

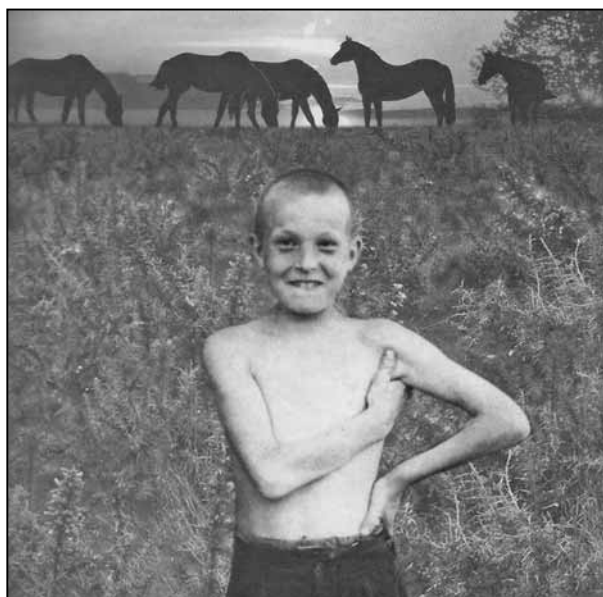
Не пытаюсь идеализировать эту уникальную молодежную организацию, а тем более, свою в ней работу. Нельзя забывать, что в середине 1980-х годов ВЛКСМ насчитывал в своих рядах более сорока миллионов человек. А это — четверть населения нынешней России. Практически все взрослые граждане Советского Союза в свое время носили в нагрудном кармане комсомольский билет.

Не будь комсомола, вряд ли бы и я, как и многие и многие молодые люди, состоялся как личность. Ведь именно в нашем союзе существовала возможность для самореализации. Он был настоящей «кузницей кадров». К слову, одна из причин неудачи экономических реформ, проводимых в России, на мой взгляд, заключается в том, что за дело взялись люди, не прошедшие нормальной жизненной школы. Все-таки служебная лестница — не самая бесполезная вещь в хозяйстве у хорошего хозяина. И не важно, кто им является — государство или частный собственник. В советское время на вершину могли взойти только наиболее способные, умные, трудолюбивые, целеустремленные, настойчивые. Все было более логично и, следовательно, достойно.

Как это ни покажется кому-то банальным, но комсомол снискал себе право называться «кузницей кадров» не случайно. Он учил молодых людей быть ответственными, энергичными, предприимчивыми. Что такое школа комсомола? Это четкая организация дела. Это навык работы с людьми. Это воспитание в себе руководящей воли, готовности принять решение в любой ситуации. Это и способность, когда надо, быть дипломатом. Именно такие качества, а также сравнительно молодой возраст позволили бывшим комсомольским работникам быстрее адаптироваться к новым реалиям, возникшим в нашей стране.

Достаточно взглянуть по сторонам и увидеть, что многие представители финансовой и политической элиты родом из комсомола. Сколько угодно примеров. Я поддерживаю тесные контакты с коллегами по комсомольской молодости и могу сделать однозначный вывод: абсолютное большинство наших людей состоялось и в этой новой, посткоммунистической, постперестроечной жизни.

Масштабы сделанного комсомолом за всю его историю поистине колоссальны. Становой хребет сегодняшней российской экономики, вне зависимости от нынешних форм собственности, создавался руками молодых, и комсомол был в центре этой работы. Как ни пафосно это звучит, но из песни слов не выкинешь: строительство Днепрогэса, Турксиба, БАМа, освоение тюменских нефтяных и газовых месторождений, про-

Босоногое детство

кладка трубопроводов, по которым сегодня качают нефть, приносящую нефтедоллары, — это все делалось руками молодых людей, комсомольцев. Сейчас кое-кто распространяет ложь, что БАМ построили ээки. Это неправда! Восточный участок БАМа прокладывали военные строители. А основную часть магистрали строили комсомольцы.

Когда бросились критиковать и изобличать застойную систему, «вместе с водой выплеснули и ребенка». Что плохого было в БАМе? Сказать, что все ехали за длинным рублем, орденами и квартирами, значит оскорбить ребят, которых влекли романтика, молодой задор. Я стоял у истоков этого движения, формировал первый отряд строителей БАМа, уехавший на стройку в 1974 году. У нас отбоя не было от желающих получить комсомольскую путевку!

Мне одному из первых посчастливилось пролететь БАМ из конца в ко-

*Бравый
защитник
Отечества*

нец на вертолете, много раз я бывал и на других стройках. Да, неудовлетворенность молодых строителей условиями жизни и труда иногда была, не всегда реальность совпадала с ожиданиями. Но молодежь горела желанием бороться с недостатками, бесхозяйственностью, узкими ведомственными интересами. Люди не были разобщены, они сплоченно выступали против трудностей.

Замечу: сегодня БАМ работает на полную мощность, превышающую проектную, и значение магистрали с каждым днем возрастает. Поэтому, что бы ни писали и ни говорили, — большое, нужное для народа дело сделала молодежь. На БАМе выросло целое поколение, и не сомневайтесь — не самое плохое поколение!

И наш БАМ верой и правдой служит и будет служить России.

Помимо строек у комсомола было немало и других живых дел. В начале 1986 года ВЛКСМ выступил одним из инициаторов создания Единой общественно-государственной системы научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Тогда это было очень прогрессивным начинанием. Система НТТМ позволила сплотить талантливых ребят, обладающих большим интеллектуальным потенциалом, имеющих желание реализовывать свои способности в общественно полезном деле и при этом — зарабатывать средства для своих личных нужд.

И пока первые советские кооператоры пытались завоевать себе

«место под солнцем», наши ребята, в том числе и те, кто сегодня занимает лидирующие позиции в российском бизнесе, спокойно делали свое дело. Причем делали его на абсолютно законных основаниях. Была возможность создавать творческие молодежные коллективы, где строго не регламентировалось, сколько потратить на развитие производства, а сколько — на зарплату. Это не было воровством государственных средств. Это было разрешенное законом свободное их использование. Происходило накопление первичного капитала.

Одна беда. Зарабатывать деньги ребята научились и занятие это полюбили. Но вот научно-техническое творчество отходило при этом на второй план. А ведь надо было зарабатывать деньги и для развития базы НТТМ, чтобы система самовоспроизводилась, была независима от госбюджета. В этом виделся один из рычагов ускорения научно-технического прогресса, реальный вклад в экономику страны.

Комсомол был также инициатором идеи молодежных жилищных комплексов (МЖК). Объединения молодых людей создавались не просто для совместного строительства общего жилого дома, но и служили основой образования новой социальной общности. Эта идея получила поддержку в широких молодежных кругах.

Нельзя сбрасывать со счетов то, что и освоение целинных земель, и движение студенческих строительных отрядов, и выпуск газет, журналов,

книг для молодежи — это все дела, которые организовывал ВЛКСМ.

И конечно, хотелось бы сказать о премиях Ленинского комсомола и их значении в экономическом и культурном развитии страны. Эта премия присуждалась молодым за достижения в области науки, техники, производства, культуры. Геннадий Месяц, Евгений Велихов, Юрий Овчинников, Александра Пахмутова, Алексей Баталов, Николай Губенко, Иосиф Кобзон... Какое созвездие имен! Всех просто невозможно перечислить.

Премия Ленинского комсомола для каждого лауреата имела особую ценность. Ведь как бывало с Госпремией, ну, допустим, в области науки? Там ученые пробивали в лауреаты представителя своей научной школы. По принципу: «Есть разные гипотезы: одна — моя, остальные — ошибочные». А премия Ленинского комсомола была в гораздо меньшей степени подвержена конъюнктуре.

В перестроечные годы комсомол часто обвиняли в формализме, очковтирательстве. Было и это, не скрою. И все же реальных, полезных дел было гораздо больше. Студенческие отряды, НТТМ, клубы «Кожаный мяч» и «Золотая шайба», школы молодых ученых и специалистов, военно-спортивные и пионерские лагеря... Что сегодня предложено молодежи взамен? Ни-че-го!

Не люблю менторский тон, но мне действительно жалко ребят, предел мечтаний которых ограничивается покупкой «БМВ» или поиском «теплого места».

А чем сейчас заняться простым ребятами, пацанам с улицы? Примкнуть к байкерам? Но ведь сегодня на «фестивали» байкеров добрая половина участников привозит свои дорогие мотоциклы на огромных трейлерах, да еще с парой крепких охранников. Это что — доступное увлечение для подростков?

Во времена комсомола ситуация, когда парень не окончил восемь классов и его отчислили из школы, становилась чрезвычайным происшествием. Да, были трудные ребята из неблагополучных семей. Но не существовало такого количества наркоманов среди подростков и молодежи, как сейчас. Не было беспризорников. Не было детской проституции. То, что происходит с молодежью нашей страны, это показатель, по которому можно судить о состоянии здоровья нашего общества.

Кто сегодня в стране всерьез занимается молодежью? Вопрос риторический. А ведь мы рискуем потерять целое поколение.

Нынешним юношеским организациям современной России не выжить без объединения усилий, без использования опыта комсомола. Общество, которое не думает о молодежи, — общество обреченное. Вот почему люди самых разных политических убеждений, разных конфессий обеспокоены тем, что работа с молодежью ослаблена, в ней начисто отсутствует системный подход. Сегодня даже Госкомстат и Министерство юстиции не знают, сколько у нас зарегистрированных и не-

зарегистрированных юношеских организаций.

Я как-то прочитал в СМИ, что количество молодежных организаций в стране уже перевалило за пять сотен. Но практически все они — сырые, аморфные, с непонятными декларациями. Пожалуй, единственная на сегодняшний день организация, не политическая, но хоть как-то структурированная, — это Российский союз молодежи. Сейчас в РСМ двести пятьдесят тысяч индивидуальных членов и около восьмисот тысяч участвующих в их программах: в проведении молодежных лагерей, фестивалей, конференций... Конечно, у них нет тех возможностей, которые были у нас, но они хотя бы пытаются что-то делать.

Одно время заявил о себе Союз молодежных организаций России. И замечательно! Я был бы рад, если бы лидеры сотен молодежных организаций, несмотря на различие взглядов и убеждений, объединились для представления и защиты коренных интересов молодежи. Ведь есть же эти интересы. К примеру, равный доступ к образованию, спорту, культуре... У молодежи много интересов, требующих деятельного внимания к ним. Так что есть ради чего объединяться.

Я уже отмечал тот отрадный факт, что некоторые формы комсомольской работы сейчас возрождаются. Взять, к примеру, военно-патриотическое воспитание, шефство над ветеранами войны, работу с трудными подростками, комплекс ГТО. Студенческие строительные отря-

ды участвуют в конкретных делах, например, в ликвидации последствий стихийных бедствий на юге России или на Дальнем Востоке.

Мы обязаны хранить историческую память и преемственность поколений, потому что опыт комсомола богат тем, в чем сегодня нуждаются дети, подростки, молодежь России. Кадровый запас прочности страны еще не иссяк только благодаря тем людям, которые прошли кадровую школу в комсомоле. Они возглавляют российские регионы, работают на самых ответственных постах — и в госструктурах, и в частном бизнесе.

Комсомол прикрыли не за то, что он был политической организацией, а, главным образом, для того, чтобы отобрать собственность, которая была у юношеского союза. Например, у Бюро международного молодежного туризма при ЦК ВЛКСМ были свои гостиницы, центры отдыха молодежи. Вот что потребовалось горячим головам «реформаторов» 1990-х годов.

Но отбросить драгоценный опыт духовного влияния комсомола на умы и сердца молодых людей в течение многих десятилетий, в годы мирного труда и боевых сражений за свободу и независимость Отчизны было бы вдвойне преступно. Меня радует, что и президент страны говорит о необходимости сильной молодежной политики.

Поэтому как никогда нужна сегодня мощная юношеская организация, которая бы представляла молодежь страны, действовала от ее имени и в

ее интересах, тормозила власть, влияла на общественное мнение. Это реально, к этому нам всем надо идти. Если только мы хотим сохранить молодежь здоровой духовно и физически!

«Дети разных народов...» Этим обращением начинался Гимн демократической молодежи, который мы пели в комсомоле с огромным воодушевлением. В наши дни, когда махровым цветом расцветает национализм, в том числе и на бытовом уровне, особенно ценным представляется комсомольский опыт интернационального воспитания детей и молодежи. Оглядываясь назад, во времена детства и юности, понимаешь, что нас тогда мало интересовало, какой национальности был тот или иной твой ровесник. Главное — каков он как человек. Интернационализм в действительности был огромнейшим завоеванием нашего Советского государства. И сегодня у каждого из нас, кто

прошел школу комсомола, есть немало друзей в ближнем и дальнем зарубежье. Я часто вспоминаю лица близких по духу товарищей — украинцев Анатолия Корниенко, Дмитрия Охромия, Валерия Цыбуха, белоруса Константина Платонова, литовца Валерионоса Балтрунаса, узбека Бури Алламурадова, таджика Шухрата Султанова, казаха Серика Абдурахманова, эстонца Индрека Тооме, латышей Марите Рукмане и Артура Плауде, грузин Иосифа Орджоникидзе и Джумбера Патиашвили, азербайджанцев Рахмана Везирова и Вагифа Гусейнова, армян Сурена Арутюняна и Левона Саакяна, туркменок Оглынабат Ишанкулиеву и Жанну Чаррыеву и многих, многих других.

Не могу оставить без внимания своих друзей из стран, которые были близки нам в советские годы, — Станку Шопову, Чабу Хамори, Мирослава Дочкала, Эгона Кренца.

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Годы жизни и работы каждого человека обогащают его и таким бесценным даром, каким является дружба.

Повторюсь: пусть не обижаются те мои многочисленные друзья, кого я даже не упоминаю на этих страницах. Это вовсе не от моей забывчивости. Просто не хватит сотен страниц, чтобы назвать всех моих друзей и товарищей, с кем посчастливилось вместе работать в молодые годы.

Сергей Купреев оставил самый глубокий след в моей душе. Почти

тридцать лет отделяют нас от момента трагической гибели Сергея Александровича Купреева. И чем больше проходит времени, тем более рельефно выявляются уникальные черты его личности.

Первое, что хочется сказать о друге: его отличала высочайшая культура. Я, пожалуй, не знаю другого человека с техническим образованием, кто настолько глубоко знал и чувствовал музыку, практически профессионально разбирался в литературе и театре, изобразительном искусстве. Он был душой, центром притяжения в любом коллективе. Этому способствовали его искренность, эмоциональность. К нему все относились с уважением — и близкие друзья, и все, с кем он общался, — поскольку он притягивал к себе окружающих своей открытостью и готовностью помочь другу, товарищу, просто знакомому или малознакомому человеку

Вспоминается такой случай. Было это в 1976 году. Прошло месяца три-четыре после моего избрания первым секретарем Московского горкома комсомола. Как-то вечером я приехал к Сергею и посетовал на то, что замучила текучка, приходится заниматься мелочовкой — устройством детей в сад, выбиванием квартир для активистов и тому подобными делами. Не хватает времени, чтобы подумать о перспективе, комплексном подходе к решению молодежных проблем. Сергей пристально посмотрел на меня и, улыбаясь, спросил: «Витя, ты, правда, дурачок

*Открытие
XII Всемирного
фестиваля
молодежи
и студентов
в Лужниках*

или прикидываешься? Все наши глобальные дела, планы, комплексные программы — полная ерунда, а главное как раз и состоит в помощи конкретному человеку. Это и остается в его сердце, в его памяти...» Позже не раз убеждался в том, до чего же был прав Сергей.

Купреев проповедовал принцип, согласно которому мы несем ответственность не только за наших родных и близких, но и за тех, кого поддержали, выдвинули на комсомольские или партийные посты. Он радовался успехам своих воспитанников и огорчался, когда те допускали ошибки, и когда их постигали неудачи. Всегда стремился поддержать, оказаться в нужную минуту рядом. Ему были присущи душевная мудрость, умение сопереживать человеку.

И еще одна грань личности друга. Он был большой патриот и интерна-

ционалист. Среди близких друзей Сергея Купреева можно было встретить людей самых разных национальностей. Как настоящий русский интеллигент, он очень уважительно относился к традициям, культуре, языку своих друзей. Вспоминается немало примеров.

В 1971 году я вместе с Сергеем принимал участие в торжественном пленуме ЦК ЛКСМ Армении, посвященном пятидесятилетию образования комсомола республики. Так вот, большую часть своей приветственной речи Сергей произнес на армянском языке, цитируя при этом произведения не самых известных поэтов Армении.

Особые симпатии Купреев питал к Грузии и серьезно изучал грузинский язык. Ныне покойный народный поэт Грузии Ираклий Абашидзе не раз с восхищением говорил, что был поражен тем, как талантливо

*Дорогой славы
отцов.
И.Х. Баграмян
(слева) —
Маршал
Советского
Союза*

исполнял Сергей обязанности тамады на грузинском языке.

Мне пришлось наблюдать интернационализм Сергея, его уважение к традициям и культуре народов не за одним только праздничным столом, но и в трагические моменты армяно-азербайджанского конфликта, когда мы вместе работали в Комитете особого управления в Нагорном Карабахе. В течение года мы жили в Степанакерте в одной квартире. Было много поистине драматических ситуаций, когда приходилось вести трудный диалог с чрезмерно возбужденными людьми, а то и с разъяренной толпой. Нужно было говорить людям не самые приятные вещи, представляя интересы отсутствующих соседей. Принципиальная, честная позиция, которую всегда занимал Сергей, снискала ему заслуженный авторитет как азербайджан-

ской, так и армянской сторон конфликта.

Несмотря на свою интеллигентность и мягкость, Сергей Купреев был человеком принципиальным. К нему в полной мере можно отнести слова Владимира Маяковского: «Он к товарищу милел людскою лаской, / Он к врагу вставал железа тверже!»...

О Сергее Павлове. Так сложилось, что мне не пришлось работать непосредственно, бок о бок, с человеком, который возглавил нашу молодежную организацию тогда, когда она состояла исключительно из «шестидесятников». Я имею в виду «шестидесятников» по духу. Это уже позже узкая группа крикливых возбудителей общественного спокойствия монополизировала право именовать так только себя. А ведь это был период «оттепели», как охарактеризовал

это время Илья Эренбург, и молодежь, наиболее чуткая к переменам, забурлила дискуссиями, новаторскими начинаниями во всех сферах жизни.

Как близко к сердцу воспринимали мы тогда полемические баталии на страницах «Комсомолки» между «физиками» и «лириками»! Нас всеерьез волновал вопрос: «нужна ли в космосе ветка сирени?» В обществе, а тем более в самом юном его отсеке — комсомолии, шла острейшая борьба многих течений, закладывался фундамент для предстоящих форм и методов комсомольского действия. Вот это время и вывело на орбиту вожака советского комсомольского племени Сергея Павлова.

Я имел возможность не один раз слушать его зажигательные речи на различных комсомольских форумах. Не все, конечно, восторгались его принципиальной позицией по тем или иным вопросам. Но это было действительно бурное время. И шел во главе комсомола достойный человек, что бы о нем ни говорили.

Сергей Павлович покорял нас своим обаянием, эрудицией, откровенными суждениями по самым различным проблемам в жизни нашей страны и за рубежом. Уже позднее я узнал, что С. П. Павлов высшее образование получал, будучи председателем Государственного комитета по физкультуре и спорту. Но воистину справедлива мысль, что образование не столько добавляет ума, сколько позволяет систематизировать ранее обретенные человеком знания.

Убежден, что не только я, но и большинство комсомольцев не задавались даже вопросом, имел ли высшее образование тогдашний руководитель комсомола. Он был весь — порыв, сгусток энергии. Если прибегать к горьковскому образу — человек, своим горящим сердцем зовущий идти за собой. Масштаб личности этого красивого голубоглазого мужчины, его способность постичь подлинный дух юношества, его удивительный талант находить с молодыми людьми общий, понятный им язык еще ждут своей достойной оценки, литературного воплощения в биографических произведениях.

О Валерии Сухорадо. И это все о нем... Уже десять с лишним лет нет с нами Валерия. И видит бог, не проходит ни одной встречи друзей по комсомолу за столом, чтобы не вспоминали его — настоящего парня, веселого, неординарного человека. В памяти каждого, кто хорошо был знаком с Валерием, он остался, прежде всего, как человек неиссякаемого юмора, самоиронии и удивительной легкости в общении и огромной работоспособности. Поэтому и у меня, когда вспоминаю встречи с Валерой, всегда всплывают перед глазами эпизоды с его искрометными шутками, розыгрышами и очень добрыми мистификациями.

Шутить Валерий ухитрялся в любой ситуации. Но при этом никогда не терял чувство меры. И обид на его шутки, как правило, ни у кого не было. Однажды он «оживил» очень

серьезное мероприятие — пленум горкома комсомола, на котором Сергея Купреева освобождали от обязанностей первого секретаря МГК ВЛКСМ в связи с переходом на партийную работу. В зале присутствовали партийные работники, секретарь горкома партии и первый секретарь ЦК ВЛКСМ. Вышедший к трибуне Валерий Сухорадо произнес добрые пожелания успехов на новом участке работы, а затем наклонился и, в подарок Сергею, достал из-под трибуны живого петуха. На несколько секунд воцарилась мертвая тишина, а затем зал разразился гомерическим хохотом. Эта шутка ни в коей мере не противоречила торжественности и серьезности момента. Просто Валерий намекнул другу: не проспите ответственных часов на новом посту.

Валерий прожил короткую, но яркую жизнь. И повсюду проявлялись лучшие качества его творческой личности.

Особое место в биографии Валерия Сухорадо занимает работа в ЦК ВЛКСМ. В 1976 году было принято постановление ЦК КПСС об усилении работы с творческой молодежью. В ЦК ВЛКСМ был образован специальный отдел, призванный возглавить работу на этом важном направлении, а Валерий Сухорадо стал его первым заведующим. Если принять во внимание роль и значение Московского обкома комсомола, авторитет его первого секретаря, то приход не в самый основной отдел ЦК для Валерия вряд ли был боль-

шим карьерным ростом. Но он всегда считал главным работу, а не амбиции. На этом участке в полной мере раскрылись его дарования как истинного творца и организатора. Убежден, что именно в эти годы комсомол наиболее плодотворно работал с творческой молодежью, а героем нашего повествования являлся генератором множества плодотворных идей, проводником комсомольского влияния на молодые таланты.

Особенно хотелось бы сказать о той роли, которую сыграл Валерий Сухорадо в подготовке и проведении XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване. Думается, благодаря его неисчерпаемому творческому потенциалу для основной части нашей делегации и художественных групп стали незабываемыми две недели подготовки к фестивалю, в течение которых прекрасный лайнер «Шота Руставели» пересекал Балтийское море и Атлантику. И, конечно, Валерий был, без преувеличения, главным режиссером феерического карнавального шествия и гала-концерта советской делегации.

В.В. Сухорадо немало сил и таланта отдал подготовке совершенно уникальных концертов на XVII и XVIII съездах комсомола, автором сценариев и главным режиссером которых он был.

Мне же хочется закончить свои воспоминания рассказом о последнем творческом вкладе Валерия в пропаганду идей комсомольского содружества — его участии в подготовке концерта в Государственном

*С Михаилом
Александровичем
Шолоховым*

Кремлевском дворце, посвященного 80-летию комсомола. Он был главным режиссером этого памятного вечера. Следует отметить, что концерт состоялся в 1998 году, возможностей для организации было куда меньше, чем в советские времена. И все же это событие стало заметной вехой в культурной жизни столицы, всей страны.

На этом концерте впервые прозвучала песня, написанная Георгием Мовсесяном на слова Валерия Сухо-радо, — «Комсомол, комсомол, комсомол». С той поры эта песня стала современным гимном всех воспитанников комсомола.

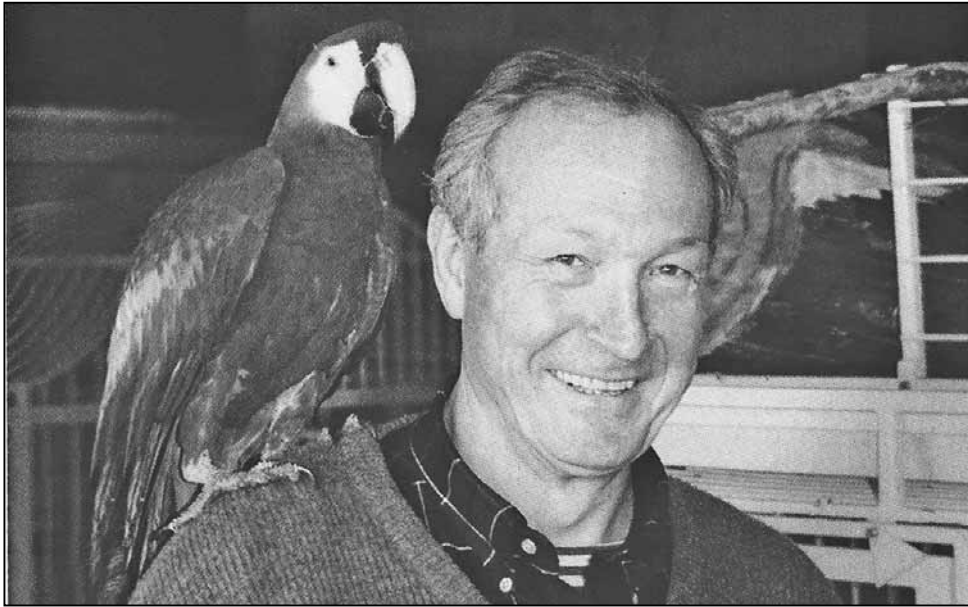
Словами из этой песни и закончу свои заметки о прекрасном человеке и настоящем друге:

*Это память моя, это вера моя —
Комсомол, комсомол, комсомол.*

О Владимире Федосове. Как бывает несправедлива судьба. Писать о Владимире и легко, и сложно. Лег-

ко потому, что еще при жизни успел сказать ему очень многое. Сложно потому, что есть перед ним мало-объяснимое чувство вины. О чем идет речь?

Володю избрали секретарем ЦК ВЛКСМ в 1983 году. Выражаясь современным сленгом, его «дресс-код», как мне представляется, не до конца соответствовал требованиям, предъявляемым к комсомольскому лидеру 1980-х годов, хотя все мы тогда не были пижонами и франтами. Брели Федосова в ЦК ВЛКСМ с перспективой на должность второго секретаря, занимающегося оргработой. Там бы он был на своем месте. Но обстоятельства сложились иначе и Володе Федосову пришлось передвинуться на позицию секретаря ЦК ВЛКСМ, занимающегося подготовкой XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. И здесь он работал в напряженном ритме, обогатился ценным опытом в политической, международной и организационной

*«Подарок»
Николая
Левичева*

сферах. Это здорово помогло ему, на мой взгляд, когда он перешел в Комитет защиты мира, а затем занимался созданием новой структуры уже в постперестроечное время — Федерации мира и согласия. Здесь в полной мере раскрылись его дипломатический талант и организаторские способности.

Владимир Федосов ушел из жизни в расцвете сил, совсем молодым. Будучи человеком высокой внутренней культуры, он бережно относился к собственному здоровью, старался быть на острие всех новых разработок в области медицины. И тем неожиданнее была для всех нас, его друзей, весть о серьезном заболевании, приведшем к трагической развязке. Он всегда казался нам могучим мужиком, да, по сути, и был таким. Мы все надеялись, что Владимир будет именно тем человеком, вокруг которого сплотятся все воспитанники комсомола, чтобы по мере своих сил и возможностей вно-

сить посильный вклад в дело воспитания подрастающих поколений.

Он был душой работы Воронежского землячества в столице. Под крылом Федосова в здании на проспекте Мира зарождались и осуществлялись многие благородные дела московских воронежцев.

Постоянно повышая свой образовательный уровень, стараясь, по Пушкину, «в просвещении стать с веком наравне», Володя защитил в Академии госслужбы кандидатскую диссертацию и уже на заре развития компьютерной грамотности стал одним из наиболее продвинутых и активных пользователей электронно-вычислительной техники.

В моей жизни есть эпизод, который не сотрется в памяти до конца дней моих. Было это в злополучный 1991 год. Излишне напоминать, что времена тогда были не очень сытые. Семейный достаток моей семьи в одночасье подошел к концу. Я даже стал подумывать сдать квартиру,

а самим разъехаться по родителям. Только мысль о том, что соседи станут судачить: «Мишин дошел до ручки», — удержала от этого шага. Все-таки наши предки были правы: что бы ни случилось — имя и биография обязывают «не терять лицо».

Так вот, именно в это время в моей квартире раздался телефонный звонок. Звонил Владимир Федосов, спросил, может ли он ненадолго заскочить к нам. Я даже несколько удивился от неожиданности, так как в то время мы с ним общались не очень часто. Спустя несколько минут Володя вошел в квартиру с мешком картошки, лука, капусты и куском мяса. Мы с женой несколько оторопели при виде всего этого. Оказывается, он возвращался со своей «малой родины» из Воронежской области и решил всем своим друзьям привезти гостинцы. Подарок этот в те дни дорогого стоил. Но еще дороже я ценю этот поступок Володи с годами. Вот таким в жизни был Владимир Федосов!

О Людмиле Швецовой. Дар бесценный ей дан.

Об этой женщине, если ты не искренен, лучше не писать. Человек она была во всех отношениях удивительный. Я не знаю никого, кто в наше время, являясь должностным лицом, пользовался бы таким уважением и любовью людей, как Людмила Ивановна. Этот авторитет завоеван ею самой.

Ко всем проблемам, которые приходилось ей решать, особенно если

они касались человеческих судеб, она относилась неформально, с душой. Окружающие всегда были уверены: никакой мелочи она не упустит, докопается до сути, найдет возможность поддержать, ободрить человека, который уже сник перед чиновничьим беспределом. Огромной души ее хватало, чтобы согреть тысячи незнакомых людей, которых она не считала чужими.

За годы работы в Московской мэрии Людмила Ивановна сделала так много для социальной сферы столичного мегаполиса, что ее имя будет помнить и ценить не одно поколение москвичей. Будучи сама человеком не самого идеального здоровья, она приходила на помощь всем, кто в ней нуждался. И не только близким, друзьям и товарищам.

Отзывчивость Людмилы Ивановны, обаятельная улыбка, с которой она встречала каждого, кто обращался к ней, создавали впечатление, что перед тобой — самый удачливый в жизни, счастливый человек. А, между тем, судьба вовсе не баловала эту великую женщину. Безвременная потеря мужа, трагическая гибель сына, многие тяготы и лишения, выпавшие на ее долю, не очерстили ее, не сделали равнодушной. Наоборот, преодолевать собственные невзгоды она научилась в борьбе за счастье других людей.

Меня всегда приятно поражало несомненное ораторское искусство Людмилы Ивановны. Слушаешь ее, и создается впечатление, что речь льется логичным ручейком, что этот

экспромт рождается прямо перед тобой. Если бы мне самому не приходилось очень часто выступать перед различными аудиториями, может быть, я и поверил бы, что это возникает так просто, само собой. Но опыт подсказывает, что каждый раз, подходя к микрофону, глядя в глаза слушающим ее людям, Людмила Ивановна говорила им то, что накануне было тщательно продумано и взвешено, и что непременно следовало высказать именно здесь, в этой аудитории. Нужно обладать особым талантом, чтобы уловить настроение пришедших на встречу с тобой людей, ответить на волнующие их вопросы, найти слова, которые бы затрагивали их душевные струны.

Друзья не раз мне говорили с восхищением: Людмила Ивановна ни в одном из своих выступлений не позволяла себе бездушных штампов и повторений. И каждый ее разговор со слушателями непременно отличался своеобразием, неординарностью. Это — замечательный талант авторитетного в народе общественного деятеля.

Об Иосифе Кобзоне. Его песни ведут нас по жизни.

Конечно, Иосифа Давыдовича представлять вряд ли стоит. Сказать, что он легенда советской и российской эстрады — это почти ничего не сказать о нем. Его песни, дивный голос сопровождают нас повсюду. И это — действительно большая удача, выпавшая нашему поколению.

Вместе с тем, слушая Иосифа Давыдовича со сцены в наши дни, я все чаще склоняюсь к тому, что он по праву является генеральным секретарем нашего ветеранского комсомольского движения. Свою неутомимую концертную деятельность Иосиф Давыдович совмещает с державным служением, являясь первым заместителем председателя Комитета по культуре Государственной думы Российской Федерации. И это при том, что он не обладает могучим здоровьем. Зато в дружбе — это глыба. Всегда готовый прийти на помощь, своей доброжелательностью, отзывчивостью, сердечным вниманием он служит для многих примером того, как следует относиться к людям, нуждающимся в поддержке.

Мне как-то попало высказывание Иосифа Давыдовича в ответ на злые нападки на него со стороны некоторых так называемых «демократов». Кобзон-де — певец «застоя». Со свойственными ему остроумием и прямоотой он отвечал: «Напишите хорошую песню о перестройке или о нынешнем времени, и я буду с удовольствием ее исполнять».

Иосиф Давыдович не просто постоянный член оргкомитетов по достойному проведению празднований 80-летия, 85-летия, 90-летия, 95-летия и готовящегося 100-летия со дня образования комсомола. Он — активнейший участник концертных программ в Государственном Кремлевском дворце, посвященных этим знаменательным датам. И верится, что с песнями Ио-

сифа Давыдовича мы и завтра будем шагать в будущее.

Завершить свои воспоминания о былом и пережитом хочу словами русского историка Василия Ключевского: «В России развилась особая привычка к новым эрам в своей жизни, склонность начинать новую жизнь с восходом солнца, забывая, что вчерашний день потонул под неизбежной тенью. Это предрассудок — все от недостатка историче-

ского мышления, от пренебрежения к исторической закономерности».

И если мы не избавимся от этого предрассудка, если не откажемся от желания выбрасывать в угоду конъюнктуре целые периоды отечественной истории, если не преодолеем набившее оскомину пренебрежение к опыту наших предков, его изучению и использованию в новых реалиях жизни, — трудно нам будет достичь тех желаемых рубежей, о которых мы так мечтаем. □

Юрий Осипов

И.С. ТУРГЕНЕВ

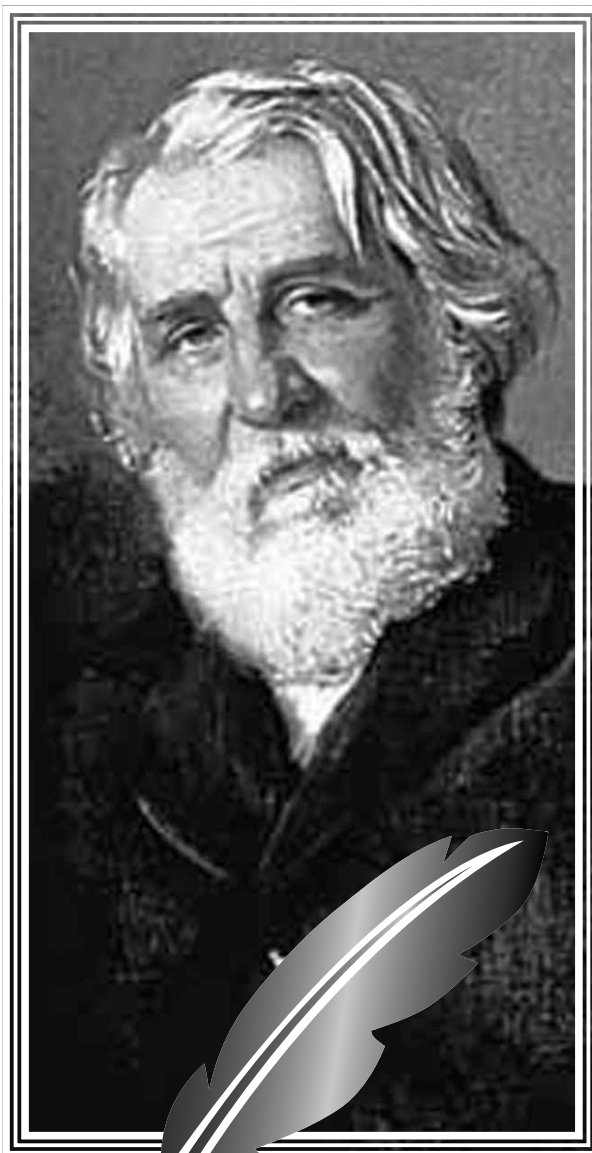

Иван Сергеевич Тургенев — писатель особого склада и стоит в ряду других русских писателей несколько особняком. Его первым среди наших классиков стали переводить и издавать в Европе. Созданная им художественная система изменила поэтику романа не только в России, но и за рубежом. Его произведения восхваляли и жестоко критиковали, а он все пытался найти в них путь, который привел был столь любимое им (хотя, в основном, издалека) Отечество к счастью и процветанию.

Страстный охотник, Тургенев с ружьем и верным пойнтером исхо-

**Корифей
русской
литературы**

*К 200-летию
со дня рождения*

дил по лесам и болотам центральные губернии России, а потом расстался с ними на долгие десятилетия, чтобы, подобно Гоголю, создававшему в Риме «Мертвые души», выпустить из-под своего пера едва ли не самую проникновенную и поэтичную книгу — «Записки охотника».

Там же в Европе он поднял самую животрепещущую для того времени проблему российской жизни, отраженную в названии его главного романа «Отцы и дети». «Тургеневские девушки» из «Дворянского гнезда» и «Рудина» пленительными образами вошли в сознание череды поколений наших читателей, а сам Иван Сергеевич большую часть жизни посвятил всепоглощающей любви к французской певице Полине Виардо, сопровождая ее с мужем в европейских турне.

Став европейцем по образу жизни и привычкам, Тургенев воспел хрестоматийную хвалу родному языку: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Семья писателя происходила из древнего рода тульских дворян Тургеневых. Отец, Сергей Николаевич, красавец-кавалергард, беспечным образом жизни расстроив свои финансы, для поправки положения вступил в 1816 году в брак по расчету с очень состоятельной дворянкой Варварой Петровной Лутовиновой и в звании полковника вышел в отставку. Брак их не был счастливым, но дети рождались исправно.

Родившийся 28 октября 1818 года Иван, второй ребенок, оказался любимцем матери, женщины власт-

ной и деспотичной, хотя и весьма непростой. Крепостнические привычки уживались в ней с начитанностью и образованностью, а семейный деспотизм, не исключавший побои любимца, — с заботой о воспитании детей. В доме даже молились по-французски, причем родной язык и литература были Варваре Петровне отнюдь не чужды. Она обладала прекрасной образной русской речью, много путешествовала, следила за книжными новинками, поддерживала связи с В. Жуковским, М. Загоскиным и охотно цитировала

в письмах к взрослому сыну произведения Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Отец тоже приучал детей к родному языку и требовал, чтобы во время его отлучек из дома они писали ему по-русски.

До девяти лет будущий писатель жил в наследственном матушкином имении Спасское-Лутовиново вблизи Мценска. Любовь к русской ли-

ском зоопарке четырехлетний Иван едва не погиб, сорвавшись с перил ограждения в ров с медведями — отец успел поймать его за ногу...

На студенческую скамью словесного факультета Московского университета он сел, пройдя обучение в двух престижных частных пансионах Первопрестольной. Выглядел Иван старше своих 15 лет — высо-

*Родители —
Варвара Петровна Лутовинова,
Сергей Николаевич Тургенев*

тературе маленькому барчуку привил помимо родителей один из крепостных камердинеров, послуживший прототипом Пунина в тургеневском рассказе «Пунин и Бабурин». В 1827 году Тургеневы переехали в Москву, желая дать детям хорошее образование, и купили дом на Самотеке. Ранее семья совершила путешествие по Европе, и в берн-

ский, статный, красивый и, как уже тогда было заметно, литературно одаренный. Вместе с ним слушали лекции Белинский и Герцен. Профессора не оставляли желать лучшего. Но через год старший брат Ивана был зачислен в гвардейскую артиллерию, и семья переехала в северную столицу. Тургенев перешел в Петербургский университет, теперь

на философский факультет, где близко сошелся с учившимся там в это время Т. Грановским, будущим крупным ученым-историком западной школы.

Вообще-то поначалу Иван Сергеевич готовил себя в поэты и даже сочинил на третьем курсе пятистопным ямбом драматическую поэму, которую показал своему преподавателю словесности П. Плетневу, известному поэту, критику и издателью из пушкинского окружения. Тот

До этой публикации Тургенев написал почти сто небольших стихотворений, несколько поэм и благополучно окончил университет. Получив кандидатскую степень, он в 1837-м году отправился в Германию, поселился в Берлине и всерьез взялся за учебу.

В истории русской литературы, пожалуй, не найти столь широко образованного большого писателя, каким был автор «Отцов и детей». В Берлинском университете он слу-

---

В

любиться самоотверженно, без оглядки и колебаний писатель сумел только тогда, когда встретил на своем жизненном пути великую оперную певицу Полину Виардо. Полина не особо выделяла Тургенева из толпы поклонников. Но со временем все изменилось, и Иван Сергеевич стал постоянно сопровождать семейство Виардо во время гастролей в Германии, в Лондоне, в Париже, в Петербурге

разнес тургеневскую пробу пера в пух и прах, правда, оговорившись, мол, в сочинителе «что-то есть». Эти слова вдохновили молодого человека к написанию еще ряда стихотворений. Два из них Плетнев в 1838 году напечатал в журнале «Современник», который издавал на паях с Пушкиным и редактором которого являлся. Опубликованы они были за подписью «...в». Но их можно считать настоящим литературным дебютом выдающегося отечественного прозаика.

шал лекции по истории античной литературы, а дома занимался грамматикой латыни и древнегреческого. Это позволило ему свободно читать античных классиков. Заметное влияние в те годы оказал на него видный русский литератор и мыслитель Н.Станкевич, с которым Тургенев подружился в Берлине и который побудил молодого коллегу посещать лекции гегельянцев.

Новый немецкий идеализм с учением о мировом развитии, «абсолютном духе» и высоком призвании

поэта произвел на Тургенева сильное впечатление. Постепенно в душе начинающего писателя созрело твердое убеждение, что только усвоение базовых начал общечеловеческой культуры сможет вывести Россию из того мрака, в котором она пребывала столетиями.

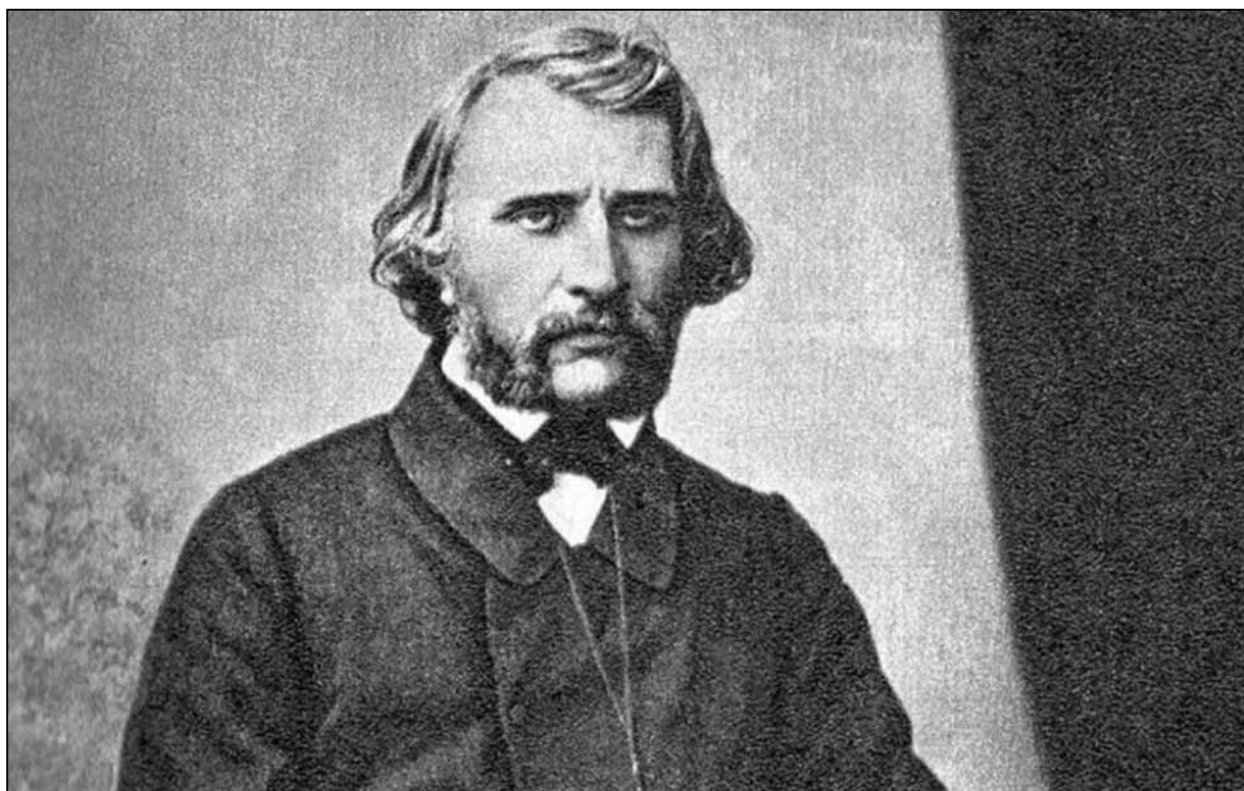
В 1839-м Тургенев вернулся на родину, но уже в следующем году вновь уехал в Европу, посетив Германию, Италию и Австрию. А когда год спустя снова вернулся в родное Лутовиново, тут же подал прошение в Московский университет о допуске к экзамену на степень магистра философии. За отсутствием вакансии просьбу отклонили, и он выдержал экзамен на латыни для получения степени магистра греческой и латинской филологии в Петербургском университете, а также написал диссертацию для словесного факультета... Однако на тот момент его тяга к научной деятельности остыла, и Тургенев начал отдавать все большее предпочтение литературному творчеству. Отказавшись от защиты диссертации, он неожиданно устроился на работу в Министерство внутренних дел, где прослужил в должности коллежского секретаря до 1844 года.

В тот период сформировался обширный круг его литературных знакомств. Еще в 1837-м году произошло несколько мимолетных встреч Тургенева с Пушкиным. Встречи с Лермонтовым не привели к их более близкому знакомству, но лермонтовская поэзия оказала определенное

влияние на стихотворные опыты начинающего сочинителя. Его задушевными собеседниками были Жуковский, замечательный поэт А. Кольцов, маститый историк литературы и многолетний цензор А. Никитенко. Позже к ним присоединился «неистовый Виссарион», Белинский, с которым Тургенева со временем связала крепкая дружба.

Университетская учеба, углубленные занятия филологическими науками и литературным творчеством, общественные интересы никак не мешали бурным романтическим увлечениям молодого Тургенева. От природы он был наделен пылкой натурой, которая проявилась в нем достаточно рано. В 15 лет без памяти влюбился в 18-летнюю поэтессу, дочь княгини Шаховской, Екатерину. Подмосковные имения их родителей соседствовали, и семьи часто обменивались визитами. Варвара Петровна в сердцах называла Катерину «поэткой» и «злодейкой», поскольку против ее чар не устоял и любвеобильный отец Тургенева, Сергей Николаевич, которому девушка ответила взаимностью, разбив тем самым сердце будущему писателю. Через много лет, в 1860 году он перенес эту личную драму в повесть «Первая любовь», наделив героиню чертами Кати Шаховской.

Белошвейка Дуняша покорила Ивана во время его возвращения в Лутовиново из европейского путешествия. Любовная связь с крепостной закончилась беременностью девушки. Иван изъявил готовность же-

ниться, но разгневанная Варвара Петровна спешно выслала дворовую в Москву, где та и родила дочь Пелагею. Дуняшу выдали замуж, а незанорожденную дочь писатель официально признал лишь через семнадцать лет.

Вскоре после этой истории продолжавший искать идеал в любви Тургенев познакомился с Татьяной Бакуниной, сестрой будущего знаменитого революционера-эмигранта. В имении Бакуниных Премухино зима 1841–42 годов прошла для писателя в тесном общении с кругом братьев и сестер Татьяны, в которых по очереди влюблялись его друзья — Станкевич, Белинский, Боткин. Татьяна была старше Тургенева на три года и, подобно своей молодой родне, увлекалась немецкой философией. Отношения с окружающими виделись ей сквозь призму фихтевско-

го идеализма. Живя в одном доме с Тургеневым, она писала ему на немецком языке письма, полные пространных рассуждений, самоанализа, и ожидала таких же ответов от него.

Понятно, что пылкий Иван Сергеевич не мог удовлетвориться столь умозрительными чувствами, хоть Татьяна и влюбилась в молодого писателя по-настоящему. Не оставшись к ней равнодушным, он под влиянием их эпистолярно-платонического романа с философским подтекстом разразился несколькими лирическими стихотворениями, поэмой «Параша» и рассказом. А затем сменил вектор сердечных поисков. Среди этих мимолетных увлечений случились два, которые отразились в тургеневском творчестве и оставили след в душе писателя.

Катерина Шаховская

В 50-е годы вспыхнул его скоротечный роман с дальней кузиной, восемнадцатилетней Ольгой Тургеневой. Писатель даже подумывал о женитьбе, и в то же время страшился этой перспективы. Позднее Ольга послужила прототипом Татьяны в романе «Дым».

Столь же нерешительно повел себя Тургенев с двадцатичетырехлетней сестрой Льва Толстого, Марией Николаевной. А ведь вначале писал о ней П. Анненкову следующее: «Сестра его одно из привлекательнейших существ, какие мне только удалось встретить. Мила, умна, проста — глаз бы не отвел. На старости лет (мне четвертого дня стукнуло 36 лет) я едва ли не влюбился». Внимание Тургенева к себе Мария Николаевна приняла за подлинную любовь и ради него даже ушла от мужа. Но Иван Сергеевич вновь ограни-

чился легким флиртом, и вывел затем обманутую в своих ожиданиях женщину в повести «Фауст».

Влюбиться самоотверженно, без оглядки и колебаний писатель сумел только тогда, когда встретил на своем жизненном пути великую испано-французскую оперную певицу Полину Виардо. Впервые он увидел ее осенью 1843 года во время петербургских гастролей. Ему было тогда 25, ей — 22. На охоте познакомился с мужем, директором Итальянского театра в Париже, видным музыкальным критиком Луи Виардо, и был представлен им самой примадонне. Тогда она не особо выделяла Тургенева из толпы поклонников и почитателей ее таланта. К тому же он в ту пору был пока более известен как заядлый охотник, нежели литератор.

Еще неизвестным в Европе и без средств к существованию, Иван Сергеевич после окончания гастролей уехал с семейством Виардо в Париж. Уехал против воли матери, одной из богатейших женщин в России, владелицы огромной сельскохозяйственно-промышленной империи. За послушание и привязанность к «проклятой цыганке» она три года не давала ему денег. В эти годы его образ жизни мало напоминал сложившийся стереотип жизни за границей «богатого русского», каковым слыл Тургенев. В ноябре 45-го он вернулся в Россию, а через два года вновь покинул ее, прослышав о гастролях Виардо в Германии. Затем последовал за своей избранницей в Лондон, Париж и снова в Петербург.

Татьяна Бакунина

Однако теперь он был уже успешным литератором, у которого большими тиражами выходили и переводились в Европе популярные романы, повести, пьесы. Изменился и характер отношений Тургенева с Полиной Виардо — не состоя в официальном браке, они открыто жили вместе, «втроем» с ее мужем. Был ли Иван Сергеевич счастлив таким положением вещей, живя, по собственному горькому признанию, «на краю чужого гнезда»? Бог ведает. Но это «гнездо» он практически не покинет до смерти. Что же касается Полины, то она, как родную, воспитывала внебрачную дочь писателя, и этим, думается, многое сказано.

Периоды недолгих наездов Тургенева на родину совпали с расцветом его творчества. Первая слава пришла к нему со стихотворением

Мария Толстая

«Утро туманное», написанным в ноябре 1843 года и в разное время положенным на музыку несколькими композиторами. Увидевшая свет на следующий год шуточная поэма «Поп», привлекая общественное внимание своей антиклерикальной направленностью, была урезана цензурой и целиком печаталась только за границей. Повесть «Бретер», отразившую борьбу между лермонтовским влиянием и стремлением дискредитировать печоринский фатализм, равно как и третья повесть писателя «Три портрета», не стали событием литературы. Зато первые главы «Записок охотника», которые появились в первом номере «Современника» за 1847 год, сразу сделали их автора знаменитым. «Записки» открывались хрестоматийным рассказом «Хорь и Калиныч», памятным нам по школьной программе. С тех

пор он открывает все бесчисленные переиздания книги.

По словам Тургенева, книга эта стала исполнением его «Анибаловой клятвы»: бороться до конца с врагом, которого он возненавидел с раннего детства. «Враг этот был — крепостное право... Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я возненавидел. Мне нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него». Так что отъезд писателя за границу имел не только глубоко личные, но и идеологические причины.

подцензурном журнале «Колокол» открыто призывал бороться с самодержавием. И опять любвеобильное сердце Тургенева вскружило ему голову необдуманными попытками добиться расположения очаровательной супруги ближайшего соратника Герцена, Натальи Тучковой-Огаревой.

Смерть матери в 1850 году вынудила Ивана Сергеевича спешно вернуться домой, где он разделил с братом Николаем огромное наследство, постаравшись по возможности облегчить участь своих крепостных. Власти уже давно с подозрением

Т

ургеневский некролог на смерть Гоголя петербургская цензура не пропустила, усмотрев в тексте бунт, и выслала писателя в деревню, в родовое имение Спасское-Лутовиново. Именно там и был написан ставший хрестоматийным рассказ «Муму»

В 1847 году Иван Сергеевич отправился в Европу вместе с Белинским и, живя в Париже, оказался свидетелем революционных событий 48-го года. Штурм баррикад, расстрел заложников, кровь и разрушения произвели на него самое тягостное впечатление, привили стойкое отвращение к революциям вообще. Что, впрочем, не помешало демократически настроенному писателю-западнику сблизиться с эмигрантом А. Герценом, который в своем не-

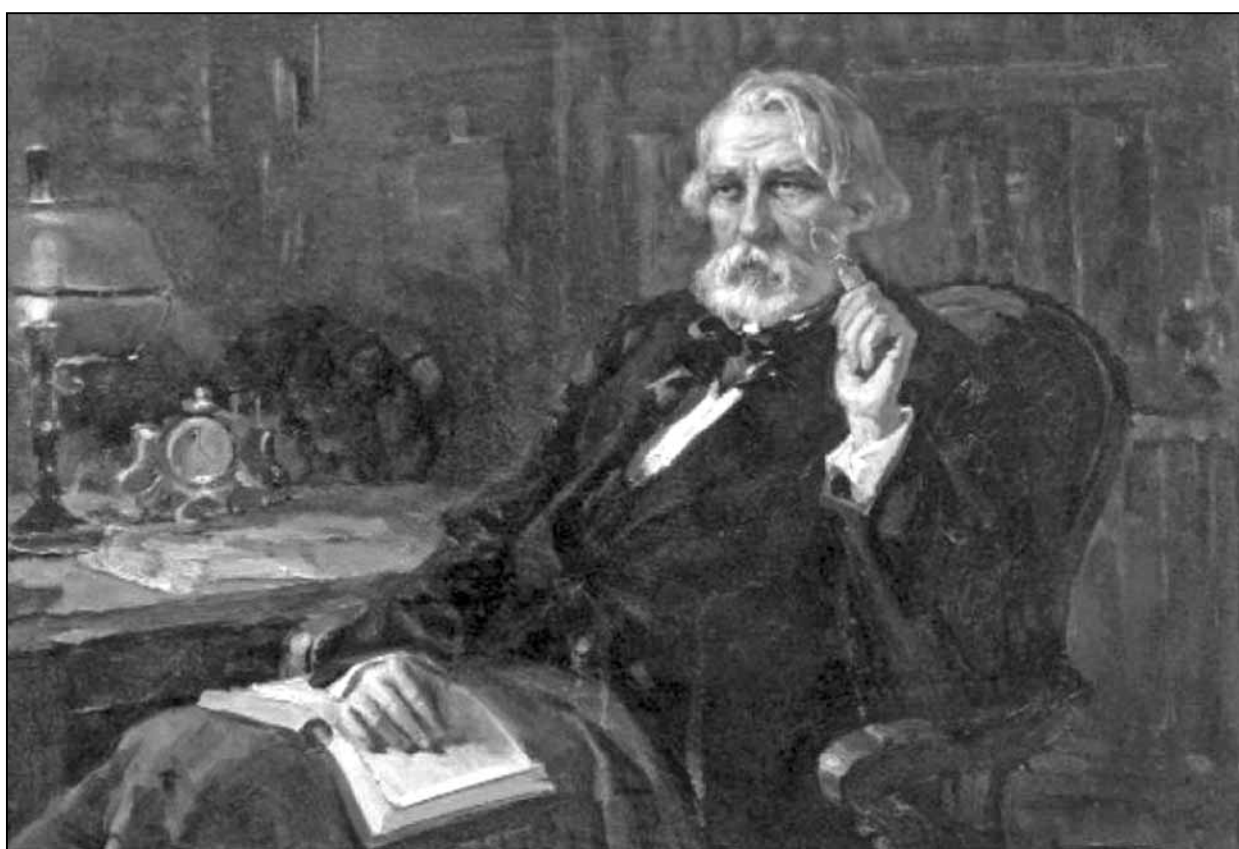
воспринимали его либеральные поступки и идеи. А тут еще прибавились дружба с Герценом и неоднократные встречи за границей с Гоголем, тургеневский некролог на смерть которого петербургская цензура не пропустила. Тогда автор напечатал статью в «Московских ведомостях» под редакцией В. Боткина. Высшие инстанции усмотрели в тексте некролога бунт и выслали писателя в деревню. Лишь благодаря хлопотам собрата по перу, графа А.К. Тол-

стого, через два года разрешили Тургеневу проживать в столицах.

Много глупостей творилось вокруг Тургенева в ту пору, предшествовавшую Крымской войне. Но со смертью императора в 1855 году время все расставило на свои места. Одно за другим были опубликованы наиболее значительные тургеневские произведения: «Рудин» (1856), «Дворянское гнездо» (1859), «Нака-

правых и левых, западников и славянофилов.

Там же в Лутовинове был написан еще один его хрестоматийный рассказ — «Муму». К тому времени на театральных подмостках с неизменным успехом шли тургеневские пьесы «Где тонко, там и рвется», «Холостяк», «Завтрак у предводителя» и по-прежнему не сходящий со сцены «Месяц в деревне». Наметивший-

нуне» (1860), «Отцы и дети» (1862). Причем первые два печатались в передовом некрасовском «Современнике», а два других — в консервативном «Русском вестнике» М. Каткова ура-патриотической и монархической направленности. Добродушный и щедрый сибарит Тургенев, получалось, устраивал и

ся тогда кризис театрального репертуара Тургенев полагал возможным преодолеть при помощи авторов, приверженных гоголевской драматургии, к которым причислял и себя. Учился писать пьесы, переводя также Шекспира. Но к копированию, бездумному заимствованию его приемов современными российскими

драматургами относился с раздражением, заметив: «Тень Шекспира тяготеет над всеми драматическими писателями, они не могут отделаться от воспоминаний; слишком много эти несчастные читали и слишком мало жили».

Сам Иван Сергеевич в те годы и позднее старался жить не только личными, творческими, но и общественными интересами. Участвовал в острой литературной полемике на страницах некрасовского «Современника». Деятельно способствовал созданию Литературного фонда для помощи нуждающимся писателям и ученым. Горячо поддерживал готовившуюся крестьянскую реформу с отменой крепостного права. Осенью 55-го число близких друзей Тургенева пополнил отставной артиллерийский поручик, участник героической обороны Севастополя Лев Толстой. Тогда же в «Современнике» был опубликован первый из его «Севастопольских рассказов» — «Рубка леса» с посвящением И.С. Тургеневу, в доме которого он одно время квартировал, досаждавая гостеприимному хозяину шумными возвращениями под утро из ресторанов на тройке с цыганами.

Женившись на Софье Андреевне Берс, Толстой фактически породнился с Тургеневым. Увы, еще до свадьбы в 1861 году, когда оба писателя гостили у А. Фета в имении Степаново, между ними произошла серьезная ссора, едва не закончившаяся дуэлью. Иван Сергеевич начал было за столом рассказывать с уми-

лением, как его внебрачная дочь, воспитывавшаяся в семействе Виардо, с благотворительной целью ходит по воскресеньям стирать белье в парижские детские приюты.

Лев Николаевич, молча слушавший, не выдержал, бросил ложку в тарелку супа и, побагровев, закричал: «Какое чудовищное лицемерие! Какое надругательство над нищетой!» Оскорбленный Тургенев уехал и прислал Толстому вызов. Друзьям, слава богу, с трудом удалось уговорить их отказаться от поединка, который, притом, что оба они были заядлыми охотниками и отличными стрелками, мог бы (и это после Пушкина и Лермонтова!) привести к трагическому исходу. Ссору замяли, но отношения между двумя великими писателями оказались испорченными на 17 лет. Вместе с тем Толстой всегда воздавал должное мастерству Тургенева-пейзажиста. Хваля одну лирическую новеллу Бунина, он заметил, что природа у него описана так, «как и Тургенев не написал бы. А уж обо мне и говорить нечего».

Одно время сложные отношения складывались у Ивана Сергеевича с тем же Фетом, а также с Гончаровым и Достоевским, который карикатурно изобразил Тургенева в «Бесах» под образом прекраснодушного писателя-маргинала Кармазинова, некогда весьма популярного, а ныне воображающего себя забытым гением и отсиживающегося за границей.

Тут, надо признать, примешалась обыкновенная человеческая зависть вечно нуждавшегося (да еще до ко-

пейки проигрывавшегося в Баден-Бадене на рулетке) Достоевского к богатому вальяжному барину, получавшему, к тому же, едва ли не самые высокие литературные гонорары в России. «Я очень хорошо знаю, — жаловался он в письме приятелю, — что я пишу хуже Тургенева, но ведь не слишком же хуже... За что же я-то, с моими нуждами, беру только 100 руб. (за печатный лист — прим. авт.), а Тургенев, у которого 2000 тысячи душ, по 400».

В идейном плане больше всего доставалось Тургеневу от лагеря революционных демократов во главе с Добролюбовым. В программной статье на страницах «Современника» тот сделал уничижительные выводы по поводу последнего тургеневского романа «Накануне». Тогда писатель поставил перед Некрасовым вопрос ребром: он или Добролюбов. Некрасов предпочел остаться с Добролюбовым, который был ему необходим для журнала, и Тургенев журнал покинул, перестав общаться с Некрасовым. Впрочем, от «Современника» вскоре отошел и Толстой, его возмущали вульгарно упрощенные социологические взгляды новых сотрудников.

У Ивана Сергеевича начали портиться отношения и с бывшими друзьями молодости — Герценым и Бакуниным. Их радикализм претил либеральной натуре писателя, выступавшего в свое время деятельным пропагандистом на родине герценовского «Колокола». Теперь же понимание Герценым будущего разви-

Полина Виардо

тия России как страны крестьянского социализма, противостоящей сытой буржуазной успокоившейся Европе, вызывало резкие возражения Тургенева, настаивавшего на общности исторического пути разных государств и народов.

Тем не менее, власти «причислили» его к лондонским «смутьянам» и привлекли к так называемому «процессу тридцати двух» по делу о лицах, способствовавших зарубежной революционной агитации. Тургеневу было предписано незамедлительно явиться в сенат для дачи объяснений. Порядком перепугавшись, он решил написать письмо государю, чтобы прояснить ему лояльность своих убеждений, «вполне независимых, но добросовестных». Допросные

пункты попросил выслать в Париж. Однако все же принужден был в 1864 году приехать на допрос в сенат, где сумел отвести от себя подозрения...

В расстроенных чувствах, желчно высмеиваемый Герценом за угодничество перед царем, Иван Сергеевич поспешил укрыться на

Дочь — Пелагея Ивановна Тургенева

Западе. Поселившись в Баден-Бадене, он активно участвовал в культурной жизни Европы, сблизился с ведущими писателями Германии, Франции, Англии. Помогал распространению русской литературы за

рубежом, знакомил своих российских читателей с лучшими произведениями западноевропейской литературы. Диккенс, Теккерей, Генри Джеймс, Мериме, Мопассан, Анатоль Франс, Гюго, Жорж Санд находились в числе его постоянных корреспондентов.

С 1874 года в парижских ресторанах Риша и Пелле раз или два в месяц проходили легендарные холостяцкие литературные «обеда пяти» — Флобера, Эдмона Гонкура, Доде, Золя и Тургенева. Идея этих обедов принадлежала Флоберу, но Тургеневу на них отводилась главная роль.

Он выступал консультантом и редактором переводов произведений русских авторов, писал к ним предисловия и примечания, равно как и к русским переводам западноевропейских мастеров. Именно Тургенев стал со временем самым известным и читаемым русским писателем в Европе, где критика причислила его к первым прозаикам века. На международном литературном конгрессе 1879 года в Париже он был избран вице-президентом. Ему присвоили звание почетного доктора Оксфордского университета — честь, которая не оказывалась до того ни одному беллетристу.

Несмотря на постоянную жизнь за границей, все свои помыслы Тургенев по-прежнему связывал только с Россией. А там на него не прекращались нападки. Роман «Дым» (1868), плод многолетних раздумий писателя о судьбах Отечества, вы-

звал ожесточенные споры в обществе. По словам автора, «роман ругали все: и красные, и белые, и сверху, и снизу, и сбоку — особенно сбоку».

В том же году Тургенев стал постоянно сотрудничать с либеральным журналом «Вестник Европы» и разорвал связи с Катковым, за что тот обрушился на него в своем «Русском вестнике» и «Московских ведомостях». После выпавших на долю Тургенева оваций читающей публики катковская газета уверяла, что почтенный мэтр «кувыркается» пе-

просвещения А.Головниным, товарищем министра внутренних дел и военным министром Н. Милютиним, министром финансов М. Рейтерном и, одновременно, с такими видными деятелями русской революционной эмиграции, как П. Лавров, П. Кропоткин, Г. Лопатин и многими другими.

Как бы то ни было, последние годы жизни писателя, когда он с радостью принял предложение Льва Толстого забыть все бывшие между ними недоразумения, явились для

оследние годы жизни Тургенева явились для него вершиной мировой славы. В России он сделался всеобщим любимцем и кумиром читателей разных поколений. Приезды Ивана Сергеевича на родину неизменно сопровождались подлинными триумфами, на фоне которых с особой тревогой были восприняты вести о первых признаках опасной болезни, грудной жабы, оказавшейся вскоре смертельной

ред прогрессивной молодежью... Не избежал резкой критики и итоговый, самый большой по объему роман писателя «Новь» (1877), которому он доверил свои сокровенные чаяния. Так, М. Салтыков-Щедрин расценил эту вещь как «услугу самодержавию».

На несколько двусмысленную общественную репутацию Тургенева влияли его дружеские отношения с людьми диаметрально противоположных убеждений — министром

Тургенева вершиной мировой славы. В России он сделался всеобщим любимцем и кумиром читателей разных поколений. Приезды Ивана Сергеевича на родину неизменно сопровождались подлинными триумфами, на фоне которых с особой тревогой были восприняты вести о первых признаках его опасной болезни, грудной жабы, оказавшейся вскоре смертельной.

Зимы больной старый писатель проводил в Париже, а на лето его

перевозили в загородное имение Виардо в Буживале. К январю 83-го боли настолько усилились, что Иван Сергеевич уже не мог уснуть без морфия. Когда ему временами становилось немного легче, он продолжал работать и за несколько месяцев до смерти издал новаторскую для русской литературы книгу «Стихотворений в прозе» — цикл лирических миниатюр, который явился своеобразным и волнующим прощанием Тургенева с жизнью, родиной, искусством.

«Суд глупца и смех толпы... Кто не изведал того и другого? Все это можно — и должно переносить... Но есть удары, которые больнее бьют по самому сердцу. Человек сделал все что мог; работал усиленно, любовно, честно. И честные души гадливо отворачиваются от него; честные лица загораются негодованием при его имени. "Удались! Ступай вон! — кричат ему честные молодые голоса. — Ни ты нам не нужен, ни твой труд...". Что делать тогда этому человеку? Продолжать трудиться, не пытаться оправдываться — и даже не ждать более справедливой оценки».

...Ему сделали операцию по удалению невромы в нижней части брюшной полости. Операция не помогла. Болезнь развивалась, лишая Тургенева возможности стоять или даже сидеть. Весь март и апрель Иван Сергеевич так мучился, что окружающие замечали в нем минутные помрачения рассудка. Однако он с ними справлялся и полностью

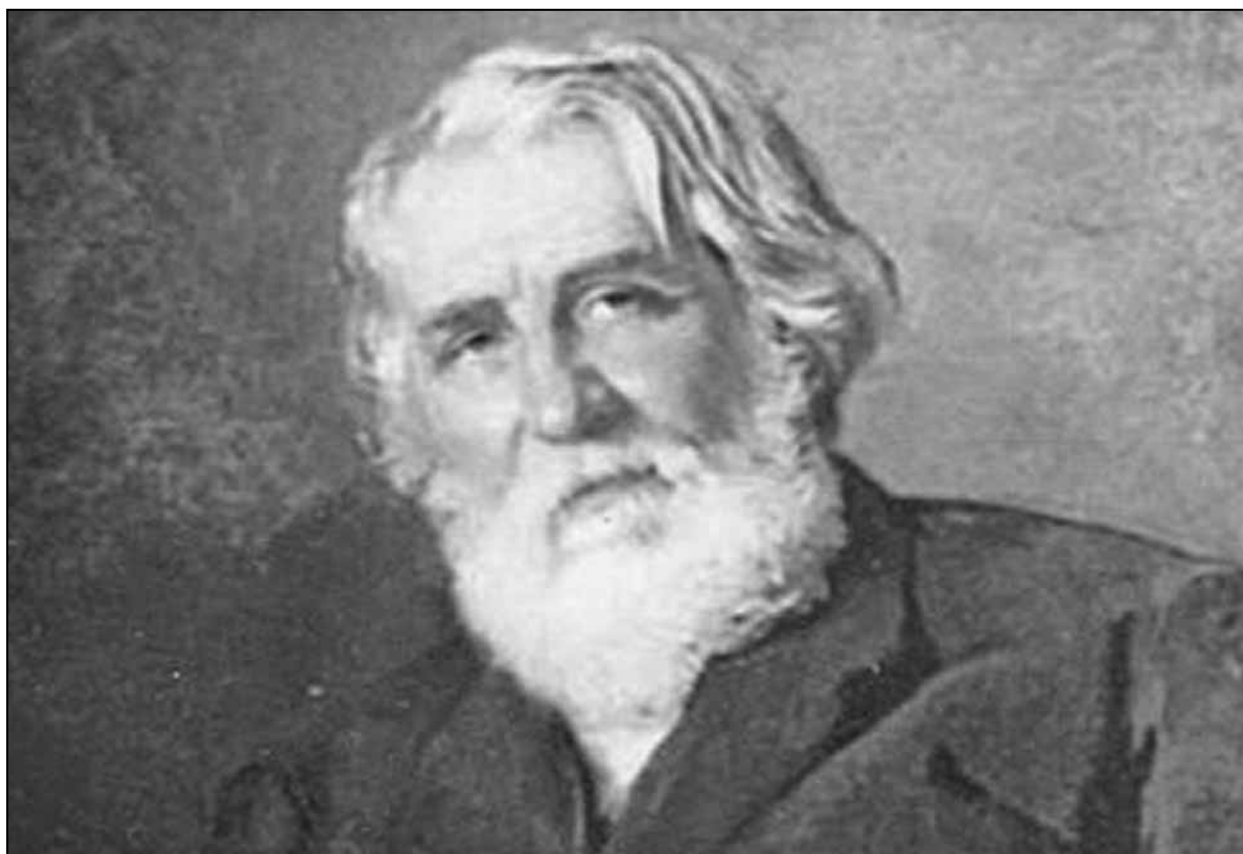
отдавал себе отчет в близкой кончине, смирился с ней.

Противостояние между «невообразимо мучительным недугом и невообразимо сильным организмом» (П. Анненков) завершилось 22 августа 1883 года в Буживале, на 65-м году жизни. Вскрытие показало, что писатель скончался от злокачественной опухоли позвоночника. Его мозг при взвешивании оказался самым большим — 2012 граммов — по сравнению с всеми, подвергнутыми после смерти подобной процедуре.

Свыше четырехсот человек приняли участие в траурных торжествах в Париже. И среди них — А. Доде, Э. Золя, композитор Ж. Массне. С прочувствованной речью к собравшимся обратился член французской Академии, крупнейший историк искусства и религий, философ, писатель Э. Ренан.

Согласно последней воле покойного, тело Тургенева 27 сентября было доставлено в Петербург. Еще от приграничной станции Вержболово на остановках служили панихиды. На перроне Варшавского вокзала гроб встречала огромная толпа народа. Знаменитый юрист А. Кони вспоминал, что по пути следования траурного кортежа к Волковскому кладбищу «непрерывная цепь 176-ти deputаций от литературы, от газет и журналов, ученых, просветительных и учебных заведений, от земств, сибиряков, поляков и болгар заняла пространство в несколько верст, привлекая сочувственное... внимание... публики, запрудившей тротуары».

Эти изъявления народной любви очень беспокоили министра внутренних дел Д. Толстого, опасавшегося стихийных митингов и принявшего в целях их предотвращения крайне неуместные охранные меры.

Боявшийся по слабости характера жандармских пут при жизни, Иван Сергеевич Тургенев сошел в могилу с репутацией «неблагонадежного» субъекта в глазах властей. Однако после смерти был вознесен ими же, как это частенько бывает, на пьедестал почета.

Традиции официозного почитания писателя были продолжены в Советском Союзе. Именем Тургенева названы кратер на Меркурии и скорый фирменный поезд «Москва-Орел». Его мгновенно узнаваемый

портрет в широком окладе седой бороды воспроизведен на нескольких советских почтовых марках. У Тургенева есть мемориальные музеи в России и во Франции. Ему поставлены памятники в Москве, Санкт-Петербурге, Орле.

А он, словно, противясь канонизации, зовет нас в подернутую туманной дымкой даль своих книг, туда, где любят, думают и борются за правду его мятущиеся герои, где просыпается на рассвете тихая русская природа, где журчит родник упоительной русской речи. И где обретает осязаемость тургеневское высказывание: «О чем бы ни молился человек — он молится о чуде: «Великий Боже, сделай, чтобы дважды два не было четыре». □

По улице родного села Женька шел медленно, рассеянно глядя под ноги и вкрадчиво прижимаясь к самому краю дороги, очерченной в этом году неестественно обильным снегом: последние несколько дней он чувствовал себя неважно.

Вдруг неспешно и просто земля под ногами оказалась огромным небом. Хриплое «одиноким мужичком за пятьдесят...» и рев уносящейся машины — последнее, что он слышал. А потом звуки совсем пропали, зато стало так спокойно, как давно уже не было.

Легкие снежинки лениво опускались на нечесанные грязные волосы, причудливыми махровыми петлями зачем-то пытались вывязать снежный узор на давно не ухоженном лице, но исчезали от жесткого дыхания человека. Одна из них плутовато скользнула в открытый рот, по проторенному пути туда же метнулась мелкая, злая, кольнув непослушный язык. Это вызвало давно забытые, тупые толчки где-то в области солнечного сплетения. Он вымучил из себя улыбку — синие бескровные губы неестественно растянулись, да так и остались в непривычном для себя положении. С ребяческим наслаждением продолжал Женька нехитрую охоту за снежинками, превращавшимися в белые перья. Скоро их стало так много, что он уже не справлялся.

— Откуда вас столько? — силился он что-то рассмотреть в бледной выси.

В детстве предметом гордости Женьки был фильмоскоп и две алюминиевые баночки со свернутыми в рулончик янтарными пленками. Каждый

кадр накрепко засел в детской памяти, особенно последний — рвано-белый, с бесчисленными черными точками и жирной царапиной в верхнем левом углу. Верить в то, что это «конец фильма», ой как не хотелось, понять, что на нем, мальчишеского воображения не хватало, поэтому каждый раз Женька замирал, когда на беленой стене появлялся этот последний кадр...

Мать, ладная, добрая молодая женщина, растила его одна. Но нужды Женька не помнит. Нет, не было у них нужды — была семья, в которой жила любовь, крепкая, как мирское основание.

Учился он хорошо. В обиду себя не давал, друзей не оставлял. После уроков старался не задерживаться — дел много, все на мамке. Она всегда встречала его у покосившейся калитки. То ли знала, то ли чувствовала нужное время. Не раз сын дивился этому ее дару, но объяснить так и не смог.

Дом ухожен, в огороде догляд, на столе обед. Все чинно, все по-людски. Бывало, сядут плечо к плечу, снимет мамка платок, упадут из-под него тугие каштановые косы, и станут вдвоем мечтать о том, как славно они заживут. Женька станет взрослым и ученым, будет работать, приведет в дом невестку-красавицу, ребята пойдут, им на радость и утешение. Потом застынет мать: смотрит то ли вдаль, то ли перед собой, молчит о чем-то. Иногда это «что-то» как будто бы беспокоило ее, тогда казалось, что красивые глаза ее слегка косят. Но это никак не портило ее живого умного лица, нет, — в эти минуты она была так красива, что сердце щемило от нежности и любви. Женька тоже погружался в тишину, вот тогда-то, видимо, он и научился так громко и глубоко молчать.

Никогда не видел он от матери и тени недовольства. Никогда не думал о ее так и не выброженном, не выпитом женском счастье, невыплаканных слезах. Тряхнет красивой головой, подмигнет ободряюще, обнимет за острые детские плечи и — нет в мире никакой беды, есть только теплый огонек карих родных глаз.

Больше всего боялась она, как все матери, цинкового Афгана. Но пронесло, видимо, материнскими святыми молитвами.

На «холодильнике» народ разношерстный. Но всем полагалось думать о девчонках, что остаются ждать солдата два года слезно и честно. Половину из новобранцев ждать было некому. Но об этом надо было молчать — стыдно. Потому, когда смельчаки «убегали» еще раз проститься с «невестами», вместе с ними бежали и те, кому бежать было не к кому и некуда. И Женька тоже побежал вместе с Генкой-земляком. Финиш был неподалеку, у обшарпанного гастронома. Выпили немного, но отсутствие опыта (дело наживное) и тошнотворная, липкая жара добавили градуса, уложив будущих вояк под плохо спасающие от жары клены с растопыренными

от знойного сумасшествия ветками. Тяжелое неуютное забытие не было сном, оно было временным забвением, посреди которого вдруг явилась Людка. Она заканчивала десятый класс и собиралась учиться на детского врача. Все свободное время сидела с книжкой у раскрытого окна. Женька не шастал мимо, не заглядывал в то окно — и так знал, что она там. Этого хватало, чтобы чувствовать себя влюбленным. А вот что думала Людка о нем, Женька не знал. Не подошел, не сказал, не спросил... Дурак!

Дурак и есть! Обнаружил их городской патруль, рыжий в форме прочитал лекцию о... О чем, Женька не слышал, хотя в упор смотрел на него; пришлось догадываться по междометиям и специальным словам, глубоко понятным провинившимся новобранцам. Команда еще вчера предательски отправилась в пункт назначения, а Женька с Генкой — в Красноярск, в стройбат.

На первых порах было хреновато, но трудностей он не боялся, куски под подушку не прятал, били — не скулил, не проклинал, втянулся, возмужал, даже дембеля как-то ждал без особого трепета.

Научили кирпич уважать, «стройку строить». Кирпич кирпичу рознь: у каждого в ряду свое место, своя посадка; кладка — дело непростое. Но не думал Женька об этом, мастерком кидает жирный раствор на новый ряд, пристукивает, приглаживает, потом отойдет, «стрельнет глазом» — доволен собой. Много дум передумал он за работой, много планов красивых «построил»... Вот и два года за плечами. Засобирались к матери, к Людке.

— Ты «корочки»-то в штабе заberi, Женька, не забудь, — учил Батя, успевший привыкнуть к ним. — Каменщик — профессия нужная.

— Да-а! — отмахивался Женька.

— Заberi, спасибо потом скажешь, сопляк, — настаивал он, подкрепляя свои слова трехэтажным убедительным аргументом.

Знал бы он, как пригодится Женьке его наука, как сделает она из него человека, и как...

В дороге все курил без конца, попутки то не попадались вовсе, то ползли слишком медленно — не думал, что возвращение может быть тяжелее, чем прощание. Вот впереди показался такой знакомый и незнакомый березовый колок, деревенское кладбище, широкий перекресток, наконец крыши домов... Разрывая грудь, колотились, поднимаясь к самому горлу, рассыпавшиеся шары какого-то вышедшего из строя внутреннего подшипника. Хлопнув дверью «КамАЗа», кивнув водителю на прощанье, сначала пошел, потом побежал, задыхаясь, в густое облако деревенской пыли, оставленное вечерним стадом.

Долго стоит такое облако, поднявшись невысоко над землей, и пахнет оно коровьим натруженным потом, горькой полынью, перегаром местного пастуха и парным молоком. Народ разошелся к управе: горчил во дворах дымокур,

отгоняя мух и слепней, заедавших буренок, звенели подошники в сараях, мужики загибали крепкое безобидное словцо на всякий случай, чтоб и скотина, и баба знали, кто в доме хозяин. Все это придало Женьке равновесия.

Остальной путь до дома он шел, не помня времени, и даже поначалу не узнал цветастого платка, плившего ему навстречу. Металлические шарики тут же беспутно задергались: один подпрыгнул к горлу, и готовое слететь «МАМКА» провалилось глубоко в нутро, другой малодушно ударил под дых так, что шагнуть вперед казалось нереальным.

А она бежала к нему, метя дорожный песок длинной юбкой, не помня себя, маленькая, теплая, родная... Мало что осталось в этом стройном солдате-дембеле от безусого Женьки — поди, узнай! А ей и не надо было — и так знала: он это, он...

Накинула ночь на вымытое небо синее покрывало, разбрызгав тысячи мигающих звезд, обрадовавшись, застрекотали кузнечики-полуночники, густо запахла дурман-трава. Хмельной деревенский воздух и дым докуриваемой папиросы окутали Женьку блаженной истомой.

Утром, лениво швыряя ароматный чай на травах, Женька, как бы между прочим, спросил о Людке. Сердце матери зачестило:

— Так в городе она...

— Мам, — настойчиво посмотрел он ей прямо в глаза.

— Нехорошо люди говорят... А ты не верь, сынок, — поцеловала она его в высокий лоб.

В шесть вечера Женька сидел на маленьком полустанке с мятым железнодорожным билетом в кармане. До отправления поезда еще два с половиной часа... Пожилая тетка с отечным синюшным лицом мела перрон, глухо проклиная как приезжающих, так и отъезжающих. Тут же местная молодежь в пузырчатом трико и калошах на босу ногу, оккупировав полосатые скамейки, устала их батареей чебурашек «Жигулевского».

— Слышь, братан, закурить... — нудил худой, на минуту заслонив сгустившиеся над Женькой тучи. — Папиро-сочку-у...

Пиво оказалось теплым и противным до омерзения. В окне вагона Женька увидел, как новые кореша машут ему руками и делают нелепые, подбадривающие знаки. Дикая тревога мало-помалу на время улеглась.

Проснулся Женька уже в городе...

Найти медицинский институт не составило большого труда, но получить хоть какую-то внятную информацию о студентке Людмиле Смирновой не получилось. По фразам, брошенным вскользь, трудно было понять, что произошло. Женька сразу почувствовал непоправимое, холодным бульжником легла на плечи беда.

Улицу «905 года» тоже нашел быстро, а вот больница словно щадила его, спряталась в глубине двора, закрывшись старыми неуклюжими кленами

с пыльной, неживой листвой. Почему-то никак не мог найти вход — вся территория огорожена ржавой сеткой-рабицей, единственные ворота заперты. Может, у них тут так и нужно? Зацепился глазом за обломанную кнопку, ткнул раза два в нее пальцем, зачем-то свистнул...

— Чего трезвонишь? — Сухонький старик в разбитых очках был явно недоволен.

— Как попасть-то сюда?

— Никак! — отрезал дед и, ослабившись, добавил: — Сами к нам не попадают, только в сопровождении.

— Что за бред?!

— Да-да, бред, именно так, молодой человек. Идите своей дорогой.

— Да черта с два!

Женька еще несколько раз обошел больницу по периметру, обдумывая план, как проникнуть внутрь. В углу двора увидел нескольких больных в полосатых пижамах.

— Мужчина! — негромко окликнул он. — Женщина! Ребята! Люди, в конце концов!

Люди занимались каждый своим. Долговязый, сложившись в три погребели, казалось, вел неспешную душещипательную беседу с кем-то невидимым. Две женщины без возраста в позе каменных изваяний неестественно застыли посреди двора. Рядом на лавке размеренно качался взад-вперед мужик-маятник.

Сердце бешено забилося, а прыгающие пальцы потянулись к маленькому черному колесу, сменявшему кадры. Но оно намертво отказывалось хоть сколько-нибудь сдвинуться с места...

К горлу подкатила неприятная, вязкая тошнота, судорогой полоснуло по тугим мышцам: почти наяву ощутил Женька, как раскольниковский грязный топор вонзился в его пылающий череп, по лицу, шее и всему телу ручьями поползли струйки пота...

Прямо на него смотрели прозрачные Людкины глаза. Он видел эти глаза почти в каждом сне, красивые, синие, бездонные.

— Людка... Людочка! — испуганно то ли прошептал, то ли закричал Женька, не веря себе.

Она продолжала смотреть прямо на него и сквозь него...

По-бабьи застонав, упал на колени, стал уговаривать Людку очнуться, тряс и пинал ржавую сетку, разделявшую их, просил прощения, угрожал, хрипел и плевался, корчась от бессилия...

Долговязый затих. Мужик на лавке закачался еще быстрее. Еще несколько человек явно без интереса наблюдали «игру одного актера». Пришла сестра, какими-то понятными пациентам знаками отправила всех

в палаты, привычным движениями настроила коляску и увезла Людку от Женьки навсегда...

Всю ночь Женька ходил вокруг психиатрической больницы, думал, искал хоть какой-то выход.

— Все будет хорошо, обязательно все будет хорошо... — пытался он успокоить себя.

Но хорошо не было, да и не могло быть. Пожалев парня, старая нянька, укутавшись в полинялое одеяло, протянула папиросу, другой привычно зягнулась сама.

— Уходи, милый, — мягко, по-матерински сказала она. — Иди, у нее теперь своя дорога. Никто тут не поможет, второй год уж не колыхнется. Дай Бог тебе счастья!

— «Счастья?!» — взвизгнул Женька и побежал прочь. Так страшно ему еще не было никогда!

Не раз потом возвращался он туда — убедиться, что все это ему не приснилось. Но так больше и не увидел ни старой няньки, ни Людки...

Пытался бутылкой «Пшеничной» разговорить всегда готового к подаянию сторожа больницы. До самого мозга пропитый мужик любил обсудить планы партии и правительства и поносил уклонистов от этих самых планов отборными словами. Но кроме бессвязных намеков на тех, с кем «где уж нам тягаться», так Женька ничего и не добился.

Не любят наши люди ни хозяев жизни, ни их сынков, последних особенно. Предки их хоть нервишки потрепали, теплое местечко насиживая, а выродам их и надуться не пришлось... За версту гнилой запах забугорного парфюма слышен, и морды лоснятся, как у племенных хряков.

Бил их Женька нещадно и без разбору. Так и заработал свой первый срок.

С некоторых пор он не чувствовал себя ни среди живых, ни среди мертвых, потому совсем не реагировал на то, как приняли его сокамерники — бревном стоял, тупо и болезненно уставившись одновременно в несколько пар глаз.

— Сдвинутый, что ли? Только этого нам не хватало!

Женька и сам в последнее время не был уверен в собственной адекватности. Но это состояние хоть как-то позволяло ему жить дальше...

Местный начальник наслюнявленным пальцем перелистал «Дело №...» — воодушевился. Через месяц-другой Женька с двумя вялыми помощниками уже разгружал кирпичи на его недостроенной даче.

Работал Женька рьяно, жестко. Замуровывал свою звериную злобустоску в цемент и песок, крепко придавливал ряд за рядом ровным колиброванным кирпичом.

— Точно, контуженный! — решили вокруг. Сначала сторонились — что в голове у такого! Потом махнули рукой:

— Больной, что с него возьмешь!

Потихоньку стал Женька к птичкам прислушиваться, мать вспоминать. Воспаленным мозгом понимал, как тяжело ей совсем одной. Письма из дому получал, что вакцину живительную, но сам не отвечал — слов подобрать не мог. Пахли согнутые листья мамкиными теплыми руками, седой изморозью когда-то темно-жгучих волос и ... чем-то еще, гудящим высоковольтными столбами, чем-то, что непутевый сын никак не мог разобрать.

...Достал Женька из мятого полинялого вещмешка нехитрый гостинец — узорный платок с кистями, накинул дрожащими руками на неухоженный рыжий холм земли, крепко сжал свою лысую голову костлявыми пальцами. С платка укоряющее смотрела на него одиноким бестолковым глазом жар-птица, еще вчера обещавшая вместе с горластой цыганкой на вокзале ему новую жизнь.

«Обманула, выходит, — назойливой мухой билось в висках. — Обманула», — по-волчьи подвывал Женька, слизывая соленый дождь с верхней губы.

— Да, судьбина горькая на каждого своя уготована — не объедешь, говорят, не обминешь, — качали головами соседи.

— Царствия небесного горемычной, пусть земля ей пухом будет.

— Ии-х, Женька! — взвизгивала тетка Катерина. — Как жить буде-ешь! Пропадешь и-ить!

Как он будет жить, Женька точно не знал.

Но в свой черед согревало солнце грешную землю, принуждало к трудовому дню. Работы Женька не боялся: поправил нехитрое хозяйство, устроился слесарем в РТМ. Вот только домой придет — места себе не находит. «В люди иди», — бывало, говаривала бабка. Он и пошел. Кому баньку пристроит, у кого в сарае кирпич обвалился — поправит. Денег не брал — хотел мир добрее сделать, сердце очистить, да и хватало ему — одному-то. Неудобно хозяевам: угощают первачком-огурчиком. Поначалу отказывался, потом перестал, к тому же ой как на сердце теплело от вольных человеческих слов, мало-помалу отпускало Женьку. Скоро бесталанная соседка-красавица, мыкавшаяся по земле в поисках женского счастья, присмотрела его. Видать поняла, как ни беги — счастье все впереди тебя. Мягче теперь смотрел на мир Женька — о сыне мечтал, но Зойке бог детей не дал, отказалась она от материнства, гоняясь за выдуманной мечтой. А потом и сама где-то сгнула...

Теплела душа от стаканчика, честно заработанного у крепкого хозяина, мягчала, пока в кисель не сварилась. С работы выгнали, как нарушителя трудовой дисциплины, дом запустил, сам опустился. Только Женька этого не ощущал, другие говорили — не верил. К матери ходил редко, да и то все

больше «ужаленный», как говорил дружок, раздутым клещом присосавшийся к нему.

Однажды надолго застыл Женька у неухоженной могилы: высокий сиротливый бурьян укором поднялся вровень с ним.

«Когда успел-то», — подумал Женька и почувствовал, как свилась и скрючилась внутри какая-то живая нитка, и стало совсем тошно. Он с трудом выдернул сорняк вместе с комом сухой земли. Загрубевшей рукой присыпал рану-ямку, погладил землю. На миг ощутил под ладонью шелк материнских волос. Нитка опять дернулась, предупреждая о начале чужой, не Женькиной жизни...

Друзья появлялись и пропадали, прямо пропорционально наличию в карманах мятых казначейских билетов, пропитавшихся рассыпанным табаком. Неделями не вспоминал Женька о работе — «жить стало лучше, жить стало веселей». Только когда от выпитой бормотухи остервенело подводило желудок, и похмельная изматывающая икота выворачивала наизнанку нутро, шел «в люди» шабашничать «за кусок». Не ложились, как раньше, кирпичи, неуверенно держался в руке мастерок. Скоро и на это сил перестало хватать. Как побитая собака, днями лежал Женька на несвежей кровати.

Но свет, как водится, не без добрых людей.

«Добрый» человек жил бобылем незаметно и странно. Тлетворная жадность и низкопробная предприимчивость, пополам с несомненным тихим помешательством, делали его чужим в деревне. Промышлял сивушным самогоном, потом смекнул добавлять в пол-литровки, горлышки которых прикрывал жирными обрывками целлофана и обвязывал засаленными нитками, таблетку димедрола. После очередного визита участкового аккуратно платил «в государство», пересчитывая медяки болезных своих «прихожан». На обратном пути покупал в сельпо сахар, дрожжи, в местной аптеке — димедрол, продававшийся без рецепта, и, похожий на осинового горбыль, шагал к холодному, серому дому своему. На лице сельского господина легко читалось, что он крайне доволен собой. Видимо, к этому располагала кое-какая сумма, отложенная в укромном месте и сознание превосходства над быдлом, готовым исполнить его приказание по щелчку пальцев. Действительно, огород его был в порядке, в сарае несколько свиней жили уж никак не хуже, чем те, кто за ними «ходит», и даже во дворе разбит небольшой садик — все дело рук работников, которых Сам называл друзьями. Несколько «друзей», очевидно, молитвами хозяина, отошли в мир вечного покоя. Но на их место приходили другие, такие же верные и удобные.

Тот Женька никогда бы не позволил себе... А у этого, в общем-то, выбора не было. Чуть свет скреб Женька ржавой лопатой свинные клетки, таскал мешки, мел двор. Незаметно отсыпал из хозяйских запасов в карманы

немного дробленого зерна, пахнувшего хлебом и мякиной, чтобы залить их вечером кипятком, сообразив ужин. Получив утреннюю порцию причитавшейся сивухи, шел домой «лечиться». Приблудившийся пес с тихим визгом встречал Женьку, лизал его щеки, забирался на руки и пристально смотрел в белесые, выцветшие глаза, пытаясь разглядеть его бывшего, настоящего.

Не по себе было от этого Женьке, он молча отворачивался от чистых собачьих глаз или разговоры нетрезвые, слезливые начинал. Но безымянный пес тут же оставлял Женьку наедине с бредовым угаром.

Иногда он просыпался бодрым и просветленным от аромата готовящегося завтрака, радостного лепета детей, слышал, как падает с материнских колен клубок, и она беззлобно ворчит на рыжего кота, загнавшего его под стол, и звонкого смеха юной Людки. Это не было видением, а было другой реальностью, которую Женька вымолил у жизни. Только удерживать ее было все труднее. Совсем терялось ощущение времени... Потом все казалось живой картиной, написанной искусным мастером, — в глубине души Женька чувствовал, что он и есть тот самый Мастер, но стеснялся перед самим собой за слово «искусный», потому что в подкорке давно уже сидела мысль о собственной ничтожности, забравшаяся и сюда, в другую реальность. Сердце с низкого старта прыгало в горло, виски... Женька понимал, что свидание со счастьем закончится так же внезапно, как и началось. Правда, и свидания эти в последнее время почти прекратились. Он все чаще жалел себя. Что угодно отдал бы за одно только мгновение, но отдавать уже давно было нечего. Впрочем, он еще дышал, видел, слышал — надо было зачем-то жить.

Иногда он пытался смыть холодной водой мертвенную паутину, налипшую на него: гладил засаленные прибитые временем космы старым, потерявшим аромат обмылком, водил по щекам ржавым лезвием, косился в мутное зеркало, не надеясь узнать знакомые черты. Нет, прежний Женька ютился слепым котенком в самом дальнем уголке вытрепанной в лоскуты души, боясь всего, что хоть отдаленно могло напомнить о безвозвратно ушедшем. А потом и вовсе перестал всего бояться, перестал ощущать жизнь.

Досады не было, не было обиды, ничего не было. На последнем кадре в верхнем левом углу жирная царапина...

Снег мелким бисером капелек сначала еще оставался на щеках, шее, а потом хлопьями ложился на умиротворенное лицо и уже не таял.

— Счастличик, — перекрестилась, подойдя ближе, сгорбленная заботами старая женщина, которой непутевые дети оставили на воспитание пятерых внуков, беспутно затерявшись в бытовой круговерти. — Ни забот тебе, ни хлопот!

Снежинки, в бешеной пляске сталкиваясь друг с другом, белым саваном закрывали «счастливого» Женьку от этого мира... □

Ирина Опимах

РОЖДЕННАЯ

ИЗ ПЕНЫ

Страшно подумать,
но могло случиться так,
что мы никогда бы
не увидели эту удивительную,
наверное, самую поэтичную
картину в мировой
живописи! Ее мог бы
уничтожить сам создатель,
Сандро Боттичелли,
или неистовые борцы
за благочестие и чистоту
нравов, сподвижники
доминиканца Савонаролы.
Какое счастье, что этого
не произошло, и сегодня
всех, пришедших
во флорентийский музей
Уффици, ждет встреча
с красавицей Венерой,
рожденной из пены
морской и живущей
уже более пяти веков
благодаря гениальной кисти
гениального Боттичелли!

Однажды на приеме флорентийского правителя, могущественного герцога Лоренцо Медичи, которого вполне заслуженно звали Великолепным, появилась обворожительная дама. Все гости обратили на нее внимание, а братья Медичи — Лоренцо и Джулиано, были и вовсе покорены ее красотой. Очаровательную сеньору звали Симонетта Каттанеи. Дочь богатого генуэзского купца Каттанеи, она была женой флорентийского торговца Марко Веспуччи, (кстати, дяди известного путешественника Америго Веспуччи, давшего свое имя Америке). С тех пор Симонетта стала постоянным украшением праздников и увеселений, которые так любили при дворе Лоренцо Медичи. Недаром его приятели частенько распевали куплеты, сочиненные герцогом: *«О, как молодость прекрасна, но мгновенна. Пой же, смейся! Счастлив будь, кто счастья хочет! И на завтра не надейся!»*

Однако сам герцог Лоренцо не только развлекался — большей частью он бывал занят государственными делами, зато его брат Джулиано всегда был рядом с Симонеттой — он поклонялся ей, воспевал в своих стихах, делал дорогие подарки. А муж, погруженный в свою коммерцию, позволял жене проводить время, как той заблагорассудится (возможно, он полагал, что дружба супруги с влиятельными Медичи поможет ему в делах).

Симонетта была не только хороша внешне, но отличалась умом и тонким обхождением. По свиде-

тельству современников, она была добра и приветлива, приятна в общении и с дамами, и с кавалерами. Симонетту во Флоренции любили, полюбил ее и Сандро Боттичелли.

Сандро родился в 1445 году в семье кожевника Марианно Джованни Филипеппи. Пройдя школу фра Филиппо Липпи, он был высоко оценен при дворе Медичи. Лоренцо считал его лучшим художником Флоренции, и у него были на то все основания — картины Сандро были поистине совершенны. Стройный, с огромной копной рыжеватых волос, выразительными глазами и римским профилем, он и сам был прекрасен. (Совсем не подходившее ему прозвище Бочонок (Боттичелли) Сандро досталось от старшего брата — весьма упитанного Джованни, никогда не отказывавшего себе в еде.) Сандро всегда приглашали во дворец Медичи на праздники, участвовал он и в высоких собраниях на вилле Кареджи, на заседаниях Платоновской академии, где лучшие умы Флоренции обсуждали вопросы философии, искусства и литературы, читали стихи и критиковали или восхищались картинами местных художников, а также творениями античных мастеров.

И вот теперь, узнав Симонетту, Сандро Боттичелли думал только о ней, она жила в его фантазиях, думах, в его сердце, в его творчестве — его мадонны и античные богини стали удивительным образом похожи на Симонетту, и он не мог с этим ничего поделать...

А Симонетта явно предпочитала всем Джулиано. Казалось бы, этим влюбленным жизнь могла дарить только счастье и любовь, но судьба распорядилась иначе....

В начале 1476 года у Симонетты появились первые признаки чахотки. Испуганные родственники увезли ее на юг. Оба брата Медичи, да и вся Флоренция, с волнением ждали вестей о здоровье сеньоры Веспуччи. Несмотря на усилия врачей, в апреле 1476 году она умерла. Ее оплакивали все флорентинцы, ведь подруга молодых Медичи стала символом города, символом красоты и молодости. И только ее супруг быстро утешился — очень скоро после похорон женился снова, и на сей раз на обычной, во всех отношениях заурядной женщине (видно, быть супругом красавицы-символа довольно утомительно).

А через год, в 1478-м, город пережил еще одну трагедию. Очень многих во Флоренции раздражало могущество, богатство и влиятельность семейства Медичи, а старинные и самые грозные соперники Медичи — банкиры семейства Пацци — просто выходили из себя и мечтали, как бы насолить счастливым конкурентам. С большим удовольствием поддерживал Пацци и Ватикан, которому тоже надоело смотреть, как растет слава герцогов Медичи. Во дворце Пацци зрел заговор. «*Надо спешить*, — кричал Франческо Пацци, — *время не ждет!*» И вот решено — в одно из апрельских воскресений, во время службы

Сандро Боттичелли. Автопортрет

в церкви Санта Мария дель Фьоре, верные люди Пацци подберутся поближе к братьям Медичи и заколят их — в толпе это будет сделать легко, легко будет и скрыться. Даже мудрый Макиавелли, многое повидавший на своем веку, был потрясен коварством заговорщиков. В «Истории Флоренции» он с ужасом рассказывает, как люди Пацци провожали молодого Джулиано в храм, как развлекали его шутками, как откровенно льстили, не забывая при этом ощупать юного герцога, проверяя, нет ли при нем кирасы. И уже в церкви, слушая мессу, они продолжали смешить доверчивых Медичи, заглушая их бдительность, а потом, улучив момент, нанесли удар. Джу-

«Весна»

лиано пал замертво, а Лоренцо, к счастью, смог спастись — он успел выхватить меч, отбилась от заговорщиков и сумел скрыться, при этом его друзья, философы, ученые, поэты, которые были в тот день на службе, буквально прикрывали его своими телами.

Лоренцо Медичи жестоко отомстил своим врагам — по всему городу, рассказывает Макиавелли, можно было видеть тела убитых, которых *«несли насаженными на копьё или волокли по улицам»*, — но это не спасало от боли утраты.

Среди участников заговора был и муж Симонетты Марко Веспуччи. Ему удалось избежать возмездия — он вовремя покинул Флоренцию.

В городе говорили, что это он уговорил заговорщиков устроить покушение именно 26 апреля, в день смерти Симонетты, чтобы отомстить Джулиано.

А Сандро, между тем, была заказана срочная работа — фрескана северной стены Палаццо делла Синьория, с портретами казненных главарей заговора. Ему пришлось отвлечься от своей «Весны». Но она была тут, в его мастерской. Рядом с застывшими на холсте мертвыми заговорщиками. Жизнь и смерть, красота и уродство — они всегда рядом, уж так устроена жизнь...

В 1481 году Боттичелли был приглашен в Ватикан, участвовать в росписи Сикстинской капеллы. Навер-

ное, он с легким сердцем покидал Флоренцию, бежал от казней, доносов, от тягостной атмосферы, накрывшей город. Работа в Риме принесла ему славу и многочисленные заказы — теперь его знали не только в Тоскане, но и по всей Европе. И все же он вернулся — оказалось, что лучше всего ему дышится и работается в его родной Флоренции.

Прекрасная Симонетта умерла, но в душе, в памяти Боттичелли она продолжала жить. Жила она и на его картинах. В 1482 году Лоренцо Медичи заказал ему картину, которую он намеривался преподнести в подарок своему племяннику Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи в честь его женитьбы на Семирамиде Аппиани, девушке из знатного и богатого рода. В этой картине, которую художник назвал «Весна», отображено все, что он пережил. И его друзья, и любовь, и Симонетта — вот она, тонкая, изящная и печальная, в центре полотна. И Джулиано — он в образе Меркурия, и фрески Мазаччо, и уроки великого жизнелюба фра Филиппо Липпи, и мощное обаяние Леонардо да Винчи, с которым Сандро подружился, еще учась в мастерской Андреа Вероккио, и удивительные пейзажи его любимой Тосканы. Работая, Боттичелли читал стихи Анжело Полициано, лучшего поэта при дворе Медичи, те самые, что были посвящены Симонетте...

*Она бела, и в белое одета,
Убор на ней цветами и травой
Расписан; кудри золотого цвета
Чело венчают робкою волной.*

*Улыбка леса — добрая примета.
Никто, ничто ей не грозит бедой.
В ней кротость величаявая
царицы,
Но гром затихнет, вскинь она
ресницы.*

В мастерской Боттичелли родился настоящий гимн Красоте и Любви.

Подарок Лоренцо Великолепного очень понравился молодоженам. «Весна» украшала спальню Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи и его молодой супруги Семирамиды на их вилле Кастелло, и им захотелось, чтобы и на другой стене, напротив, висела еще одна картина мастера. Причем на этот раз героиня должна быть обнаженной. Поначалу такая просьба слегка озадачила Боттичелли. Требовалось найти натурщицу, а на такое в те времена мало кто из флорентинок согласился бы — даже проститутки, которых в городе было немало, опасались проблем с Церковью. Вообще-то у художников в таких случаях был выход — им позировали жены или любовницы, но у Боттичелли никогда не было ни жены, ни возлюбленной. (Некоторые историки искусства полагают, что он был влюблен в Симонетту и оставался верен ей до конца своих дней.)

Однако задача его явно увлекла. Когда-то Апеллес, великий древнегреческий художник, написал фреску, на которой изобразил рождение Венеры. (Фреска эта не дожила до наших дней, но считается, что в Помпеях сохранилась ее копия.) И, конечно же, Венерой Боттичелли,

*Посмертный портрет
Джулиано Медичи*

античной богиней Любви и Красоты, будет опять она, Симонетта.

Боттичелли согласился написать эту картину для Пьерфранческо. У него было только два условия — он хотел работать на вилле Каstellо один, без своих подмастерьев, и писать не на дереве, а на холсте. Этот способ, писать красками на холсте, совсем недавно завезли в Тоскану бургундские художники. Боттичелли, полагая, что холст — материал менее долговечный, чем дерево, выбрал его сознательно — он не хотел, чтобы его довольно сомнительный живописный сюжет сохранялся многие годы...

В этой картине много символики и знаков, понятных современникам художника. Согласно античному мифу, первый правитель мира, бог неба Уран был оскотлен собственным сыном Кроносом. Капли крови Урана упали в море и образовали пену, из которой и родилась Венера. В центре полотна в раковине (раскрытая раковина в эпоху Возрождения была символом женственности и трактовалась как образ женского лона) стоит Венера. Богиня только что родилась из пены морской. Зефир своим дыханием направляет раковину с богиней к Кипру, где она ступила на землю. Неоплатоники отождествляли Зефир с Эросом — богом любви. Флора, богиня цветов, нежно обнимает своего супруга Зефира. Их объятие воплощает единство духа и материи. На берегу Венеру встречает ора Талло, (Цветущая) — одна из четырех ор, дочерей Зевса и Фемиды. Оры отвечали за порядок в природе и покровительствовали разным временам года. Талло «следила» за весной и потому считалась богиней Весны и спутницей Венеры. Она держит в руках роскошное пурпурное покрывало, символизирующее рождение. На нем маргаритки, символы невинности и скромности. Платье оры украшают васильки, символ верности Венере, Красоте. Главная фигура во всей композиции — Венера. Она, по сути, еще совсем девочка, но в теле ее уже явно видна чувственность и победительная женственность. Да, она небожительни-

«Рождение Венеры»

ца, но она и вполне земная. Впереди у нее вся жизнь, и сколько же ей, той, что рождена из пены морской, еще предстоит пережить. И счастье, и горе, и разочарования — все, что есть в жизни каждого смертного.

Создавая свою Венеру, Боттичелли наверняка вспоминал чудесные строки своего любимого Полициано: *«Воплощенным желанием и жарким весельем / Встала Дева из пены, с лицом неземной красоты. / Сладострастный Зефир твое судно на отмель пригонит. / Отзовутся восторгом, увидев тебя, Небеса»* («Стансы о турнире»).

Картина была закончена летом 1485 года. По размеру она оказалась примерно такой же, как и «Весна», — 172.5x 278.5 см. Пьерфранческо был счастлив — Боттичелли превзошел себя, картина получилась великолепная. Краски на ней

пели, и сама Венера была очаровательна, от нее трудно было отвести взгляд. Заказчик был готов заплатить любые деньги, которые бы художник ни запросил, но Боттичелли не воспользовался его восторгом и взял с него столько, сколько обычно брал за своих мадонн, и не более того. В глубине души он считал, что слишком увлекся изображением нагой богини, и оно, это его творение, неизбежно теперь будет смущать души истинных католиков. «Не волнуйся, картину увидят только мои самые близкие люди, — успокаивал его Пьерфранческо, — только те, кого я смогу впустить в свою спальню». Но в спальню племянника Лоренцо Медичи «Венера» не попала — бывшая поклонница Боттичелли синьора Семирамида потребовала сослать полотно в дальние покои дворца. Это же сплошное неприличие,

*Портрет
молодой женщины*

возмущалась она, распутство и порок, такое никому нельзя видеть, а потому ее мужу пришлось ходить тайком на свидания с картиной.

В 1492 году умер в страшных мучениях Лоренцо Медичи. Флоренция, утратив мудрого и просвещенного правителя, попала под власть неистового доминиканца Савонаролы. В проповедях монаха было столько страсти, столько исступленной веры! Этот сорокалетний уроженец Феррары, ставший настоятелем монастыря Сан Марко, в своих проповедях обличал лживых, продажных

пап в лице Александра VI Борджа, известного своими пороками, папских приспешников, да и всю мирскую власть, погрязшую во грехе и забывшую Бога в погоне за роскошью и земными благами. Не нравилась ему и флорентийская Синьория, не отстаивавшая, как он полагал, интересы народа должным образом. А во всех бедах города были виноваты, конечно же, Медичи и их друзья. Теперь на улицах вместо праздничных шествий можно было видеть процессии «плакс», оплакивавших Флоренцию, погрязшую во

«Венера и Марс»

грехе и обреченную на гибель. На какое-то время и Боттичелли, вслед за своим младшим братом Симоне, поверил страстным обличениям Савонаролы и заворуженно смотрел, как доминиканцы безжалостно жгли книги, картины, написанные на античные, языческие, сюжеты, музыкальные инструменты, предметы роскоши — символы «суеты сует», порождения дьявольского начала.

Полыхал такой костер — на центральной площади! — и в феврале 1497 года. Раньше в те дни в городе проходил веселый, разноцветный карнавал, и если флорентийцы что-то и сжигали, то это были старые, ненужные вещи. А теперь горожане бросали в пламя то, что им раньше было дорого, что украшало их не всегда карнавальную жизнь... Шел к костру и Боттичелли, он нес несколько картин, написанных им на мифологические, а значит, языческие, порочные, сюжеты. Но «Рождение Венеры» в огонь не попало! Эта картина, вместе с «Весной»,

осталась на вилле Кастелло. Хозяева к тому времени ее покинули, дом заперли. Конечно же, Боттичелли помнил эти свои творения, помнил их сюжеты, помнил свою нагую Венеру, но он не пошел за картинами и не рассказал о них безумным приспешникам Савонаролы, которых, конечно же, в порыве безумного благочестия не остановили бы никакие замки и запоры. Наверное, художник все-таки понимал, что создал шедевры, и не смог отправить их в огонь, предать себя, свое искусство, все, чему он посвятил свою жизнь.

И все же с тех пор Боттичелли создавал картины только на евангельские сюжеты, отныне языческим богиням на его полотнах места не было. К сожалению, вместе с античными красавицами из его картин ушли поэзия, музыкальность, все, что раньше отличало его картины от других, созданных множеством замечательных художников, его современников.

Казалось, Савонарола всегда будет править во Флоренции, и она

никогда не освободится от его удушающих объятий. Однако вскоре Ватикан отлучил Савонаролу от Церкви, и Флоренция, в страхе, что сия участь постигнет и весь город, отступилась от неистового доминиканца. Он был арестован и приговорен к казни. 23 мая 1498 года бывший настоятель Сан Марко сгорел в пламени костра на площади Синьории. Огромная толпа наблюдала его казнь, и люди еще не знали, скорбеть им или ликовать.

Был растерян и Боттичелли — Савонарола своими пылкими речами, несомненно, увлек художника, воспитанного в гуманистических традициях, господствовавших при дворе Медичи. Ведь так сложно примирить идеи ценности человеческой личности, науки, просвещения, поэзии с аскетизмом, отказом от красоты, любви, счастья, с проповедью всепоглощающего служения Богу, со всем тем, к чему призывал Савонарола. Боттичелли трудно было найти новые ориентиры, новый смысл жизни, еще труднее было снова взять в руки кисть. Но без работы он не мог, а потому кисть его рождала новые картины, правда, прежнего Сандро в них уже не было.

Последние десять лет своей жизни Боттичелли тяжело болел. Он жил в доме своих братьев, пребывая в полном забвении — во Флоренции теперь у всех на устах были Микеланджело, Леонардо и молодой Рафаэль. Старому Сандро уже ничего не хотелось, ему даже не хотелось вновь увидеть свою Симонетту, когда-то запечатленную им в образе прекрасной Венеры. На виллу Кастелло вернулись

хозяева, но он так и не пришел посмотреть на свои полотна, на образ той, что всегда жила в его душе.

Великий итальянский художник Сандро Боттичелли умер в 1510 году, оставив потомкам множество работ, удивительных по красоте и совершенству исполнения. В «Книге мертвых» цеха врачей и аптекарей есть запись: *«Сандро Боттичелли скончался 17 мая 1510 года, похоронен во Флоренции, на кладбище церкви Всех святых».*

«Рождение Венеры», как и «Весна», долгие годы, практически забытые, хранились на вилле Медичи в Кастелло. Однако в 1761 году о них вспомнили, и картины перевезли в Уффици — в те годы в галерею собирали самые ценные картины из собраний членов семейства Медичи. (В 1789 году Уффици открыли для широкой публики — «чтобы достойные люди могли заполнять часы досуга».)

Глядя сегодня на «Рождение Венеры», трудно представить, что когда-то современники Боттичелли сочли картину неприличной и порочной, а сам он был готов ее уничтожить. К счастью, она сохранилась до наших дней. И это, и она сама — настоящее чудо. Чудом считал «Рождение Венеры» и выдающийся русский искусствовед Павел Муратов: «Гениальные создания искусства всегда кажутся чудом, — писал он, — и процесс их создания всегда остается тайной. К «Рождению Венеры» нет, в сущности, другого подхода, кроме безусловного поклонения». □

*Валерий Рябовол.
Автопортрет*

Акварели, акварели...

В тихое раннее утро я шел по Большой Спасской в мастерскую одноклассника по учебе в знаменитом МОХУ «Памяти 1905 года» Валерия Рябовола. Меня ожидало волнующее событие — просмотр работ давнего друга, которые он творил почти пятьдесят лет.

Я поднялся на десятый этаж, где меня уже ждал Валерий. Мы обнялись, и он повел меня в свою ма-

стерскую. Она, к удивлению, оказалась совсем крошечной, но уютной и «намоленной» кропотливыми трудами художника. Мастерская маленькая, но с изящной деревянной лесенкой на второй этаж...

Я огляделся и, не успев раздеться, протянул руку Валерию:

— Дружище, мы с тобой не виделись уже лет двадцать, если не больше... так ведь?

— Да-а-а, беспощадное время!..

Валера пригласил присесть к крохотному столику, где уже стоял керамический чайник, выпуская из-под крышки струйки пара, на тарелочках лежали конфеты и печенье...

— Валера, — начал я. — Ты по телефону сказал, что недавно вернулся из Италии...

— Да... было дело. Ездил посмотреть на шедевры великих и, прямо скажу, не ожидал такого эффекта... Вроде бы все знакомо — и по репродукциям, и по — фильмам, но в натуре — намного убийственней! Во сто крат мощней! Никакими словами не опишешь чудного Сандро Боттичелли, колорит Тициана, величайшие композиции Тинторетто!..

Я пересел на диванчик, и Валера стал показывать свои работы. Он ставил их на мольберт и, не глядя на меня, быстро менял лист за листом, точно слайд — программу. Акварели сменяли одна другую. Потом портреты, тоже выполненные акварелью, а дальше — пейзажи красавицы Оки где-то под Калугой, затем исторический цикл графики — «Русь. Годы смуты», следом крымские пейзажи... На большом листе «торшона» золотились вечерние лучики солнца на зеленой травке и плыли по «лазурной синеве» бездонных небес легкие перистые облачка...

Мы смотрели, молчали... Потом Валерий повернулся и вытащил из огромной папки еще один лист с этюдом. Это была Ока, и на берегу — одинокая лодка с останками колоритной коряги... Я не удержался и тихо продекламировал любимого

поэта Серебряного века Константина Бальмонта:

*Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог
Бросил берег, бьется с бурей
Ищет светлых снов чертог.*

С Рябоволом мы не виделись давно. Теперь он — заслуженный художник России, член Московского Союза художников, председатель секции графики Творческого Союза художников России, доцент Строгановки, почетный член Российской академии художеств и лауреат всяческих иных премий. Его работы сегодня есть и в Третьяковке, и во многих музеях страны, а еще — в частных коллекциях.

Обрадовало главное — он не стал пафосным и заносчивым... Даже, показалось, был более сдержан, чем раньше. И по-прежнему внимателен к собеседнику и... совестлив...

Акварели — портреты и пейзажи — были замечательные, все полно жизни и свежих чувств, мастерски исполнено, прочувствовано и скомпоновано — работы зрелого, состоявшегося художника! Но я ждал... его рисунков, тех, которые начались еще в отрочестве моего друга и на всю жизнь стали его существованием, дыханием, точнее говоря — жизнью!

Этих работ я не видел ни на выставках, ни в буклетах, журналах и книгах. Они были будто его тайной... Немногие знали о них, а я знал, причем давно. Только тогда это были эскизы, этюды с натуры, очень напоминавшие графические шедевры великого Рембранта, которого Вале-

«Гроза приближается. Крым»

рий обожал и перед которым преклонялся еще с первых шагов в своем нелегком пути в искусство.

Валера поставил на мольберт первый лист той давно начатой серии, на котором были изображены люди, точнее толпа... толпы и толпы...

— Долго не мог понять, что и зачем рисую? Только теперь проявился абрис некой идеи. Мне захотелось в этой серии вырваться за пределы частных крохотных сюжетов к обобщению ... космическому обобщению! Страсть моя — увидеть роение людское с громадной высоты, понимаешь? Увидеть сразу все — и текучую историю, и, людей, вовлеченных в ее движение, и этот бесстрастный вихрь — водоворот... Понятно говорю?

Мы молча разглядывали листы, испещренные экспрессивными бурными штрихами черной туши, на которых кипела какая-то своя, совершенно ирреальная жизнь, и люди какие-то чудные — будто шаржированные персонажи. Здесь был и музыкант, и некий субъект, похожий на карлика, может, сказочный гномик? Средневековые рыцари в «железных» одеяниях, дамы в прозрачных роскошных платьях, какие носили только в стародавние времена...

— Да-а, — выдохнул я. — Это же... Не существовало такой толпы... тут же «тусуются» персонажи из разных эпох и веков — это в большей степени вымысел, фантазия на тему времен и эпох! И вымысел — художественный! Так ведь?

«На оборону монастыря»

— Похоже, что так, — тихо ответил Валерий. — Но! Но почему я, начиная изображать с натуры какую-то группу людей, вдруг рисую тех персонажей, которые появляются из далекой сказки детства? Сам объяснить не могу. Мистика, ей-богу... А помнишь, ты ведь сам назвал эти мои опусы «Великое роение», — вдруг усмехнулся он. — Вот теперь и расхлебывай...

— Конечно, помню! — почти выкрикнул я. — Такие моменты незабываемы... Но теперь, пожалуй, у меня вспыхнуло иное название, как тебе — «Зеркало человечества».

Мы помолчали немного, а потом я задумчиво продолжил:

— А, может, проще — «Зеркало для человечества»? Все же зеркало... что-то от волшебной сказки... А зеркало — это отражение всей истории человечества. Как думаешь? — спросил я Валерия. Он ничего не ответил, и я, глядя на его рисунки, снова заговорил: — Дремучий, седовласый вопрос; а способен ли вообще человек создать то, чего, так или иначе, не наблюдалось в реальной действительности? И если, к примеру, границы вымысла определить практически невозможно, потому что в идеале они равны самой действительности, то место вымысла в творческом процессе следует понимать как звено между действительностью и ее вы-

«Жаркий полдень в Крыму»

ражением, причем звено неизбежное и — единственное...

— Не знаю, не знаю, может быть, и так... — вздохнул Валерий. — Главное для меня — попытка ответить на один из великих вечных вопросов: зачем мы здесь?! Быть может, моя безразмерная серия графики и есть спонтанный, но не осознаваемый в этих реалиях ответ на этот вопрос. Ответ на уровне глубинного подсознания, где-то в потаенных дремучих исторических реалиях рода моего... Может быть такое? А величие этих вопросов в том и состоит, что на них нельзя дать простенький ответ... А еще — ответы на них всегда избавляют от страшного хаоса, что

постоянно царит в наших головах... Вот поэтому, наверное, и рисую, рисую, как помешанный! Вон на подоконнике почти законченный рисунок... прямо за десять минут до твоего прихода. И так — каждый божий день!

— А как эта серия начиналась? Вернее, как вообще она появилась? И почему именно она? Разве мало других не менее содержательных тем? — спросил я.

— Появилась будто бы нечаянно... — внимательно посмотрел на меня Валера. — Начал рисовать, рисовать — и все группки каких-то людей: детишки, старики, красавицы! А потом и сам не мог понять, почему стал всех своих героев одевать

«Начало осени. Тишина»

в самые разные костюмы давно ушедших эпох. Да и характеры стал утрировать, точно бесовская сила в руку вселялась и колобродила, как хотела, без моего на то согласия... Так и появились первые десять-двадцать рисунков, а потом как запруду прорвало — хлынул вихрем этот «листопад» графики! Слово что-то мистическое вселялось в меня, и дальше уже не просто азарт творческий, а неумная жажда рисования прихватывала намертво. С тех пор я уже никогда не выхожу из дома без альбомчика и ручки с черными чернилами... Сколько их у меня, этих альбомчиков, за десятилетия накопилось! Так что

вдохновением это назвать уже не могу, это сродни сумасшествию...

— Ну, так уж и сумасшествие, — иронично заметил я.

— А как это назвать, если я десятилетия уже каждый день рисую их, рисую и рисую!

— Ну... Не удивительно. Ведь если ты художник, то и должен рисовать, заниматься своим делом. Не польку-бабочку же тебе разучивать, а именно рисовать!

— Да уж... польку-бабочку, пожалуйста, легче разучить, — усмехнулся Валера. — Знаешь, я тебе искренне скажу. Когда я рисовал и все еще рисую, как проклятый, свою безразмер-

ную серию, все на бумаге происходит словно само собой, и я автоматически ставлю подписи на рисунках... сам не понимая, что это — комментарий или внедрение самого себя внутрь, в самую сердцевину сюжета?

Словом, сплошные потемки...

Потом мы пили кофе, и Валерий неторопливо рассказывал о своем детстве. Как-то особенно, с ностальгическими нотками вспоминал маленький Северо-Задонск, городок в 60 километрах от Тулы.

— В те годы, когда я был мальчуганом, тот регион Тульской области был по-настоящему шахтерским... Сразу после войны обнаружили у нас залежи угля, которые незамедлительно стали разрабатывать. Я видел лица шахтеров... такие сурово-серьезные, с въевшимися в кожу черными угольными точками... Но не долго добывали у нас уголек, в семидесятых он уже почти иссяк, и все моментально заглохло, на терриконах бурьян пророс, шахты превратились в отстойники гнилья, а люди оказались без работы... И Северо-Задонск наш, можно сказать, умер. Вот что значил для всех тот... пропавший уголь! Жизнь он значил, полнокровную жизнь!

А учился я очень неважно... Все больше глазел на уроках не на доску, где училка что-то балаболила, а отлетал с облаками в безбрежные небесные дали... и грезил, грезил наяву. Зато еще тогда было уже

огромное желание рисовать и рисовать... И очень хотелось нарисовать это, как ты его назвал, «ро-е-ни-е»! Вообще, рисование превратилось в мое психосостояние жизни... Только закончив очередной рисунок, начинаю ощущать полноту земного бытия. Ее невозможно ни описать, ни изобразить, ни высказать — это багаж только моего духа! И результат может быть только один — новые, новые и новые рисунки...

Валера вдруг замолчал, а потом тихо выдохнул:

— «Зерцало человечества»... твоя подсказка хороша... и главное — вовремя! Видно, тебя небеса направили ко мне. Только не зеркало... а — Зеркало! Это должна быть мощная конструкция и бескрайнее зрелище... А зеркало... тут что-то насмешливое, детское. Как ты думаешь? — спросил он, вскинув на меня взгляд.

— Зеркало! — ответил я, не раздумывая. — Это не панорама развешенных рисунков на заборе — а громадное, выпукло-зеркальное мощнейшее гиперпространство, где во всех направлениях вихряются рисунки роения людей — в мгновеньях, веках, тысячелетиях!

Да, то было Зеркало, в котором отразилась история человечества. Люди, которые появляются на лике земли, исчезают, уступая место другим, но само «Великое роение» рода людского, этого супер-гигантского «улья» — не стихает ни на секунду!...□

В №2, №3 и №4 фотографии художников В. Барабаша, Ф. Конюхова и В. Рябова выполнены фотохудожником Николаем Тищенко.

Дарья Молчанова

СДЕЛКА

.....
(Пьеса в одном действии)
.....

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЛЮДИ:

Сотрудница банка

Ольга, риэлтор

Юрист (Вячеслав)

Мама (Антонина Степановна), владелица квартиры

Борис, патологоанатом, ее сын

Покупательница

Муж Сотрудницы банка

Рабочие сцены, они же санитары,
они же охранники банка

ПРИЗРАКИ:

Садовник

Два Моджахеды

Папа, бывший муж Мама

Мадам де Сталь

Повариха

Секретарша

Геннадий, бывший муж Покупательницы

Водитель автобуса

Джозайя, африканский принц

Ночной Кошмар

Подруга Сотрудницы банка

Белая Горячка

Хасиды

Две бывшие жены Юриста

Два Мини-пига

Мертвая невеста и мертвецы

Леонардо да Винчи

Хемингуэй

ALLEGRO (весело, быстро)
Комната в банке. Несколько столов.
Вокруг столов стулья. Шкаф в углу.
Звонит телефон. Вбегает Сотруд-
ница банка и берет трубку.

Сотрудница банка: Банк! (*Голос сходит до шепота*). Ты звонишь мне на рабочий телефон! Ты заперла дверь? Ты спрятала ключи? Что ты за мной все повторяешь? Да не надо говорить, куда.

ВХОДИТ ОЛЬГА

Сотрудница банка (*прикрывая рукой трубку*): Вы на сделку?

Ольга: Да.

Сотрудница банка (*прижимая трубку плечом, отыскивает на столе нужную папку*): Покупаете-продаете?

Ольга: Я риэлтор (*копается в сумке, ищет визитки*): Визитки закончились, к сожалению.

Сотрудница банка (*шипит в трубку*): Я должна идти.

Ольга: Что, простите? (*Сотрудница банка вешает трубку*).

Сотрудница банка: Я говорю, всем сейчас квартиры в центре подавай. (*В доказательство приподнимает кучу папок и хлопает ими по столу*). А нескромные покупки вызывают нескромные вопросы.

Ольга: Надо же людям где-то жить.

Сотрудница банка: Ну и жили бы себе в Капотне — никаких к ним во-

просов (*меняя тон*). Хотя кто мы с вами такие, чтобы судить.

Ольга: Да я собственно...

Сотрудница банка: Не извиняйтесь, думаете, я не понимаю? Бегаешь тут за копейки, пока другие квартирами разговляются (*встает из-за стола, поправляет одежду, прическу. «Просветленным голосом», как в ЗАГСе*): В связи со светлым праздником Пасхи сегодня банк работает в режиме укороченного дня строго до четырех. Это понятно?

Ольга: Понятно.

Сотрудница банка: Дееспособность участников проверена, намерения ясны, решения взвешены. Все действуют добровольно, не по принуждению, с политическими партиями не сотрудничаем, родственников в правительстве не имеем, подделка документов преследуется по закону. (*Смотрит на Ольгу вопросительно*).

Ольга (*пожимает плечами*): Да вроде бы.

Сотрудница банка (*кивает и протягивает Ольге бумаги*): Подписываем каждую страницу.

*ВХОДИТ ПОКУПАТЕЛЬНИЦА
С ЮРИСТОМ*

Ольга (*преувеличенно радушно*): А вот и наши покупатели!

Сотрудница банка (*пожимая всем руки*): Добрый день, добрый день. Риэлтор уже ввел меня в курс дела.

Ситуация, прямо скажем, не из простых, прямо скажем, из сложных, но попытаемся как-то прорваться. (Ольге) Я нема, как форель.

СОТРУДНИЦА БАНКА УХОДИТ

Покупательница (недоуменно): Что такое?

Ольга: Я сама уже ничего не понимаю.

Юрист (выступает вперед. Ольге): А мы с вами по телефону общались. Я и есть тот самый загадочный голос в трубке. Юридическая компания «Знак вопроса». Старший партнер. А вы, значит, Оленька (протягивает руку).

Ольга (пожимает протянутую руку): Ольга Николаевна. Как же, как же. По последнему пункту все говорили, говорили. Я ни с кем в своей жизни столько не говорила.

Юрист (кладет ей руку на плечо и отводит в сторону): Но ведь вы же сами понимаете, это же блажь. Момент настолько не принципиальный... Это вам любой юрист подтвердит.

Ольга (снимая его руку с плеча): ... А продавец так не считает. Вот он, то есть она, придет, вы сами с ним, то есть с ней, обо всем и поговорите. (Ольга под локоть отводит Покупательницу в сторону).

Ольга: Я уже жалею, что своими руками вам его посоветовала. Он нам сейчас всю сделку обрушит.

Покупательница: Но ведь это ваша креатура. Не понимаю.

Ольга: Я сама его впервые вижу... А, вроде, отзывы такие хорошие...

ЮРИСТ САДИТСЯ В КРЕСЛО, СНИМАЕТ ШЛЯПУ, ОБМАХИВАЕТСЯ

Юрист: Вы можете быть совершенно спокойны. Из чего, вы думаете, складывается мой гонорар?

Покупательница: Вот и я все ума не приложу.

Юрист: Опыт, компетентность и...

ВБЕГАЕТ СОТРУДНИЦА БАНКА

Сотрудница банка: Пришел продавец?

Юрист: Имя. Оно дорого стоит и тяжело весит (протягивает сотруднице визитку). Возьмите визитку, весь спектр юридических услуг.

Сотрудница банка (берет визитку, протягивает ему рекламную брошюру): В нашем отделении вы можете приобрести билеты моментальной лотереи. Со списком призов можно ознакомиться у окошка номер пять. (Звонит телефон. Сотрудница банка берет трубку)

Сотрудница банка: Банк! Это не незнакомая тетка, и ничего она не ломала. Никуда она не влезала. Я ее впустила. Ну если человек в гости пришел (повторяя за кем-то): А сама пошла на работу. Если ты на работу не ходишь, это еще не значит, что никому не надо... Она не только ко мне, она ко всем пришла. Она, между прочим, у нас свидетельницей на свадьбе была...

Удивительно, что ты меня запомнил *(повторяя за кем-то)*: А дверь просто захлопнулась. Представь себе: она влезла, а дверь захлопнулась. Да не влезала она никуда! *(Вешает трубку. Всем)*: Рады, что вы выбрали наш банк *(делает шаг к двери. Возвращается)*: Не забываем про четыре часа.

СОТРУДНИЦА БАНКА УБЕГАЕТ

Покупательница *(приподнимает брови)*: А что будет в четыре часа?

Ольга: Пасха у них начинается в четыре часа. Это надо подписать. *(Протягивает бумаги Покупательнице)*.

Юрист *(подскакивает с кресла и забирает протянутые Покупательнице бумаги)*: Ничего без меня не подписывайте. Я сам этим займусь, отдохайте.

Ольга: Не забудьте проверить паспортные данные и сумму.

Юрист: Вообще-то нашей с вами клиентке здорово повезло, что я взялся за это дело. Говоря начистоту, я страшно занят. Да что там — просто рвут на части. Но когда вы позвонили, что-то почувствовал, знаете, такое ...

Ольга: Подпись на каждой странице. Черт меня дернул.

Юрист: Вот-вот, что-то в этом роде *(достает очки, садится и начинает читать)*.

ВХОДИТ БОРИС С МАМОЙ

Ольга: А вот и Антонина Степановна с... *(Покупательница изумленно поднимает брови)*.

Мама *(поднимает брови так же)*: С сыном. *(Мама и Покупательница подходят друг к другу, оценивающе разглядывают, здороваются за кончики пальцев)*.

Мама и Покупательница: Очень, очень приятно.

Борис *(мрачно всем кивает. Присматривается к Ольге)*: Мне кажется... Ваше лицо..

Ольга *(всматриваясь в лицо Бориса)*: Кажется... *(неуверенно)* Это ваша первая квартира?

Борис: И последняя.

Ольга: Вы в 52-й школе не учились?

Борис: В 59-й...

Ольга: На сайте агентства моя фотография висит. Старая, правда, я там с короткими волосами. Давно пора поменять.

Борис: Возможно. Я не уверен, но ...

Ольга: Мне говорили, что вы не хотели продавать. В любом случае я рада, что вы передумали *(протягивает Борису руку с бумагами)*.

Борис: Да, возможно... Борис. **Борис** *(протягивает руку и жмет ее вместе с зажатыми в ней бумагами)*: Мама сказала, я должен присутствовать.

Ольга: Как совладелец.

Юрист (*встает с кресла и проти-скивается между ними*): Оленька, вы должны были быть внимательнее, здесь опечатка (*показывает ей страницу*).

Ольга (*берет страницу, смотрит*): Всего лишь запятая пропущена.

Юрист: О-хо-хо. Всего лишь. Исто-рии известно немало примеров, сколько бед может принести пропу-щенная запятая! Будь вы моей сту-денткой ...

Ольга: Я не ваша студентка.

Борис (*берет у Ольги страницу, смотрит, щурится. Ольге*): Как мелко. (*возвращая страницу Юристу*): По-моему, не криминально (*Ольге*): На сайте вы в очках.

Ольга (*отдает экземпляр договора Бо-рису*): Да вот последние где-то оста-вила. Решила попробовать линзы. Вроде неплохо, только они все время разъезжаются куда-то. Это для вас.

БОРИС БЕРЕТ БУМАГИ И САДИТСЯ НА СТУЛ ОКОЛО СТОЛА

Ольга: Если есть какие-то вопро-сы, можете обращаться ко мне.

Юрист: Ко мне. Я все же юрист.

Борис: Вы не наш юрист. Я вас не знаю.

Юрист: Кстати, а зачем вам нужна старая справка о стоимости? Вы же продаете квартиру?

Борис: А вам зачем?

Юрист: Я первый спросил.

Борис (*встает*): Могу и не про-давать.

Ольга: Вячеслав! Я вас совсем для другого рекомендовала!

ОЛЬГА И МАМА БРОСАЮТСЯ К БОРИСУ И УСАЖИВАЮТ НА СТУЛ

Юрист: И все же?

БОРИС ПЫТАЕТСЯ ВСТАТЬ СО СТУ-ЛА, НО ОЛЬГА И МАМА ЕМУ МЕША-ЮТ. ПОКУПАТЕЛЬНИЦА ПЕРЕВОДИТ ИЗУМЛЕННЫЙ ВЗГЛЯД С ЮРИСТА И БОРИСА.

Сотрудница банка (*заглядывает в дверь*): Кто еще не заказал куличи, может оформить заказ в столовой (*Исчезает в дверях*).

У ОЛЬГИ ЗВОНИТ ТЕЛЕФОН

Ольга (*достает телефон из кармана*): Алло! Алло! Алло!

Сотрудница банка (*заглядывает в дверь*): А телефоны здесь не рабо-тают (*стучит в стену*). Это же броня.

ИСЧЕЗАЕТ В ДВЕРЯХ

Ольга (*в трубку*): Алло! Алло! (*Юрист смотрит на нее поверх очков. Ольга разочарованно опускает руку с телефоном*).

Ольга: Я так всех покупателей рас-теряю.

Мама (*Покупательнице*): Никак не могла вырваться.

Покупательница: Откуда же?

Мама: Из Лондона.

Покупательница: Живете в Лондоне?

Мама *(со вздохом)*: Живу.

Покупательница: И где же?

Мама: В Хамстеде. Прекрасный дом.

БОРИС И ЮРИСТ СИДЯТ ЗА СТОЛОМ. БОРИС ПО ОДНОЙ ВЫКЛАДЫВАЕТ ИЗ ПОРТФЕЛЯ БУМАГИ, ЧИТАЕТ И КЛАДЕТ НА СТОЛ. ЮРИСТ ИХ ТУТ ЖЕ БЕРЕТ, ЧИТАЕТ И СКЛАДЫВАЕТ К СЕБЕ В ПОРТФЕЛЬ.

Борис *(Юристу)*: Положите на место.

Юрист: Простите, зачитался. *(Вытаскивает обратно. Продолжает изучать выложенные Борисом бумаги и кладет их обратно на стол под пристальным взглядом Бориса. На столе долго звонит телефон. Борис и Юрист смотрят на аппарат).*

Юрист: Вдруг что-то срочное? *(Борис равнодушно пожимает плечами).*

Юрист: Банк! Да! А она отошла. Что передать? Хорошо, я передам. И вам.

ВБЕГАЕТ СОТРУДНИЦА БАНКА

Юрист: Вот она как раз идет *(протягивает ей трубку)*. А я думал, это у меня клиентура нервная..

Сотрудница банка *(берет трубку)*: Банк! Спокойно! Дверь ломает? Ну и пусть ломает: в эту дверь только на танке можно въехать. Ключ спрятала, куда я сказала? Да не на-

до говорить — куда! Топора, к сожалению, нет *(вешает трубку)*. Что я хотела?

Юрист: Кулич?

Ольга: Лотерея?

Сотрудница банка: Я же в кассу шла.

СОТРУДНИЦА БАНКА УХОДИТ

Покупательница *(Маме)*: Сколько спален?

Мама: Шесть или семь. В одной, правда, спит садовник.

НА СЦЕНУ ВЫХОДИТ САДОВНИК С ЛОПАТОЙ. ВСЕ СМОТРЯТ НА САДОВНИКА.

Покупательница: Садовник? Прямо в доме?

Мама: Ну а куда ему деваться? *(Садовник беспомощно разводит руками).*

Борис: Мама!

Мама: Вообще-то он в гараже живет. Вообще-то он в Афганистане живет, но он там жить не хочет почему-то ...

САДОВНИК ПРОХОДИТ ПО СЦЕНЕ И УХОДИТ В ПРОТИВОПОЛОЖНУЮ КУЛИСУ

Ольга *(Борису)*: «Помоги себе сам» в Гараже в прошлый понедельник?

Борис *(отрицательно качает головой)*: Это клуб автолюбителей?

Ольга: Тренинг личностного роста.

Борис: Один мой знакомый с похожей формулировкой отказывался давать в долг.

Покупательница (*Маме*): Значит, шесть спален, а вы говорите семь.

Мама: Наш гараж вполне сойдет за спальню. Он чудно устроился. У него там и кровать есть, и торшер, портрет повесил. Родственника, наверное. Представительный такой, в чалме и с книжкой.

Покупательница: И как вы на это смотрите?

Мама: А что такого? Иногда он принимает односельчан. Ведут себя очень тихо. Даже говорят шепотом. И расходятся по одному.

ПО СЦЕНЕ, КРАДУЧИСЬ, ПРОХОДЯТ ДВА БОРОДАТЫХ МОДЖАХЕДА В ЧАЛМАХ И С АВТОМАТАМИ. УХОДЯТ

Покупательница: В домах людей моего круга обычно принимают односельчан хозяев. Я тоже жила в Лондоне.

Мама: А вы где?

Покупательница: На посольской улице.

Мама: В посольстве?

Покупательница: Зачем же. Там посол живет. Не терплю посольских. В каждом кармане по микрофону. Никогда не знаешь, в какой отчет и с какой пометкой попадешь.

Борис (*Ольге*): Анатомичка при 65-й больнице?

Ольга: Как?

Борис: Ну, может быть, случайно...

Юрист: Как можно случайно оказаться в анатомичке?

Борис: Можно перепутать дверь.

Юрист: Как кабинет стоматолога можно спутать с кабинетом окулиста — это я еще могу понять. Но кабинет терапевта с анатомичкой? Разве что перед дверью тоже сидит очередь.

Борис: Я вообще-то не с вами разговариваю, что вы влезаете все время?

*ЗВОНИТ ТЕЛЕФОН.
ВБЕГАЕТ СОТРУДНИЦА БАНКА*

Сотрудница банка (*шепотом в трубку*): Какой мастер? Откуда он взялся? Из ЖЭКа? Автогеном? Пусть только попробует! Это не предложение! Может сразу динамитом? У них такого нету? Какое счастье! Пусть собирает свои инструменты и идет обратно. У них же нет динамита, за что платить? За ложный вызов? Скажи, что я сейчас участкового вызову. Мастер уже вызвал? (*Кладет трубку и выбегает*).

Мама (*Покупательнице*): Неужели рядом с Абрамовичем?

Покупательница: Недалеко.

Мама: Это если из Гайд-парка выходишь, направо?

Покупательница: И наверх.

Мама: Чудно! Но вы знаете, я такой человек: мне все равно, кто и где живет, сколько у него денег, прикипаешь к людям, как говорится, душой. Как вам Лондон?

Покупательница: Прелестный город.

Мама: Столько магазинов!

Покупательница: Столько музеев!

Мама: Я, кстати, тут статуи купила по случаю.

Покупательница: Это где же? На Кристис?

Мама: Выше берите! В музее восковых фигур мадам Тюссо. У меня там блат: подруга амуры крутит с одним — он им глаза поставляет. Хотела Брэда и Энджи, так они мне в нагрузку еще далай-ламу впихнули. А он мне в интерьер — ну никак. Вам не нужно?

РАБОЧИЕ СЦЕНЫ ПРОНОСЯТ ПО СЦЕНЕ КАРТОННЫЕ ФИГУРЫ В ПОЛНЫЙ РОСТ БРЭДА ПИТТА, АНДЖЕЛИНЫ ДЖОЛИ И ДАЛАЙ-ЛАМЫ. УХОДЯТ

Покупательница: Как-то не задумывалась. Меня каждое утро можно встретить у импрессионистов в Нэшнл Галери. Потом перехожу в Тейт-модерн ... За инсталляциями хожу в Серпейнтайн. Рядом уютная маленькая кофейня.

Мама: ... Да-да... Помню это место. Недалеко есть чудесный старый паб.

Борис: Мама!

Мама: Всегда хожу мимо и думаю, что там должно быть очень уютно (*Мама достает из сумочки фляжку, делает глоток. Шепотом Покупательнице*): Будете? (*Покупательница жестом отказывается*).

Мама (*снова делает глоток, крякнув*): Зря! (*Прячет фляжку обратно в сумочку*).

БОРИС С ЮРИСТОМ СИДЯТ ЗА ОДНИМ СТОЛОМ. НА СТОЛЕ УЖЕ ОБРАЗОВАЛАСЬ КАША ИЗ БУМАГ. БОРИС ЧТО-ТО ИЩЕТ В КУЧЕ

Борис (*Юристу*): У меня здесь был документ. Вы его вертели в руках.

Юрист: Это зонтик вертят, а с документом знакомятся.

Борис: С чего бы это вам знакомиться с моим документом.

Юрист: Я юрист!

Борис: Вы не мой юрист.

Юрист: Ознакомившись с документом, а это была копия кадастрового плана, я положил его на стол. Здесь!

Ольга (*Юристу*): Вячеслав, в конце концов!

Юрист: Это смешно. Сами подумайте, зачем мне ваши документы, у меня и своих достаточно (*приподнимает туго набитый портфель*).

Ольга: Борис!

Борис: Почему я знаю. Может, вам не хватает. А-а, дергается глаз. Вы ни один детектор лжи не пройдете с вашим клептоманским дергающимся глазом.

Юрист (*показывает под стол, под которым лежит листок*): Да? А это тогда что?

БОРИС И ЮРИСТ ЛЕЗУТ ПОД СТОЛ, ОДНОВРЕМЕННО БЕРУТ БУМАГУ И ТЯНУТ КАЖДЫЙ НА СЕБЯ. ОЛЬГА ПОДБЕГАЕТ К СТОЛУ

Ольга: Ну, товарищи, ну что ж такое!

ВБЕГАЕТ СОТРУДНИЦА БАНКА

Сотрудница банка: Ну как, девочки, все подписали? (*Мама и Покупательница отдают ей бумаги*).

Сотрудница банка (*берет у них бумаги, взамен дает другие*): А мальчики? (*заглядывает под стол, где сидят Борис и Юрист, протягивая каждому бумаги*): Подпись покупателя на каждой странице.

СОТРУДНИЦА БАНКА ВЫБЕГАЕТ

Борис (*из-под стола Ольге*): Эльбрус, две тысячи восьмой, красная куртка.

Ольга: У меня нет красной куртки.

Борис (*бьет Юриста по рукам, пытается вырвать бумагу*): Синяя?

Ольга: Не была я ни на каком Эвересте!

Борис: Эльбрус!

Ольга: Ни в синей, ни в белой, ни в какой другой куртке. Вылезайте, пожалуйста!

Юрист: Да что же вы пристали-то к ней!

Борис: Не ваше дело. Отдайте документ, иначе я за себя не ручаюсь.

Юрист: Вначале ознакомлюсь.

ВЫРЫВАЕТ БУМАГУ, ВЫЛЕЗАЕТ ИЗ-ПОД СТОЛА. БОРИС ВЫЛЕЗАЕТ ИЗ-ПОД СТОЛА. ЮРИСТ ПРОБЕГАЕТ ВЗГЛЯДОМ БУМАГУ, ОТДАЕТ БОРИСУ

Юрист: Читайте.

(Борис пробегает взглядом бумагу и прячет в папку).

Юрист: Так что вы там говорили про детектор лжи? (*Борис садится на стул*).

Борис: Все равно вы в группе риска. У вас характерные мимические складки.

Юрист: При чем здесь мои складки?

Борис: Характерные для людей вашего склада.

Юрист: Вы что, следователь?

Мама: Он патологоанатом! И, говорят, очень талантливый!

Борис (*Юристу*): А ну-ка расслабьте лицо.

Юрист (*отступая на шаг, Маме*): Это еще зачем?

Мама: Это он прикидывает, где делать надрез.

Юрист: Вынужден вас разочаровать, с этим придется обождать.

Борис: Откуда такая уверенность?

Юрист: От диспансеризации.

Мама: Да вы не волнуйтесь. Все наши знакомые только ему доверяют своих родственников.

САНИТАРЫ ВЫКАТЫВАЮТ КАТАЛКУ С НАКРЫТЫМ ПРОСТЫНЕЙ ЧЕЛОВЕКОМ. БОРИС ОТДЕРГИВАЕТ ПРОСТЫНЮ С ЛИЦА И ЗАДЕРГИВАЕТ ОБРАТНО. САНИТАРЫ УВОЗЯТ КАТАЛКУ

Покупательница: Это называется репутация.

Мама: Если что, можете его смело рекомендовать.

Ольга (Борису): День рождения мальчика Коли, Новая Рига год назад?

Борис: Я знаю одного Колю, он конечно мальчик, правда, ему сильно за сорок, и он работает санитаром. Вряд ли мы одного и того же Колю имеем в виду.

Ольга: Зимняя Олимпиада?

Борис: В Сочи?

Ольга (с надеждой): Да!

Борис: Я хотел, но не попал. На работе как раз был завал. Не смог разгрести.

Юрист: Фигурально, надеюсь, выражаясь?

Борис: Ну это как сказать ...

Мама: В детстве он хотел быть водителем автобуса. А потом передумал. Посттравматический синдром.

НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА В ФОРМЕ С РУЛЕМ В РУКАХ. ДЕЛАЕТ «ОСТАНОВКУ». ВСЕ САДЯТСЯ В АВТОБУС. АВТОБУС С ПАССАЖИРАМИ ДЕЛАЕТ КРУГ ПО СЦЕНЕ. ПАССАЖИРЫ ПО ОЧЕРЕДИ «СОСКАКИВАЮТ». АВТОБУС УЕЗЖАЕТ СО СЦЕНЫ. СЛЫШЕН ВИЗГ ТОРМОЗОВ И ЗВУК АВАРИИ

Покупательница: Он что, воевал?

Мама: Нас папа бросил. Прямо в Лондоне и бросил.

НА СЦЕНУ ЭНЕРГИЧНОЙ ПОХОДКОЙ ВЫХОДИТ ПАПА — ЛЫСЫЙ ТОЛСТЯЧОК В КОСТЮМЕ СОВЕТСКОГО ПАРТАППАРАТЧИКА, С ДИПЛОМАТОМ В РУКЕ. ПОДХОДИТ КО ВСЕМ, С ЧУВСТВОМ ПОЖИМАЕТ ВСЕМ РУКУ. ТРОЕКРАТНО ПО-БРЕЖНЕВСКИ СМАЧНО ЦЕЛУЕТ ЮРИСТА В ГУБЫ И УХОДИТ

Покупательница (оживляясь, Маме): И вас тоже?

Мама (обиженно): Насколько я знаю, пока только нас.

Ольга: Вас хоть в Лондоне бросили. (Мама и Покупательница поворачиваются к Ольге).

Мама: Не расстраивайтесь, в Лондоне это тоже неприятно.

Покупательница: Мне, конечно, не на что жаловаться. Геннадий оставил мне приличное содержание...

НЕСПЕШНОЙ ПОХОДКОЙ НА СЦЕНУ ВЫХОДИТ РОСКОШНЫЙ «ГЕННАДИЙ» В ДОРОГОМ КОСТЮМЕ И С ДОРОГОМ ПОРТФЕЛЕМ. ДОСТАЕТ ИЗ ПОРТФЕЛЯ ДЕНЕЖНЫЕ КУПЮРЫ И РАЗБРАСЫВАЕТ ИХ ПО СЦЕНЕ, ПОДХОДИТ К ПОКУПАТЕЛЬНИЦЕ, ПОСЫПАЕТ КУПЮРАМИ ЕЕ ГОЛОВУ И УХОДИТ

Юрист (протягивает Ольге и Покупательнице): Возьмите визитку, мы и разводами занимаемся.

Ольга (печально рассматривая визитку): Он сказал, что я не готовила ему котлет.

Покупательница (берет визитку): Тогда, полагаю, он ушел к поварихе.

НА СЦЕНУ, ПОМАХИВАЯ ПОЛОВНИКОМ, ВЫХОДИТ ПОВАРИХА

Ольга: К секретарше.

ПОВАРИХА ПРЕЗРИТЕЛЬНО ХМЫКАЕТ И УХОДИТ СО СЦЕНЫ. ВМЕСТО НЕЕ НА СЦЕНУ ВЫХОДИТ СЕКРЕТАРША В МИНИ-ЮБКЕ С БЛЮДОМ КОТЛЕТ И ПО ОЧЕРЕДИ ПРЕДЛАГАЕТ БОРИСУ И ЮРИСТУ КОТЛЕТЫ. БОРИС ИГНОРИРУЕТ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. МАМА ТЯНЕТСЯ ЗА КОТЛЕТОЙ, НО СЕКРЕТАРША БЬЕТ ЕЕ ПО РУКЕ.

Юрист (берет с блюда котлету, откусывая): А может быть, она хорошо готовит...

СЕКРЕТАРША УХОДИТ

Покупательница: Как прозаично. А как же: «Свеча горела»? «Сплетение рук»? «Сплетенье ног»? (Все сме-

трят на Юриста. Юрист, сидевший нога на ногу, убирает ногу с ноги).

Мама: Думаю, это как раз и имело место быть.

Юрист: Да ладно вам. Вы хоть раз читали, что женщины пишут на своих форумах о мужчинах? Хотя что там читали, вы же их и пишете. Это же фермеры делятся своими секретами по обращению с крупным рогатым скотом. (Слышно блеяние овец, коз, рев быка).

ВБЕГАЕТ СОТРУДНИЦА БАНКА

Сотрудница банка: Я уже делала объявление насчет кулича?

Борис: Да погодите вы с куличом, у нас тут котлеты.

Сотрудница банка (Ольге): Никто не передумал?

Ольга: Типун вам на язык.

СОТРУДНИЦА БАНКА ВЫБЕГАЕТ

Ольга (Юристу): Вы-то что делаете на этих форумах?

Юрист: Прививку от следующей женитьбы. Полезная, надо сказать, штука, эти форумы. Прохожу там под именем Мадам де Сталь.

НА СЦЕНУ ВЫХОДИТ МАДАМ ДЕ СТАЛЬ. ПОМАХИВАЯ ВЕЕРОМ, ПРОХОДИТ ПО СЦЕНЕ И УХОДИТ

Ольга: Так я и знала! Так это вы одна из тех клуш, кто разглагольствует о терпении и женской мудрости?

Юрист: Зачем? Я одна из тех красоток, кто подал на развод и с помощью опытного юриста ободрал негодяя, как липку.

Покупательница: А опытный юрист — это конечно вы?

Юрист: Но я же действительно опытный.

Покупательница: Но сами вы зачем-то все же женились?

Юрист: И не однажды. Вот теперь и думаю — зачем. Наверно, потому что с детства не люблю спать один, мне часто кошмары снятся.

НА СЦЕНУ ВЫХОДЯТ ДВЕ БЫВШИЕ ЖЕНЫ ЮРИСТА. ПОДТАЛКИВАЯ ПЕРЕД СОБОЙ КОЛЯСКИ С ОРУЩИМИ МЛАДЕНЦАМИ, СЕМЕНЯТ ПО СЦЕНЕ МИМО ГЕРОЕВ И УХОДЯТ

Борис: Помогло?

Юрист: Не очень. Кошмар стал круглосуточным.

НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ НОЧНОЙ КОШМАР И НАЧИНАЕТ ПО ОЧЕРЕДИ ВСЕХ «ПУГАТЬ». ОЛЬГА ВЗВИЗГИВАЕТ И ПРЯЧЕТСЯ ЗА БОРИСА

Юрист (отбиваясь от Ночного Кошмара): Они требовали от меня страстей, которых я не испытывал, средств, которых я не имел, и еще чтобы я все время сидел дома, куда мне и так не хотелось возвращаться. И потом, я же не вязанием день-ги зарабатываю.

НОЧНОЙ КОШМАР УБЕГАЕТ.

Ольга (Юристу): А у вас же все совещания. Вечерние совещания. Ночные совещания...

Юрист: И ночные тоже. У меня, между прочим, ненормированный рабочий график.

Ольга: А зачем тогда котлеты приплетать? Противно.

ВЫХОДИТ СЕКРЕТАРША И НАПРАВЛЯЕТСЯ С БЛЮДОМ К ЮРИСТУ

Юрист (Секретарше): При чем здесь опять котлеты?

СЕКРЕТАРША УХОДИТ

Юрист: Они, между прочим, меня сами бросили. Надеюсь это вас утешит.

Ольга: Просто так, ни с того ни с сего.

Юрист: Возможно, не просто и не так. Я же живой человек.

Ольга: А вы говорите, котлеты не при чем. Уверена, Мадам де Сталь дала им правильный совет.

ВЫХОДИТ МАДАМ ДЕ СТАЛЬ, РАСКЛАНИВАЕТСЯ, ОБМАХИВАЯСЬ ВЕЕРОМ, И УХОДИТ

Мама: А вы зажигайте себе на ночь ночничок, сейчас такой большой выбор. Есть даже с музыкой.

ЗВУЧИТ МЕЛОДИЯ КОЛЫБЕЛЬНОЙ МОЦАРТА, ИСПОЛНЕННАЯ ДЕТСКОЙ НАДКРОВАТНОЙ КАРУСЕЛЬНОЙ. ВСЕ ПОДПЕВАЮТ

Борис (*Ольге*): Вы плачете?

Ольга: Линзы натирают. Никак не привыкну. Выключите!

МУЗЫКА ПРЕРЫВАЕТСЯ

Борис: Не любите колыбельные?

Ольга: Не люблю. Они вгоняют меня в тоску, как будто я потеряла что-то очень важное.

Покупательница: Моцарт не может вгонять в тоску. Его даже беременным рекомендуют слушать... Простите.

Ольга (*смеется*): Ну вот. Теперь выпала. Такая засада эти линзы (*наклоняется, шарит рукой по полу*).

Борис: И все же вам нужны очки.

Ольга: Наверное, только я их за свою жизнь столько потеряла, что на эти деньги самой уже давно можно было квартиру купить.

Борис: Подарю вам цепочку — не будете терять.

Ольга: У меня была цепочка, но она сломалась. Все равно потеряю. Я все теряю.

ПОКУПАТЕЛЬНИЦА И МАМА НАЧИНАЮТ ПОЛЗАТЬ ПО ПОЛУ В ПОИСКАХ ЛИНЗЫ. ЗВОНИТ ТЕЛЕФОН. ВБЕГАЕТ СОТРУДНИЦА БАНКА. ХВАТАЕТ ТРУБКУ

Сотрудница банка: Банк (*пытается уйти, но провод от трубки ее задерживает*): Был участковый? При-

шел? Не его епархия? Тоже мне, епископ. А ему за что? За оскорбление при исполнении? А кто его оскорблял? Ах, вот как! Слушай, запри его где-нибудь, даже у меня ухо заложило. Участкового мастер вызвал, пусть он ему и платит... За автогеном пошли? Ладно, скажи, что потом заплатим, пусть квитанцию оставят (*смотрит на часы, смотрит на Маму и Покупательницу*): Что-то я как ни приду — вы все на полу.

СОТРУДНИЦА БАНКА ВЫБЕГАЕТ

Покупательница: Жаль, нет ватки, сразу бы зацепилась.

Мама: Сейчас бы веничком, сразу бы замели.

Покупательница (*держит что-то в руках*): Вроде бы... Вот. (*Мама склоняется над ее рукой*).

Мама: Это что-то не то. На что-то другое похоже.

Покупательница (*поднимает повыше воображаемую линзу*): На слона?

Мама (*присматривается*): Вот хоообот.

Покупательница: Ууухо.

Мама: Глаз! И одну ногу поджал.

Покупательница: Точно, нога поджата.

Ольга: Бросьте, она все равно одно-разовая.

Мама: Слон — это к счастью.

Покупательница: Определенно.

Юрист (подходит и рассматривает линзу): Кто это сказал?

Покупательница: Умные люди.

Мама: А еще слон приносит удачу.

СКВОЗЬ ЗАДНИК ВИДНА ОГРОМНАЯ ТЕНЬ ПРОХОДЯЩЕГО СЛОНА. СЛОН ПОДНИМАЕТ ХОБОТ И ТРУБИТ

Борис: В наших реалиях он может принести удачу только зоопарку.

Мама: А его совсем необязательно всего иметь.

Юрист: Почему слон? Он что, выглядит счастливым?

Покупательница: Это философия, вам не понять.

Юрист: Это правда. У меня с этим всегда было туго. По мне, как начинается тень на плетень — жди беды. Я вот поработаю еще лет десять, больше не надо. Куплю дом где-нибудь в Черногории, буду собирать трюфели.

Борис: Для этого понадобится свинья.

Юрист: Заведу свинью.

Покупательница: Свинья — нечистое животное.

Юрист: Зато небольшое.

НА СЦЕНУ ВЫХОДИТ МИНИ-ПИГ

Ольга: И все?

Юрист (оценивает взглядом размеры свиньи): Двух свиней.

НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ВТОРОЙ МИНИ-ПИГ. ИЗ ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ КУЛИСЫ ВЫБЕГАЮТ МОДЖАХЕДЫ И ПРОБЕГАЮТ ПО СЦЕНЕ, ОТСТРЕЛИВАЯСЬ ОТ МИНИ-ПИГОВ ИЗ АВТОМАТОВ. УБЕГАЮТ. МИНИ-ПИГИ БЕГАЮТ ПО СЦЕНЕ. МАМА, ОЛЬГА И ПОКУПАТЕЛЬНИЦА ВЫГОНЯЮТ ИХ ЗА КУЛИСЫ. ДОЛГО ЗВОНИТ ТЕЛЕФОН НА СТОЛЕ У СОТРУДНИЦЫ БАНКА. ЮРИСТ СНИМАЕТ ТРУБКУ

Юрист: Алло... Нет, вы правильно попали... Да, банк... А вы по какому вопросу? По личному?

УБЕГАЕТ СОТРУДНИЦА БАНКА, ВЫХВАТЫВАЕТ У НЕГО ТРУБКУ

Сотрудница банка: Банк! Ушел участковый? А мастер? Какой альбом? Свадебный? На антресолях где-то валяется. Свадьбу вспомнил? Ах, тебя? Нашли общий язык? Да что вы говорите, и какой-же? Глаза красивые? Руки сильные? У тебя? Ах, у него. Я, значит, здесь впахиваю, а вы там альбомы смотрите. Хороша подруга, нечего сказать.

Сотрудница банка (протягивает Ольге бумаги): Это последние. (Юристу строго) Телефон только для сотрудников банка.

СОТРУДНИЦА БАНКА УБЕГАЕТ

Ольга (сверяясь с бумагами, подходит к Маме): Вам, (подходит к покупательнице) Вам, (к Борису) А это вам.

Юрист (забирая у Покупательницы бумаги): Позвольте. (Все читают. Все по очереди ставят подписи).

Юрист (отдает Покупательнице бумагу): Подписывайте, все стандартно. (Покупательница подписывает).

Ольга: Ну, слава богу. А то я уж думала, что еще на следующей неделе придется встречаться.

Борис: На следующей неделе не получится. Я уезжаю.

Ольга: Надолго?

Борис: Месяца на два.

Юрист: Ого! Тут на неделю не знаешь, как отлучиться — все телефоны оборвут. Хотя у вас клиенты специфические — им торопиться некуда.

Покупательница: Отпуск — это хорошо. А куда?

Ольга: Хорошо бы на острова.

Покупательница: Я слышала, Европу заливают.

Мама: Он наводнений не боится. Он в кругосветку ходил. По маршруту Конюхова. И в Антарктиду по маршруту ... не помню кого.

Юрист: Даже если по собственному маршруту — беда небольшая.

Ольга: Я тоже хотела бы куда-нибудь уплыть. Хоть в Антарктиду. Хоть без маршрута. Вы, наверное, с друзьями поедете?

Борис: Что вы, друзья останутся дома.

Мама: Он всегда один путешествует, даже меня не берет.

Юрист: В прозекторской его друзья остались. Вы меня извините, но все эти ваши увлечения выдают в вас самого настоящего мизантропа. И это в лучшем случае.

Борис: Кое-кто совсем недавно рассуждал о прелестях уединения со свиньей. И я вам почти поверил. И перестаньте, наконец, ходить.

Юрист: Естественно, ваши друзья менее активны. Свинью эту, кстати, вы мне навязали для весьма конкретных целей. Я не собираюсь с ней уединяться.

Ольга: И правда, Борис, неужели у вас нет друзей или девушки, которую вы бы хотели взять с собой?

Борис: Однажды я встретил девушку.

Мама: И он в нее влюбился. Но им не суждено было быть вместе.

Покупательница: Печальная история.

Юрист: И что же случилось?

Мама: Это слишком грустно.

Покупательница: Сбежала?

Мама: Если бы.

Ольга: Неужели умерла?

Мама: То-то и оно, что она уже была такая.

САНИТАРЫ ВЫКАТЫВАЮТ КАТАЛКУ С ТЕЛОМ, НАКРЫТЫМ ПРОСТЫНЕЙ

Покупательница: Как мило.

Юрист: Теперь мне все понятно. Теперь вопросов нет. Предлагаю опустить дальнейшие подробности.

Покупательница: А я бы послушала!

Юрист (*Покупательнице*): Я совершенно не разделяю вашего оптимизма. Нужно было требовать справку из диспансера. А я говорил! Говорил!

Борис (*поправляя простыню на каталке*): Она была такая беззащитная, такая совершенная. Мышечный аппарат, правда, слабоват, следы перенесенного в детстве рахита, вальгусная установка, блефаропластика, пластика губ, ринопластика, липосакция... Мне так хотелось с ней поговорить. Не знаю, кем она была при жизни ...

Юрист: Доктором наук, кем же еще.

Борис: И всю эту красоту перечеркнул крошечный кусочек устрицы, застрявший в дыхательных путях. Но я не терял надежды.

Покупательница: И что вы собирались делать? Пленить Танатоса?

Борис: Я дал ей шанс, много шансов.

Мама: Две недели, если быть точным.

Борис: А в одно прекрасное утро она пропала.

Мама: Обеспокоенные родственники вызвали полицию и... Но мы предпочитаем думать, что она исчезла.

Юрист: Прокашлялась и ушла.

Покупательница: Фууу!

Ольга: Что вы за человек за такой!

БОРИС СРЫВАЕТ ПРОСТЫНЮ. КАТАЛКА ПУСТА. БОРИС ОТТАЛКИВАЕТ КАТАЛКУ, САНИТАРЫ УВОЗЯТ ЕЕ. БОРИС ПОДХОДИТ К ОЛЬГЕ

Ольга: Что вы на меня так смотрите?

Борис: Ваше лицо ...

Ольга (*трогает руками лицо*): У меня все свое.

Борис: Она забыла у меня свои очки. Я починил цепочку (*протягивает ей очки*).

ДОЛГО ЗВОНИТ ТЕЛЕФОН. ВСЕ СМОТРЯТ НА НЕГО. ВБЕГАЕТ СОТРУДНИЦА БАНКА. БЕРЕТ ТРУБКУ

Сотрудница банка (*устало*): Банк... (*Слушает, меняется в лице*) Что?!! Как ушел? Куда ушел? Что значит: «ну, отпустила»? Да что там у вас произошло? Все произошло?! Ах не все, как и я, думают только в одном направлении? А в каком тогда надо? У тебя там, часом, не стокгольмский синдром? Что делать-что делать! Все пропало! (*бросает трубку и убегает*).

ЗВУК СИРЕН. ВСЕ ВСКАКИВАЮТ С МЕСТ. ПО СЦЕНЕ ПРОНОСИТСЯ «АВТОБУС» С ПРИЗРАКАМИ

Мама: Это на улице?

Покупательница: Нет, это здесь!

Борис: Может, они так отмечают конец рабочего дня?

Юрист: А вдруг пожар?

Ольга (*озирается по сторонам*):
Где-то должен быть огнетушитель.

Покупательница: А если это учения? Проверка боеготовности? Как курсы повышения квалификации на случай чрезвычайной ситуации.

Борис: Я ни на какие учения не подписывался. Повышали бы свою квалификацию друг на друге.

Покупательница: Так в этом то и есть вся соль. Работа с неподготовленными массами. Однажды в Лондоне объявили учебную тревогу в Научном музее. Нас вывели на улицу, даже пирожное не дали доесть. И, между прочим, все отнеслись с пониманием.

Борис: Но в Научном музее в это время никто не продавал свою квартиру.

Мама: У нас на заводе тоже такие были. На случай, если американцы нападут. Что же мы делали... Дайте вспомнить... Надо надеть противогаз и по-пластунски продвигаться к выходу.

ВБЕГАЕТ СОТРУДНИЦА БАНКА. НА ХОДУ ЗАМЕДЛЯЕТ ШАГ. СДЕРЖИВАЯ ДЫХАНИЕ, СТАРАЯСЬ КАЗАТЬСЯ СПОКОЙНОЙ

Сотрудница банка (*нервно улыбаясь*): Сохраняем спокойствие... Сработал сигнал тревоги.

Борис: Мы это заметили.

Юрист: Вы хотели сказать учебной тревоги?

Сотрудница банка: Это выясняется. Тем не менее, служба безопасности рекомендует не выходить из помещения и, по возможности, забаррикадироваться.

Ольга: А вот в Лондоне, говорят, в таких случаях...

Сотрудница банка: Я не знаю, как в Лондоне, у нас соответствующие органы тоже свое дело знают.

Борис: А нельзя как-нибудь прояснить, какие планы у этих органов?

Мама: Нас возьмут в заложники?

Сотрудница банка: Ничего не знаю. Если заметили, стою с вами, от телефонов толку мало, а городские вообще отключили, чтобы злоумышленники не могли ими воспользоваться.

Борис: Ну пока это мы не можем ими воспользоваться.

Юрист: У вас есть противогазы?

Покупательница: Может, вызвать полицию?

Сотрудница банка (*прикладывает палец к губам*): ОМОН уже в здании.

Ольга (*Юристу*): Это хорошо или плохо?

Юрист: Скорее, плохо. По учебной тревоге ОМОН не приезжает.

ЗА ДВЕРЬЮ ЧТО-ТО С ГРОХОТОМ ПАДАЕТ. ВСЕ СМОТРЯТ НА ДВЕРЬ

Борис: Это где?

Сотрудница банка: Закройтесь и никого не впускайте, кроме меня, разумеется (*поворачивается, чтобы уйти*).

Юрист (*берет ее под локоть*): А вы куда?

Мама: Вы же нас не оставите?

Борис: Надеюсь, нам не придется здесь ночевать?

Покупательница: И действительно, куда вы на ночь-то глядя...

Сотрудница банка: Через десять минут закроется касса. Вы хотите купить квартиру или нет?

Ольга: А разве она еще не закрылась?

Сотрудница банка: Это смотря, кто работает. Леночка пораньше уходит — у нее маленький, а Зинаида Петровна обычно сидит до последнего посетителя.

Юрист: И их не смущает что... (*крутит пальцем, имитируя полицейскую сирену*).

Сотрудница банка: Так привыкли уже. С тех пор, как охране кнопку провели, ее все время кто-то задевает. И ведь никто не признается.

Но инструкция есть инструкция. Поступил сигнал — надо отработать. Так что пока ОМОН все этажи не обойдет, карантин не снимут.

Борис: И много этажей?

Сотрудница банка: Двадцать два, еще парковка и крыша.

Ольга: А сюда они тоже придут?

Сотрудница банка: Их предупредили, что в переговорной у нас посетители застряли, так что они знают... Если не забудут, конечно. Столько времени впустую. Обидно, конечно. А с другой стороны, вдруг в этот раз по-настоящему.

Борис: Тогда, конечно, не так обидно.

Юрист (*озирается*): А если мы захотим в туалет?

Сотрудница банка: Туалет в конце коридора.

Юрист: Но ведь туда нельзя?
Сотрудница банка: Вот именно.

УБЕГАЕТ, ВОЗВРАЩАЕТСЯ. ВРАЖДЕБНО КОСЯСЬ НА ЮРИСТА, ЗАБИРАЕТ ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ЧАЙНИК И ГОРШОК С ЦВЕТКОМ И СНОВА УБЕГАЕТ. ВСЕ ДОСТАЮТ МОБИЛЬНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ, ОДНОВРЕМЕННО РАЗОЧАРОВАННО ИХ ПРЯЧУТ.

МАМА ЗАКАТЫВАЕТ РУКАВА, НАЧИНАЕТ ДВИГАТЬ СТОЛ, БОРИС НАЧИНАЕТ ЕЙ ПОМОГАТЬ, ПОДКЛЮЧАЕТСЯ ОЛЬГА, ЗА НЕЙ ОСТАЛЬНЫЕ. СДВИНУВ ВСЕ К ДВЕРИ, САДЯТСЯ ПОВЕРХ БАРРИКАД. МОЛЧАТ

Юрист (Борису): Как неожиданно вы оказались правы.

Борис: Насчет чего?

Юрист: Не пригодилась диспансеризация.

Борис: Еще ничего не случилось.

Юрист: Не успокаивайте меня.

Борис: Ладно, психуйте.

Юрист: Как начнут палить — вспомните меня.

Борис: Обязательно.

Юрист: Как вы думаете, это быстро?

Борис: Что именно?

Юрист: Если попадут.

Борис: Смотря куда попадут.

Юрист: А если потребуют сменить веру? Смените?

Борис: Мне нечего менять.

Юрист: Да мне, в общем-то, тоже. Хотя буддисты как-то симпатичнее. Не находите? Если можно было бы выбирать?

Борис: Это что-то изменит?

Юрист: Ну в этой жизни уже ничего, зато в следующей можно выступить кем-то поинтереснее. Леонардо да Винчи, например. Или Хемингуэем. Только представьте: идете вы по Монмартру, а вокруг говорят: вон пошел Хемингуэй. Сейчас «Прощай, оружие!» напишет. После это-

го и самому застрелиться не жаль.

ПО СЦЕНЕ «ПОД РУЧКУ» ПРОХОДЯТ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ И ХЕМИНГУЭЙ С ДВУСТВОЛКОЙ. УХОДЯТ

Покупательница (Ольге): Знаете, а я ведь перед вами виновата.

Ольга: За что?

Покупательница: Я ведь она и есть.

Ольга: Кто?

Покупательница: Секретарша.

Ольга: Та самая?

Покупательница: Это вряд ли. Когда я была секретаршей, ваш супруг, вероятно, еще пользовался услугами няни. В прошлом. В остальном все скучно до мелочей. Геннадий был моим боссом, ради меня оставил семью. Потом у него появилась другая секретарша. Со знанием французского языка. Теперь они на Капри, а я здесь, жду непонятно чего. Хотя, зачем им на Капри французский, ума не приложу. Так что, в некотором роде, вы отомщены, примите мои поздравления. От имени всех секретарш прошлого, настоящего и, насколько я успела понять эту жизнь, будущего.

Юрист: У вас что, профсоюз (протягивает Покупательнице визитку)? Возьмите визитку, мы и уставами занимаемся.

Ольга: Да что уж там. Вы теперь, вроде, тоже как пострадавшая.

ГРОХОТ ЗА СЦЕНОЙ. ВСЕ ВСКАКИВАЮТ. ГРОМКИЙ ЗВУК ЕДУЩЕГО ЛИФТА

Ольга: Что-то едет?

Борис: Или кто-то ...

Юрист: Вниз или вверх?

Покупательница: Вроде бы, вниз.

Мама: К нам едет.

Ольга: Значит, так: есть верный рецепт! Надо пообещать что-нибудь такое, что в другой ситуации ни за что бы не стал обещать.

Мама: Но что?

Ольга: Откуда я знаю? Что-нибудь!

Юрист: Если мы отсюда выберемся, я брошу курить!

Ольга: Отлично!

Покупательница: Я брошу курить!

Ольга: То, что надо!

Мама: Я брошу садовника!
(Все с интересом смотрят на нее).

Борис (Ольге): Я возьму вас с собой в Антарктиду.

ВЫКЛЮЧАЕТСЯ СВЕТ. ЛИФТ ВЗВЫВАЕТ И ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ. ВСЕ КРИЧАТ

Голос Юриста: Неужели сработало?

Голос Сотрудницы банка из-за двери: Его заманили в лифт!

Голос Юриста: А остальных?

Голос Сотрудницы банка: Так он, оказывается, и был один, но сведения непроверенные. Знаю только, что принтер не успел допечатать последнюю страницу.

Голос Ольги: Но ведь уже четыре часа!

Голос Сотрудницы банка: То-то и оно!

ТИШИНА

Голос Ольги: Вячеслав, вы сидите у меня на коленях.

Голос Юриста: Ой, простите.

Голос Бориса: А теперь у меня.

Голос Юриста: Извините.

ОЛЬГА И БОРИС СИДЯТ РЯДОМ. ОСТАЛЬНЫЕ В ТЕМНОТЕ

Ольга (вертит в руках очки): Это не мои очки.

Борис: Я знаю.

Ольга: Но похожи на мои.

Борис: Похожи.

Ольга: Но все же не они.

Борис: Нет.

Ольга: И я похожа?

Борис: Очень.

Ольга: Но все же не она.

Борис: Нет.

Ольга: Хотя вы ее совсем не знали.

Борис: Ну какие-то основные вещи. Я же заключение составлял. Вас я тоже совсем не знаю. Знаю только, что вы все время все теряете.

Ольга: Я.. Не знаю с чего начать. Да и нечего особенно рассказывать. Вот очки нашлись (надевает очки). Правда, ничего не видно.

Борис: Так света нет.

*ПОКУПАТЕЛЬНИЦА И МАМА КУРЯТ.
ОСТАЛЬНЫЕ В ТЕМНОТЕ.
ПОКУПАТЕЛЬНИЦА ПЕРЕДАЕТ
МАМЕ ФЛЯЖКУ*

Мама (отмахивается): А-а... (достаёт из сумочки ещё одну фляжку, прикладывает) Надо было в Африку ехать. Говорила мне мама: сердцу не прикажешь. А я: Родина, комсомол!.. Теперь ни Джозайи, ни Родины, ни комсомола... Джозайя с нашего завода был. Опыт перенимал. В области черной металлургии.

*ПО СЦЕНЕ, УЛЫБАЯСЬ, ПРОХОДИТ
ЧЕРНОКОЖИЙ ПАРЕНЬ В БЕЛОЙ
РУБАШКЕ С КОРОТКИМ РУКАВОМ,
С БОЛЬШИМ ГАЕЧНЫМ КЛЮЧОМ В РУКЕ
И КОРОНОЙ НА ГОЛОВЕ. УХОДИТ*

Мама: Между прочим, принц. Только коммунистический. Сел после смены в последнюю электричку и поехал к нам в деревню просить моей руки ... А тут мужики обмывали новый трактор, и вдруг рубашка белая на них из темноты идет. И кладбище, как назло, рядом. У нас там петухи черные — и то редкость.

Потом приходили в больницу, извинялись... Бананы приносили... Так Джозайя один в Африку и уехал.

Покупательница: Когда Геннадий ушел, я надела черное платье, накрылась белым покрывалом, как саваном, закрыла глаза и включила Тангейзера. В небе летел журавлиный клин и оплакивал мою жизнь.

Мама: Как же ты журавлиный клин увидела, если глаза закрыты?

Покупательница: Удаться мне хотелось. Так понятно?

Мама: Да уж куда понятнее. А то журавли, саван. Я, помню, взяла вееник и стала подметать. Дом подмела, семь спален...

Покупательница: Шесть.

Мама: Дорожки подмела. Я бы, наверное, весь Лондон подмела. Боря остановил, когда я улицу подметать стала.

Покупательница: Просто хотелось один раз и на всю жизнь.

Мама: О-о! Я пока в комсомоле была, тоже так думала. Ты не ставь на себе крест. Новое место — новые возможности. У нас в музее Высоцкого знаешь какие вечера «Кому за 30?» Высоцкий бы порадовался. Тебе же, надеюсь, есть за тридцать?

Покупательница (печально кивает): Не то слово.

Мама: Ну вот! А дом, в котором ты будешь жить? Это же не дом, это дворец! Между прочим, от Синагоги строился. Мой туда чудом, как депутат райсовета, попал. Далай-лама мой пока у тебя постоит? Постоит? *(Покупательница обреченно кивает).*

Мама: Хорошо. Сантехнику не меняй — недавно меняла. А какие мужчины видные живут. Мама дорогая! Все в шляпах. Волосы правда длинноваты, но это на мой вкус.

НА СЦЕНУ ВЫХОДЯТ ХАСИДЫ

Мама: А все потому, что веры другой. Ну вот мы в Христа верим? А они в дедушку его. Не признают, значит, внука. Ты же не белоручка?

Покупательница *(после паузы):*
Пардон?

Мама: В подъезде объявление повесили — лифтера ищут кнопки по субботам нажимать. Самим им нельзя — дедушка запретил. Это их семейные дела, я не вникаю. Вот и ходят пешком. А у нас дом 16 этажей — всю субботу можно забираться. Пойдешь лифтером — со всеми и перезнакомишься. И даже лучше, чем в «Кому за 30» получится. Особенно, если лифт застрянет. Даже жалко такое хлебное место отдавать. Ничего, я к тебе в гости приеду — вместе покатаемся.

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ СЦЕНЫ ВЫХОДЯТ МОДЖАХЕДЫ, ПОДТАЛКИВАЯ ПЕРЕД СОБОЙ СЕКРЕТАРШУ. МЕЖДУ МОДЖАХЕДАМИ И ХАСИДАМИ НА-

ЧИНАЕТСЯ ПЕРЕПАЛКА. СХОДЯТСЯ СТЕНКА НА СТЕНКУ. СЕКРЕТАРШУ ДАВЯТ С ДВУХ СТОРОН. СЕКРЕТАРША ВИЗЖИТ. ВЫХОДЯТ ВСЕ ПРИЗРАКИ И ВСТУПАЮТ В ПЕРЕПАЛКУ С ДВУХ СТОРОН. САНИТАРЫ ДАВЯТ ДРУГ ДРУГА КАТАЛКАМИ.

ВКЛЮЧАЕТСЯ СВЕТ. ЗВУК ЕДУЩЕГО ЛИФТА. ПРИЗРАКИ РАЗБЕГАЮТСЯ ПО УГЛАМ. ЮРИСТ, БОРИС, ОЛЬГА, МАМА ВСКАКИВАЮТ С МЕСТ. ДВЕРЬ ПОД НАПОРОМ ОТЪЕЗЖАЕТ ВМЕСТЕ С БАРРИКАДАМИ. В НЕЕ ПРОТИСКИВАЕТСЯ СОТРУДНИЦА БАНКА. ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ В ДВЕРЯХ, ПЕРЕВОДЯ ДЫХАНИЕ

Сотрудница банка: Это он! Это он!

Все: Кто?

Сотрудница банка *(оборачивается на дверь):* Муужж!

ВБЕГАЕТ В КОМНАТУ. ЗА НЕЙ ВБЕГАЕТ ПЬЯНЫЙ МУЖИЧОК — МУЖ, СПОТЫКАЕТСЯ, ВСТАЕТ, БЕЖИТ СНОВА

Муж: Вот я тебя и накрыл! Теперь всем хана! *(Все уступают ему дорогу, забираются на стол, прячутся за стульями).*

Покупательница: Кто?

Ольга: Так это и есть грабитель?

Юрист: А-а-а!

Сотрудница банка: Мы сегодня кодироваться должны были пойти, я его с подругой оставила, а она его отпустила! И он развязал!

НА СЦЕНУ ВЫБЕГАЕТ ПОДРУГА И БЕЖИТ ЗА МУЖЕМ. ПРИЗРАКИ НОСЯТСЯ ПО СЦЕНЕ КТО КУДА

Муж (показывая на моджахедов с Мини-пигами на руках): О! Моджахеды!

Сотрудница Банка (плачущим голосом): Вот видите! Это! Белая! Горячка!

НА СЦЕНУ ВЫБЕГАЕТ БЕЛАЯ ГОРЯЧКА, НАЧИНАЕТ БЕШЕНО ХОХОТАТЬ, ДЕЛАТЬ НЕМЫСЛИМЫЕ ПА И СТРОИТЬ РОЖИ

Юрист: Нужно охрану вызвать! (Хватает трубку стационарного телефона).

Муж (Юристу): Ага, и ты здесь! (Гонится за ним, Подруга и Белая Горячка бегут за Мужем). Думал, не достану тебя! Все! Теперь ты мой!

Юрист (бросает трубку, убегая от Мужа): В каком это смысле? (Бросает в него пачку визиток. Мужу): Возьмите визитку! (Остальным): Вызывайте полицию!

Ольга: Полиция!

Сотрудница банка (падающая на колени): Не вызывайте, прошу вас! Меня уволят, я одна семью кормлю. А он хороший, добрый. Когда трезвый — золотые руки.

Муж (Юристу, показывая нож): Посмотрим, что ты сейчас запоешь!

Юрист: Да он нас здесь всех пережет своими золотыми руками!

Ольга: Что нам делать?

Покупательница: Сейчас охрана придет!

СЛЫШЕН ТОПОТ НОГ БЕГУЩИХ ЛЮДЕЙ ЗА СЦЕНОЙ

Мама (стоя на столе, Борису): Сынок, быстро закрой дверь!

Юрист: Что значит — «закрой дверь»?! Открой дверь и кричи «Помогите!»

Борис: Вы не мой юрист!

Покупательница (Юристу): Вы пока на меня работаете! (Борису) Закрывайте!

БОРИС ЗАКРЫВАЕТ ДВЕРЬ И ЗАДВИГАЕТ ЕЕ СТОЛОМ. В ДВЕРЬ КОЛОТЯТ. БОРИС УДЕРЖИВАЕТ ОТЪЕЗЖАЮЩИЙ СТОЛ

Голоса из-за дверей: Немедленно откройте или будем стрелять!

Ольга: Еще и стрелять!

МУЖ СПОТЫКАЕТСЯ, ПАДАЕТ И ВСЕ НАВАЛИВАЮТСЯ НА НЕГО. ПРИЗРАКИ РАЗБЕГАЮТСЯ ПО УГЛАМ

Сотрудница банка (сует веревку): Вяжите, вяжите его! (Мужа вяжут. Ольга вставляет ему кляп).

Покупательница (Борису): Может, вы укол ему сделаете успокоительный?

Юрист: Укол формалином сейчас бы не помешал!

Борис (*разводит руками*): Да у меня с собой нет ничего... Только скальпель. (*Достает и показывает скальпель. Стол с упирающимся в него Борисом начинает отъезжать. Борис двигает стол обратно.*)

Мама: Куда его?

Сотрудница банка: В шкаф!

МУЖА ЗАПИХИВАЮТ В ШКАФ И ЗАКРЫВАЮТ. БОРИС ОТПУСКАЕТ СТОЛ. ДВЕРЬ ОТЪЕЗЖАЕТ. ВБЕГАЮТ ОХРАННИКИ. НА СТУЛЕ ПОЛУЛЕЖИТ МАМА. НАД НЕЙ СКЛОНИЛИСЬ: ПОКУПАТЕЛЬНИЦА, ЮРИСТ И БОРИС. ОЛЬГА ОБМАХИВАЕТ ЕЕ ПАПКОЙ. ЮРИСТ СЧИТАЕТ ЕЙ ПУЛЬС

Юрист: Раз, два, три...

Сотрудница банка (*охранникам*): Клиенту стало плохо.

Мама (*слабым голосом*): Приливы.

Охранники: А что за крики были?

Мама (*утробно*): О! О!

Борис (*неестественно громко*): Что с тобой, мама?!

Юрист (*театрально*): Вызывайте врача!

Покупательница (*кричит*): Ей уже лучше!

Охранник (*прочищая пальцем ухо*): Что вы здесь все глухие что ли?

Сотрудница банка (*склоняясь над Мамой*): Мы можем продолжать?

Мама: Пожалуй.

ИЗ ШКАФА ДОНОСИТСЯ МЫЧАНИЕ

Мама (*с удвоенной силой*): О...
Опять!

Охранник: Может, все же скорую?

Мама: Воды!

Все: Воды! Воды!

Сотрудница банка: Ну что стойте, несите воды!

ОХРАННИКИ НЕУВЕРЕННО ПЕРЕГЛЯДЫВАЮТСЯ, НО УХОДЯТ, ПОДТАЛКИВАЕМЫЕ СОТРУДНИЦЕЙ БАНКА. ВСЕ ОБМЯКАЮТ, ПЕРЕВОДЯТ ДЫХАНИЕ. САДЯТСЯ — КТО НА СТУЛ, КТО НА ПОЛ, КТО НА СТОЛ. МАМА И ПОКУПАТЕЛЬНИЦА БЕГУТ К ШКАФУ. ОТКРЫВАЮТ. МУЖ С КЛЯПОМ ВО РТУ ХЛОПАЕТ ГЛАЗАМИ И МЫЧИТ

Мама (*гладит Мужа по голове*): Но ведь какой милый!

ПОКУПАТЕЛЬНИЦА ВЫНИМАЕТ КЛЯП

Муж: Да чтобы вам всем!
(*Покупательница снова вставляет ему кляп и закрывает шкаф.*)

ВОЗВРАЩАЕТСЯ СОТРУДНИЦА БАНКА С КИПОЙ БУМАГ И СТАКАНОМ ВОДЫ. МАМА ТЯНЕТ РУКУ ЗА СТАКАНОМ. СОТРУДНИЦА БАНКА ЗАЛПОМ ВЫПИВАЕТ ВОДУ И СТАВИТ СТАКАН НА СТОЛ

Сотрудница банка (дрожащим нежным голосом, с дежурной улыбкой): Дорогие клиенты, документы готовы. Сердечно поздравляем вас с совершением сделки! Надеюсь вы и в дальнейшем будете пользоваться услугами нашего банка!

ВСЕ УСТАЛО ПЕРЕГЛЯДЫВАЮТСЯ. ИЗДАЛЕКА, НАРАСТАЯ, ДОНОСИТСЯ МУЗЫКА ИЗ «СИНЕЙ ПТИЦЫ». ОЛЬГА ПОДХОДИТ К БОРИСУ

Ольга: А какая виза нужна в Антарктиду?

Борис: Никакой.

Сотрудница банка: И еще (пауза). Столовая скоро закрывается. Если кто-то не успел заказать себе кулич — у нас есть еще пять минут. А куличи у нас делают отменные. С марципаном, изюмом и орехами. И пропитывают коньяком.

Мама: А каким?

Борис: Мама!

ЗВУЧИТ МУЗЫКА ИЗ «СИНЕЙ ПТИЦЫ». ПРИЗРАКИ ОБРАЗУЮТ ЦЕПОЧКУ И БЕРУТСЯ ЗА РУКИ. К НИМ ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ ЛЮДИ. ГРОМКИЙ СТУК ИЗ ШКАФА. СОТРУДНИЦА БАНКА ПОДБЕГАЕТ К ШКАФУ И ПЫТАЕТСЯ ЕГО ПРИПОДНЯТЬ. ЕЕ ОТСТРАНЯЮТ БОРИС И ЮРИСТ И ПОДНИМАЮТ ШКАФ С ДВУХ СТОРОН. ЦЕПОЧКА НАЧИНАЕТ СПУСКАТЬСЯ СО СЦЕНЫ, ЗА НИМИ ЮРИСТ И БОРИС СО ШКАФОМ. ЗАМЫКАЕТ ШЕСТВИЕ СОТРУДНИЦА БАНКА, РУКОВОДЯЩАЯ ИХ ДЕЙСТВИЯМИ

Сотрудница банка: А сверху можно заказать надпись глазурью: Союзпродснабхозпромбанк — мой банк! (пауза) Но это по желанию!

ЦЕПОЧКА ВЫХОДИТ В ФОЙЕ.

КОНЕЦ. □

Георгий Кричевский

В

ОПЛОЩЕНИЕ

С именем этого актера связана целая эпоха — в кино и театре. Он был народный артист не по «назначению сверху», а по своей истинной сути.

Диапазон киноролей Михаила Ульянова невероятно широк — от жестких и самовластных руководителей (незабываемый ульяновский маршал Жуков в 20 фильмах), сильных, волевых, негибаемых людей

(таких, как председатель колхоза Егор Трубников в картине «Председатель») — до жалких, трусливых, беспомощных людишек, даже «стукачей» и бандитских паханов (каким мы видим его в «Антикиллере»). Он мог быть на экране рефлексирующим Иваном Карамазовым и исписавшимся современным драматургом-приспособленцем, бешеным белогвардейским генералом Чернотой и римским прокуратором Понтием Пилатом...

На сцене родного Вахтанговского театра, без которого Михаил Александрович попросту не мыслил своей жизни, он выходил в образах Сталина и Юлия Цезаря, Наполеона и Ленина, комичного Бригеллы в «Принцессе Турандот» и лихого рубаки Гулевого в бабелевской «Кон-армии», или киргизского пастуха Едигея в инсценировке романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день».

Ему вручали призы Венецианского и Берлинского кинофестивалей, признавали лучшим актером года на церемонии вручения премий «Ника». А он всю жизнь оставался очень скромным, деликатным и отзывчивым человеком, совсем непохожим на своих «железных», уверенных в себе экранных и сценических персонажей. Кряжистый, коренастый, с грубоватыми чертами лица, Ульянов был в душе романтиком, идеалистом, рыцарем добра и справедливости. И всю жизнь трепетно любил жену, дочь и внучку.

К/ф

«Председатель»

Михаил Александрович Ульянов родился 20 ноября 1927 года в селе Бергамак Тарского округа (ныне — Омская область) Сибирского края, где его предки обосновались еще при Столыпине. Дед актера со стороны матери добывал золото на Алдане, позднее работал писарем в Бергамаке. Дед и бабка по отцовской линии окончили жизнь на Васюганских болотах, куда были сосланы после Октябрьской революции большевиками. Отец, Александр Ульянов, возглавлял небольшую деревообрабатывающую артель, мать, Елизавета, была домохозяйкой.

Когда Мише исполнилось три года, семья переехала в соседнее село, а затем в город Тару. Там Миша провел детство и юность. Он рос обычным советским мальчиком, играл с ребятами в казаки-разбойники, участвовал в лыжных соревнованиях, ходил с классом в походы

за кедровыми шишками, бегал вечерами в кино.

В 41-м отец ушел на фронт, воевал в сибирских пехотных дивизиях политруком, был ранен в ногу под Старой Руссой, награжден орденом Красной Звезды. Михаил в десятом классе тоже получил повестку из военкомата, однако решено было родившихся в 27-м пока на фронт не призывать.

В школе Ульянов учился средне, предпочитая домашним заданиям участие в литературных вечерах. Его первой в жизни ролью стал отец Варлаам из пушкинского «Бориса Годунова». Но до 15 лет никакого представления о театре подросток не имел.

Первое знакомство с театральными спектаклями произошло у него на гастролях в Таре трупп из Тобольска и Омска. Затем Михаил заглянул как-то в детскую театраль-

*К/ф
«Добро-
вольцы»*

*Справа:
Михаил
Ульянов
в роли
маршала
Жукова*

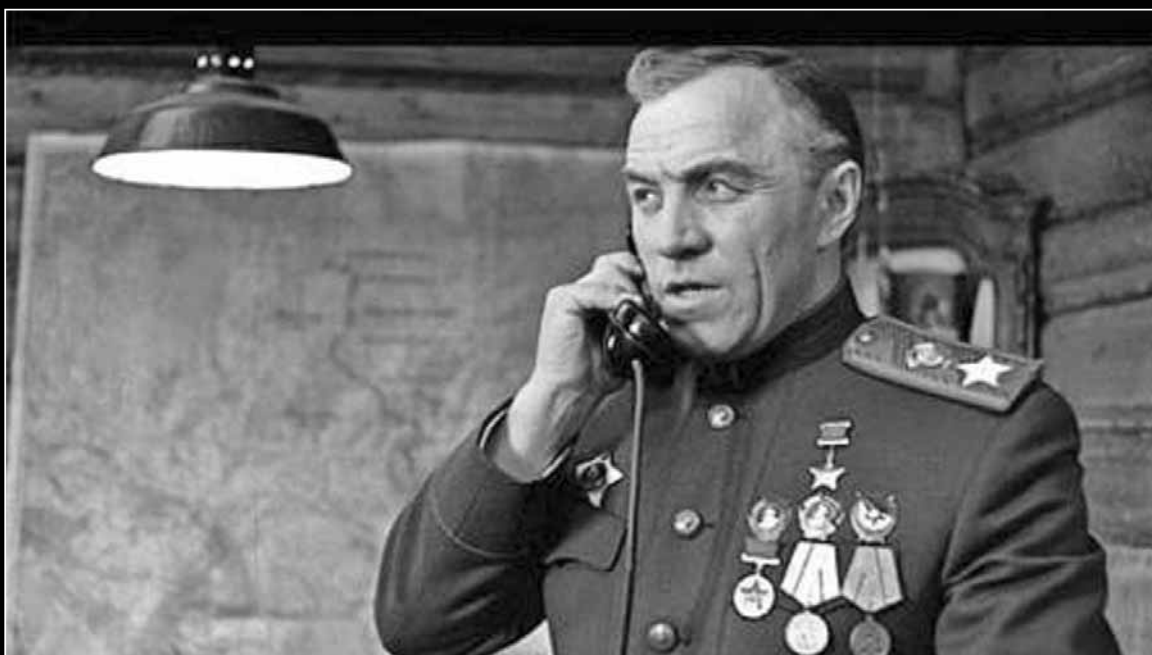
ную студию при украинском драмтеатре, который был эвакуирован в Тару, и... пропал. Руководитель студии Е. Просветов спустя некоторое время понял, что из мальчика выйдет толк, и посоветовал ему ехать в Омск, в студию при областном театре. С мешком картошки от матери и письмом Просветова к руководительнице театральной студии, ведущей актрисе Л. Самбурской, Михаил отправился в большой город.

Михаил Александрович вспоминал, что, увидев Самбурскую, «статную, величественную, как Екатерина II», решил, что его, «небольшого такого крепыша-головастика», в студию точно не возьмут. Тем не менее, продекламировав отрывок из «Мертвых душ», он был принят. Начался «мучительный», как характеризовал

его сам Ульянов, жизненный этап. Овладение азами актерской профессии давалось юному сибиряку нелегко. Он потихоньку пробирался в репетиционный зал, участвовал в масовках некоторых спектаклей, ловил каждое слово занимавшегося со студийцами актера театра М. Иловайского, эрудита, завораживавшего учеников рассказами о людях, которых он встречал на своем пути.

Помимо занятий в студии, Михаил полгода работал утренним диктором на городском радио и «постепенно привык к микрофону». А еще пытался пройти полный курс обучения в Омской школе летчиков-истребителей, но не успел — война закончилась. Пытаясь хоть как-то исправить свой высокий звонкий голос, он подолгу орал во все горло,

пугая соседей. Результатом этих мучительных упражнений стал «фирменный» ульяновский хрипловатый голос, который со временем узнала вся страна.

Два года в омской театральной студии пролетели незаметно. Михаил перезнакомился со многими актерами театра, сыграл в учебных постановках «Грозы» и «Без вины виноватых» Островского, «Женитьбы» Гоголя. Мечтал о роли Яго в «Отелло», но ему ее не доверили. Зато дали рекомендацию для поступления в столичный театральный вуз, и, получив благословение отца, Ульянов в августе 46-го поехал покорять Москву.

Перед отъездом Александр Андреевич подарил сыну привезенный с фронта трофейный пистолет (на всякий «пожарный» случай). В «Белокаменной» юношу задержал пер-

вый же патруль, настолько подозрительно растерянный был у него вид. Пистолет чудом не нашли, так что Михаил благополучно добрался до Сокольников и поселился у знакомой отца, пожилой работницы шоколадной фабрики, в старом двухэтажном доме на нынешней улице Гастелло. В парке по соседству он разучивал стихи к конкурсному экзамену.

Поступал наугад — в Щепкинское училище при Малом театре и в Школу-студию МХАТ. «Провалившись всюду, я впал в панику. Домой вернуться не мог, а без театра себя уже не представлял». Отчаявшись, решил, было, просить прославленную актрису Веру Пашенную, набравшую тогда курс в Щепкинском училище, принять его к себе. Нашел даже ее домашний адрес, но постучать к ней в дверь так и не осмелился.

В Вахтанговский театр, о котором Ульянов мечтал с юности и который стал судьбой этого замечательного актера, Михаила привел счастливый случай. На улице он повстречал бывшего приятеля по омской театральной студии, и тот рассказал ему, что у вахтанговцев есть своя студия — Щукинское училище. И вот там-то на вступительных экзаменах Ульянову повезло: принимавший экзамен ректор училища Борис Захава разглядел в нем самобытное дарование и без колебаний зачислил стеснительного сибиряка на первый курс.

Перебравшись из Сокольников в общежитие училища на Трифононской улице, Михаил с увлечением окунулся в шумную студенческую среду и быстро заслужил располо-

жение строгих, подчас придирчивых мастеров Л. Шихматова и В. Львовой. В «Щуке» существовала давняя традиция — первокурсников сразу же приучали к самостоятельной работе по выбору ролей в спектаклях, которые они должны были сами ставить. Ульянов с двумя товарищами из группы удачно разыграли каверинских «Двух капитанов».

Успех вдохновил Михаила на смелую попытку поставить с будущим худруком Вахтанговского театра Е. Симоновым «Бориса Годунова» и сыграть в их спектакле заглавную роль. Увы, требовательный Захава эксперимент не оценил, заметив, что работать «по ремеслу» они, к счастью, еще не научились, а «по искусству» — пока не доросли. Десятилетия спустя умудренный творческим

Слева:

*Михаил
Ульянов
с женой
Аллой Парфаньяк
и дочерью Еленой*

*Спектакль
«Ричард III»*

*(фото
из семейного
архива
Ульяновых)*

опытом Ульянов писал: «Это был урок, который я по сей день помню и очень ценю. В искусстве ничего легко и сразу не дается».

В 1950 году руководство Театра имени Вахтангова приняло в труппу сразу четверых выпускников своего училища (обычно принимали не более двоих). Правда, прежде чем принять окончательное решение, худрук театра Рубен Симонов попросил Ульянова отрепетировать роль Кирова в революционной пьесе «Крепость на Волге», поскольку ее постоянный исполнитель частенько прибалывал. Подготовленный к показу отрывок начинающему артисту пришлось играть перед худсоветом на огромной вахтанговской сцене, и он чуть не умер от страха, не помнил, как доиграл, и даже чуть не сел в конце мимо стула. Однако приглашение в труппу получил.

В первые годы работы в театре Михаил Александрович играл много, Симонов считал его перспективным актером.

С началом хрущевской «оттепели» репертуар Вахтанговского театра изменился. В «Идиоте» Достоевского Ульянов сыграл «нового» Парфена Рогожина, показав его крупным и сильным человеком, который одержим по-своему прощительной, испепеляющей страстью.

Приглашения сниматься в кино Михаил Александрович получал с первых же шагов в театре, однако дальше комсомольских вожаков эти приглашения не шли. Такая роль в картине Ю. Егорова «Они были первыми» открыла актеру дорогу на большой экран. Примерно тогда же Ульянов познакомился со звездой нашумевшего фильма «Небесный тихоход» Аллой Парфаньяк. Долго

ухаживал за ней, отбил у легенды советского кино Николая Крюкова, и в 1959 году они расписались в одном из столичных загсов. В конце того же года у счастливой пары родилась дочь Лена, которой суждено было стать надежной опорой и помощницей отца. А он души не чаял в двух своих любимых женщинах и работал, работал, работал...

Многочисленные роли того периода в театре и в кино давались ему тяжело и особо не радовали, хотя накапливали необходимые профессиональные навыки и опыт. Первой же по-настоящему успешной работой в кино сам актер считал роль инженера Бахирева в производственной драме В.Басова «Битва в пути». Фильм имел большой зрительский успех, причем не только в Советском Союзе, но и в других странах. Об Ульянове заговорили.

В 1963 году он вновь встретился с Басовым на съемочной площадке экранизации романа Юрия Бондарева «Тишина», где неожиданно ярко и убедительно сыграл... подлого доносчика Быкова. А в театре он в это время репетировал роль Ленина и должен был ехать с труппой в зарубежные гастроли. Тогдашний министр культуры Е.Фурцева, узнав, что Ленина играет актер, только что воплотивший на экране подонка и «стукача», гневно воспротивилась участию Ульянова в гастрольном спектакле, и ее пришлось долго уламывать. И мог ли Михаил Александрович думать, что вслед за двумя этими образами ему в конце того же года предстоит встреча с его главным, знаковым героем, с его самой звездной ролью.

На роль председателя проблемного послевоенного колхоза, одно-

Слева:

К/ф

«Освобождение»

К/ф

«Без свидетелей»

рукого вчерашнего фронтовика Егора Трубникова претендовал также незабываемый Евгений Урбанский. Но создатели ленты решили, что он сыграет слишком уж героически, а нужна была егоровская «мужиковатость», приземленность. С этой задачей блестяще справился Ульянов. Роль принесла ему всесоюзную славу и Ленинскую премию. По результатам традиционного опроса журнала «Советский экран» Ульянов был назван актером года.

Сам он, однако, чувствовал себя после работы в «Председателе» опустошенным. Писал, что роль отняла у него все силы, «больше года обжигала и заставляла жить с предельным напряжением».

Тем не менее, жизнь и работа продолжались. Проводив в 1965 го-

ду в последний путь любимую мать, Михаил Александрович вернулся к репетициям в театре и съемкам. «Варшавская мелодия» оказалась последним спектаклем великого Рубена Симонова. Ульянов играл Виктора и до хрипоты спорил с полномочным худруком относительно характера своего героя — он хотел усложнить его образ, сделать Виктора почти отрицательным, а Симонов придерживался концепции борьбы «хорошего с лучшим». Так или иначе, но роль в «Варшавской мелодии» по пьесе Леонида Зорина вошла в число лучших театральных работ артиста.

В тот период актер мучительно искал новый поворот в своей кинокарьере. И нашел, встретив на заседании Комитета по Ленинским премиям могущественного режиссера

Ивана Пырьева, готовившегося к съемкам «Братьев Карамазовых». Он «видел» Ульянова только в образе Мити, но колебался из-за его «заземленности» в «Председателе». Михаил Александрович упорно настаивал на пробах, и после них все пырьевские сомнения отпали.

Съемки двухсерийной картины продолжались более года, и все это время Ульянов не расставался с романом Достоевского, чем сильно раздражал режиссера, называвшего его «буквоедом». Смерть Пырьева оборвала съемочный процесс. Завершить съемки фильма было поручено двум «братьям» — Кириллу Лаврову и Михаилу Ульянову. Без Пырьева были сняты три финальных эпизода, именно так, как хотел он, и смонтированы обе серии в точном соответствии с его планом. Получилось значительное художественное произведение с прекрасными актерскими работами.

Впереди был «первый» Жуков в масштабной киноэпопее Ю. Озерова «Освобождение». Вначале Михаил Александрович наотрез отказывался от этой роли, понимая, какой любовью и почитанием пользуется в народе «маршал Победы», но после того, как режиссер рассказал ему, что Георгий Жуков лично одобрил его кандидатуру, дал согласие. Перед началом съемок он ежедневно проводил в гримерном кресле по несколько часов — ему тогда не исполнилось еще 45 лет, и требовалось состарить его с помощью наклад-

ных щек, стрижки и прочего. В итоге от всего этого грима отказались, Ульянов играл Жукова «со своим лицом». Встретиться лично им так и не довелось. То маршал болел, то актер был в киноэкспедиции. А потом Георгий Константинович ушел из жизни.

Совсем иного подхода и иных «актерских приспособлений» потребовала, по мнению Ульянова, гротесковая роль генерала Черноты из булгаковского «Бега», который в одних кальсонах бродит по Парижу и выигрывает в карты целое состояние. Актер полагал, что без таких изумительных партнеров, как Алексей Баталов и Евгений Евстигнеев, он эту колоритнейшую роль в большом фильме А. Алова и В. Наумова не осилил бы. Работал над образом Черноты Михаил Александрович буквально истово.

В. Наумов вспоминал: *«Кончился съемочный день, опустела площадка, я спрашиваю: а где ж Ульянов? Мне отвечают: да там, в декорациях еще сидит. Я заглядываю — и вижу: он сидит и разговаривает с тараканом, рассказывает, какой под Киевом был бой, как было тепло, но не жарко... И с такой силой, с такой верой в то, что тот его понимает, Ульянов делал это — потрясающе!»*

Увидев «Председателя» и «Бег», молодой выпускник ВГИКа Сергей Соловьев загорелся желанием снять Ульянова в своем дебютном фильме по пьесе Горького «Егор Булычев и другие». Робел перед мэтром, но

К/ф
«Бег»

Ульянов неожиданно легко согласился, поставив лишь одно условие, чтобы режиссер не приглашал, как тот хотел, на эпизодическую роль Смоктуновского. Слишком уж велик был талант «космического» Иннокентия Михайловича, мог бы и заслонить исполнителя главной роли, как уже случилось в «Девяти днях одного года» Михаила Ромма, где Смоктуновский в двух-трех эпизодах, сам того не желая, невольно переиграл Баталова.

Между съемками в фильме «Егор Булычев», не имевшем, увы, зрительского успеха, хоть актер и вложил в свою роль чрезвычайно много душевных сил, Ульянов репетировал в театре роль Антония в знаменитом спектакле Е. Симонова «Антоний и Клеопатра» по пьесе Шекспи-

ра. Отзывы критиков были противоречивы. Расстроенный Ульянов решил попробовать себя в режиссуре и поставил по повести Бориса Васильева «Самый последний день» фильм о «добром человеке». Больше он к кинорежиссуре не возвращался.

Середина жизненного пути — переломный период в карьере всякого крупного актера. Оказался он непростым и для Михаила Ульянова. В 74-м он дважды сыграл на экране маршала Жукова — в драме И. Таланкина «Выбор цели» (о создании атомной советской бомбы) и в очередной военной киноэпопее М. Ершова «Блокада».

В июле того же года Василий Шукшин пригласил Михаила Алексан-

*К/ф
«Охота
на изюбря»*

Справа:
*Михаил
Ульянов
с дочерью
Еленой*

*(фото
из семейного
архива
Ульяновых)*

дровича сыграть Фрола Минаева в своей картине «Конец Разина». Артист согласился, но в октябре Шукшин скоропостижно скончался на съемках фильма Сергея Бондарчука «Они сражались за Родину». Еще одним острым переживанием стала для Ульянова неудача на пробах роли Распутина в исторической драме Э. Климова «Агония» (эту роль блистательно сыграл Алексей Петренко).

Гастроли Вахтанговского театра в Ереване помогли артисту пережить творческое разочарование. На гастролях вновь возникла давняя идея вахтанговцев поставить «Ричарда III». Постановку осуществил армянский театральный режиссер Р.Каплянян, пригласивший Ульянова на главную роль и в сорежиссеры. Михаил Александрович долго искал ключ к чудовищному характеру шекспировского персонажа и в

результате создал один из самых запомнившихся своих сценических образов.

Вслед за этой труднейшей ролью последовали другие значительные театральные и киноработы Ульянова конца 70-х годов, увенчавшиеся главной ролью в замечательном фильме Глеба Панфилова «Тема» (1978). Здесь Ульянов развернулся во всю ширь своего разнопланового актерского дарования, убедительно воплотив на экране трагический образ загубившего свой талант трусливого, циничного литературного конформиста и опустошенного человека.

Режиссер мучительно колебался, выбирая актера на роль маститого драматурга Кима Есенина. Подумывал о Баталове, Смоктуновском. И все же остановил свой выбор на Ульянове в партнерстве с Инной Чуриковой. Фильм пролежал на полке

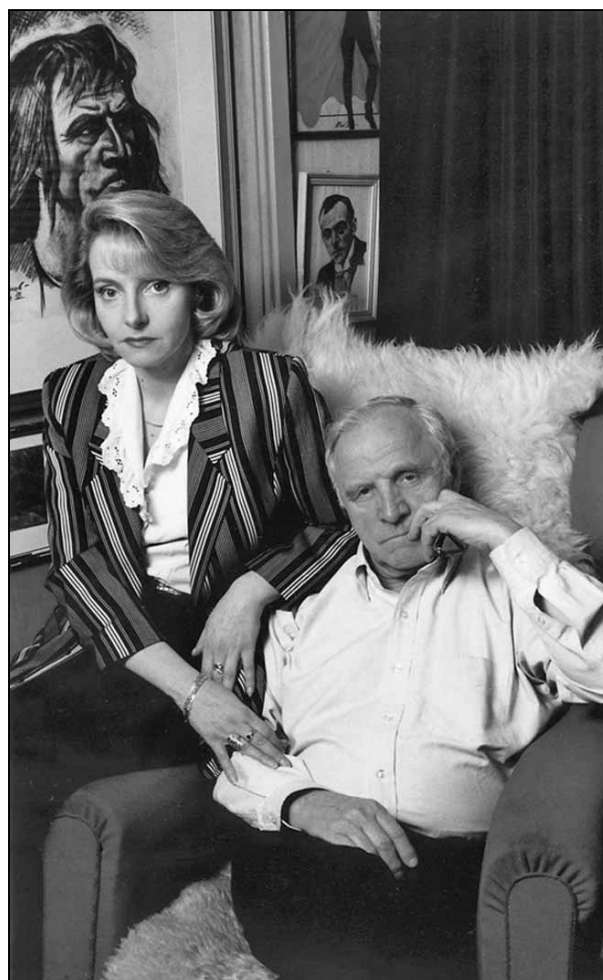
десять лет, и отечественные зрители смогли увидеть его только после того, как в 1987 году он завоевал главный приз Берлинского фестиваля, одного из самых престижных мировых кинофорумов, став второй и последней снятой в СССР картиной, которая победила на «Берлинале» и была удостоена заветной статуэтки «Серебряный медведь»...

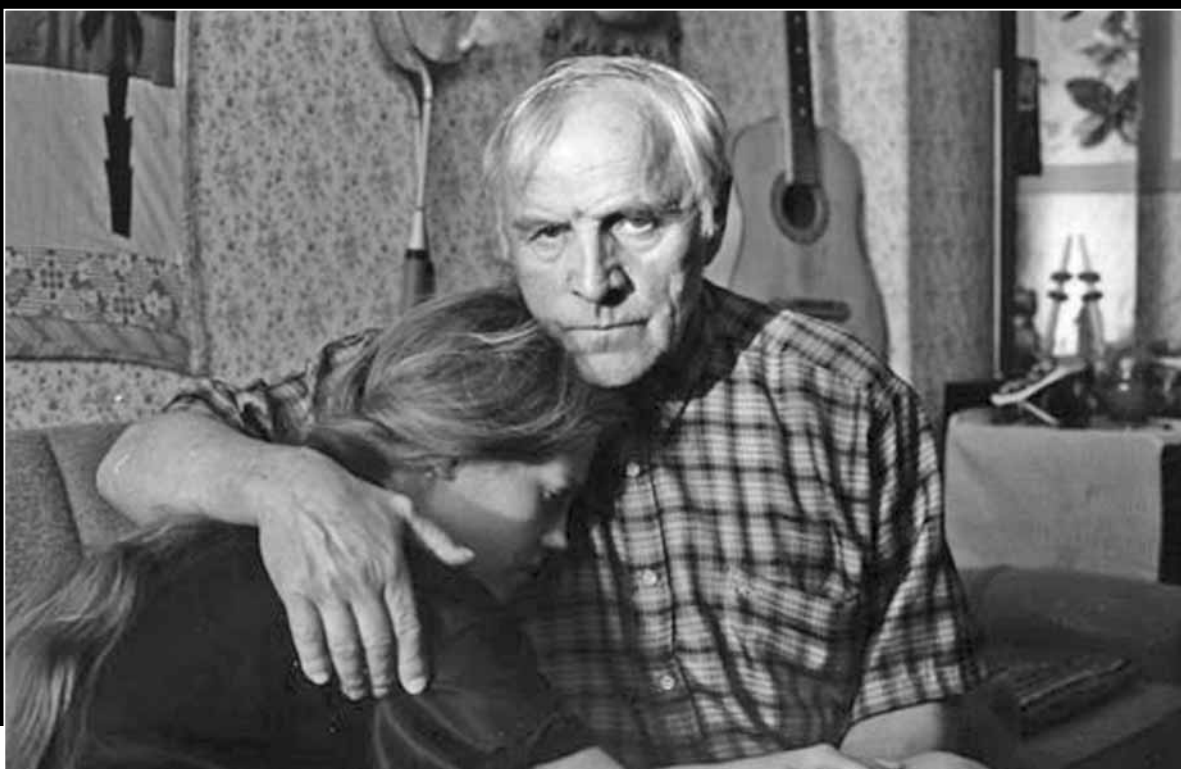
Слава, награды, почести, руководство родным театром не изменили Михаила Александровича. Он по-прежнему был чутким, добрым, отзывчивым, без малейшего налета чванства и высокомерия. Не «тянул на себя одеяло» в театре, с юношеским энтузиазмом встречал каждое интересное предложение сняться в кино.

В июле 80-го года Михаил Александрович был потрясен смертью Владимира Высоцкого и произнес на похоронах собрата по искусству проникновенные слова: *«...Говорят, незаменимых людей нет — нет, есть! Придут другие, но такой голос, такое сердце из нашего актерского братства уйдет...»* Он хотел поставить у себя в театре спектакль памяти Высоцкого. Не дали. Апофеоз брежневского застоя тяжело сказывался на стране, неотвратимо сползавшей к краху «развитого» социализма и распаду Советского Союза.

Определенным скрытым вызовом и осуждением его ханжеской морали послужил предпоследний фильм Ю. Райзмана «Частная жизнь» (1982). Ульянов сыграл в нем роль дирек-

тора передового предприятия, которого вынудили уйти на пенсию и который весь фильм, напрягшись внутренне, как струна, ждет обещанного ему нового назначения. Опять на съемках был ежедневный состаривающий грим и дубли, дубли, дубли. К удивлению Михаила Александровича, лента Райзмана о «частной» советской истории отставного директора была отобрана в специальную внеконкурсную программу Венецианского фестиваля и удостоена там нескольких почетных призов. Специальным призом жюри «За лучшее исполнение мужской роли» был награжден сам Ульянов. Затем картина

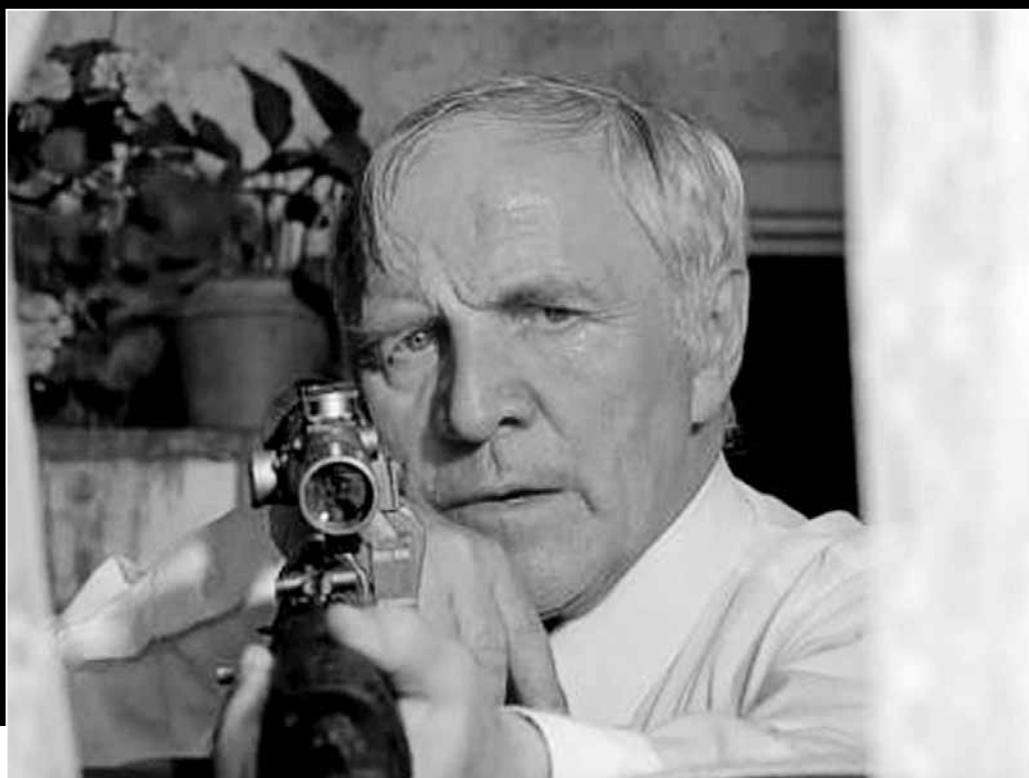
была номинирована на «Оскар» в категории «Лучший фильм на иностранном языке».

Другой творческой вершиной актера явилась на следующий год камерная картина Никиты Михалкова «Без свидетелей». Партнершей Ульянова по этой одной из немногих его отрицательных ролей стала Ирина Купченко, а весь сюжет фильма «на двоих» разворачивался в простой советской квартире. По ходу действия у героя Ульянова менялась форма черепа и увеличивались зубы: таков был замысел режиссера с помощью пластического грима подчеркнуть постепенное превращение добропорядочного человека в настоящего монстра. Роль бывшего мужа, пришедшего «без свидетелей» объясниться с бывшей женой, оказалась для Ульянова трудной, а по-

тому и очень любимой. «Этот тип ведь актер в жизни — он все время играет. Играет хорошего человека, деятельного, играет любовь. А мне надо этого «актера в жизни» сыграть — звона, какая задача стояла передо мною».

Не легче пришлось и в театре с неуловимым образом императора Наполеона в пьесе Ф. Брукнера «Наполеон I». Спектакль поставил на Малой Бронной Анатолий Эфрос, пригласивший Ульянова на главную роль. С Эфросом Михаил Александрович работал до этого над телеспектаклем по последнему роману Э. Хемингуэя «Острова в океане». С присущей ему добросовестностью актер перелопатил груды книг и статей о великом полководце, но так и не нашел главного для роли — каким был «повелитель судьбы», когда

*К/ф
«Вороши-
ловский
стрелок»*

оставался один? В чем выражалась его человеческая сущность? Где крылись затененные слабости этой грандиозной личности? Приходилось идти от себя, от своего понимания персонажа. По общему признанию, Ульянов сыграл своего исторического героя исключительно достоверно и убедительно, не забыв описанные современниками мельчайшие приметы внешнего облика и манеры поведения Наполеона.

Летом 84-го на свет появилась внучка Михаила Александровича, Елизавета. По словам дочери артиста, когда она показала ее ему в роддоме, он от полноты чувств даже расплакался и долго еще пребывал в редком для него состоянии абсолютного счастья. В таком состоянии и уехал с театром на гастроли по

Дальнему Востоку, а год спустя получил приглашение на главную роль в телеспектакле «Тевье-молочник» по одноименному рассказу Шолом-Алейхема. По признанию публики, он был одним из лучших исполнителей Тевье, играя, прежде всего, не историю, не обстоятельства, а характер.

Герой Соцтруда, лауреат Государственной премии, единодушно избранный председателем Союза театральных деятелей, Михаил Александрович упорно не поддавался подступающему возрасту. По-прежнему живой, энергичный, сильный, он не переставал сниматься и играть на сцене, закончил в 1987 году вторую книгу воспоминаний и размышлений — «Работаю актером» и в том же году возглавил после добровольного ухода Е. Симонова Вахтанговский театр. Вступая в столь ответ-

*К/ф
«Сочинение
ко дню
победы»*

ственную должность, Михаил Александрович «имел перед собой главную задачу — сохранить Вахтанговский театр, не дать его коллективу распасться на группки».

Эту сложнейшую задачу Ульянов выполнил с честью. Под его руководством прославленный театр постепенно преодолел творческий кризис и начал радовать зрителей новыми яркими спектаклями, которые ставили приглашенные режиссеры-новаторы.

«Лихие» девяностые — тяжкий, опасный период в истории страны — оказались, увы, далеко не самыми плодотворными в судьбе Михаила Ульянова. Но и в это нищее на искусство и культуру десятилетие стареющий актер сумел порадовать зрителя. Трагически одиноким и гордым

предстает его Цезарь в спектакле «Мартовские иды» по знаменитому одноименному роману Т.Уайлдера. В спектакле звучали прямые ассоциации с тогдашним положением в России. Недаром Михаил Горбачев, побывав на премьере, обратился к Ульянову со словами: *«Скажи, тезка, это наглядное пособие для понимания нашей жизни?..»*

Через год в окрестностях Иерусалима Михаил Александрович вышел на съемочную площадку «Мастера и Маргариты» в образе Понтия Пилата. Картина Ю. Кары по разным причинам добралась до экрана лишь после смерти актера и вызвала противоречивые отклики, однако зрители и критики сошлись в одном: *«Ульянов сыграл гениально»*. Впереди были три последние его крупные

К/ф

«Антикиллер»

работы — спектакль «Без вины виноватые» по классической пьесе А. Островского, трагикомедия С. Урсуляка «Сочинение ко Дню Победы» (1998) и обличительный фильм С. Говорухина того же года «Ворошиловский стрелок». В каждой из этих ролей он вновь показал себя выдающимся мастером.

Тема судьбы людей, всю жизнь отдавших служению Родине, всегда была близка Михаилу Ульянову. Поэтому он без колебаний согласился сниматься в «Сочинении ко Дню Победы». Его партнерами по фильму стали давние друзья — Вячеслав Тихонов и Олег Ефремов. Их актерское трио получилось великолепным. И все же лучшим в нем, оказался все же Ульянов, еще раз доказавший, что он «великий актер». Старик-мститель за поруганную честь любимой внучки, находящейся на

его попечении, стал после выхода на экраны страны «Ворошиловского стрелка» едва ли не самым популярным в народе героем. На примере этого удивительно достоверно сыгранного Ульяновым пенсионера с немудреной, но честно прожитой жизнью и военной судьбой за плечами, вдруг, как на лакмусовой бумажке, проявились болезненные проблемы нашего незащищенного общества.

Картина снималась в Калуге, и исполнитель одной из ключевых ролей А. Пороховщиков однажды ночью услышал из окна своего номера в гостинице, что на скамейке у входа плачет Михаил Александрович. Пороховщиков выскочил к нему, подумав: у старого актера прихватило сердце. «А он мне говорит: "К обрыву я подошел, Саша! Посмотри, что сейчас снимают? Как играть?! Как жить?!" И столько

искренности в этом было, что все сжалось внутри».

Работа в «Ворошиловском стрелке» принесла Ульянову премии «Ника» и «Золотой орел», а также приз кинофестиваля «Кинотавр» за лучшую мужскую роль. Два годами ранее президент Б.Ельцин наградил артиста орденом «За заслуги перед

Отечеством» III степени. Увидела свет его третья книга с символическим названием «Путь к себе». Этим путем Михаил Александрович продолжал идти в искусстве до конца.

Незадолго до смерти ему довелось сыграть весьма необычную для него роль — циничного и жестокого вора в законе по кличке «Отец»

в боевике Е. Кончаловского «Антикиллер» (2002). Впечатления от фильма были неоднозначные. Многие удивлялись, зачем мастер, который воплощал до того в кино людей, исполненных внутреннего благородства, взялся играть откровенного негодяя. (По меньшей мере, странный упрек!)

Ульянов вновь оказался на распутье. Жаждал новых интересных и глубоких экранных работ, но их, увы, не предлагалось. А перепевами старого он заниматься не хотел...

Еще в середине девяностых у Михаила Александровича диагностировали слабую форму болезни Паркинсона, которая с годами усиливалась. Родные, как могли, пытались лечить Ульянова, возили его в Китай к народным целителям, хватались за любую возможность. Он сам мужественно боролся с болезнью. Продолжал выходить на сцену, играть в кино. В последний раз сыграл маршала Жукова в телесериале Ю. Кары «Звезда эпохи» (2004). Успел на следующий год сняться в телесериале «Охота на изюбря» по одноименному роману Юлии Латыниной. На съемках в этом сериале Михаил Александрович был занят всего три дня — его героя, директора вертолетного завода, убивают в первой же серии.

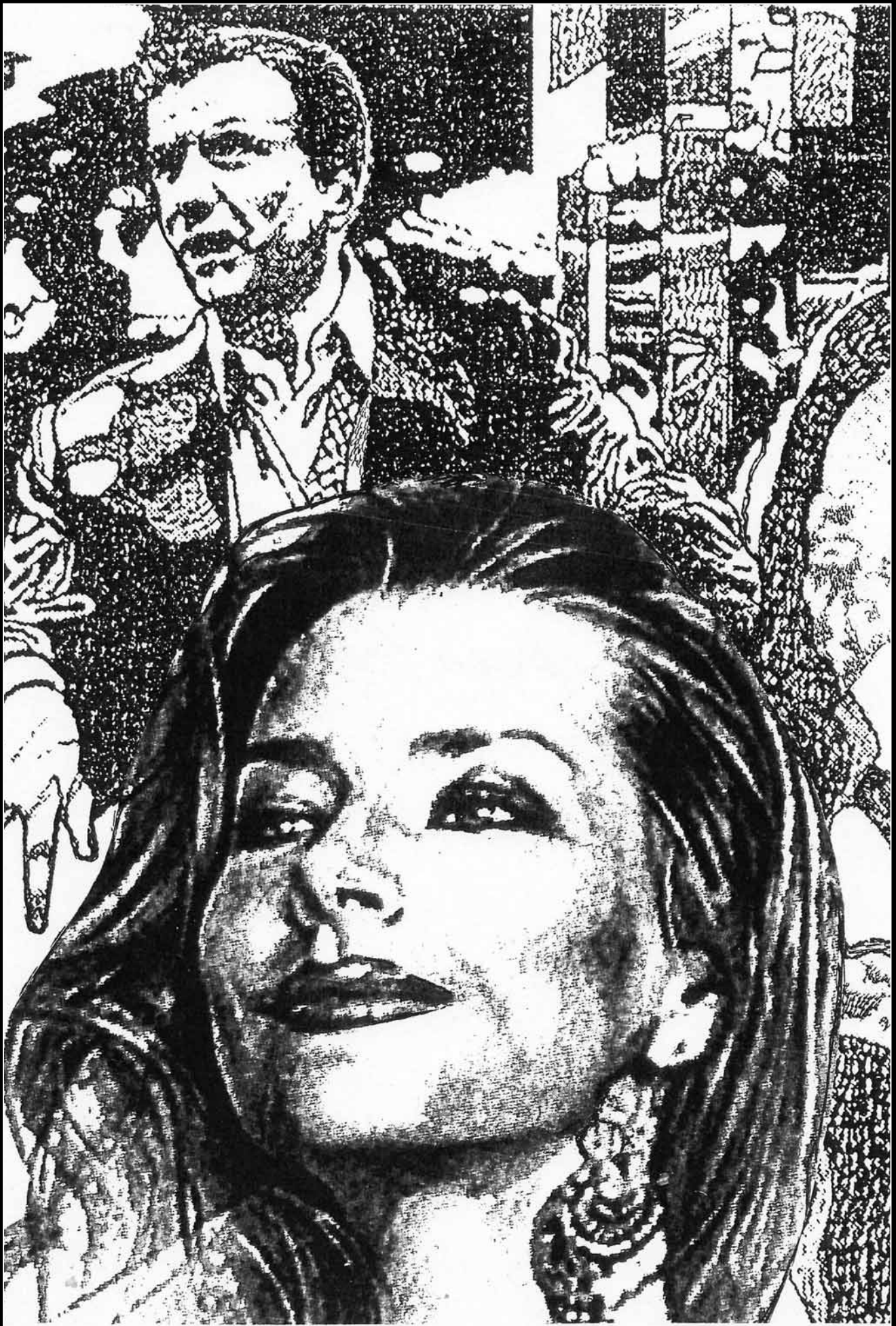
Летом 2006-го во время отдыха в Кинишме у Ульянова случился острый приступ боли, и он был срочно доставлен на операцию вертолетом МЧС, который прислал Сергей Шой-

гу. В октябре состояние здоровья народного артиста резко ухудшилось. Но Ульянов держался. Писал, встречался с коллегами из театра, которые навещали его в квартире на Малой Бронной, читал присылаемые ему пьесы и сценарии...

4 марта 2007 года он объявил, что навсегда прощается с театральной сценой. А 25 марта, накануне Всемирного дня театра, Михаила Александровича не стало.

Сменивший Ульянова на посту председателя Союза театральных деятелей Александр Калягин так отозвался на его кончину: «...Он был воплощением совести нации, воплощением русской души». Ближайший друг покойного, ведущий артист БДТ Кирилл Лавров, будучи сам тяжело больным, приехал проститься с Ульяновым из Петербурга. На сцену Вахтанговского театра, где был установлен гроб с телом, его пришлось выводить под руки. А через месяц Лавров тоже ушел из жизни. Писали, что ушли два великих мастера, на протяжении десятилетий символизировавших достижения отечественного актерского искусства.

После многочасовой гражданской панихиды Михаил Александрович Ульянов упокоился на Новодевичьем кладбище. Вскоре увидела свет его написанная незадолго до смерти книга-исповедь — «Реальность и мечта». В ней он сказал: «У меня нет разочарований ни в прожитой жизни, ни в людях». □

Пока я не скажу:

«ПРОЩАЙ!»

Глава первая

Комитет государственной безопасности. Кабинет Андропова

Начальник секретариата председателя КГБ позвонил по внутренней связи первому заместителю начальника разведки генералу Калиниченко:

- Приезжайте, Юрий Владимирович ждет.
- Что взять с собой? — деловито уточнил Калиниченко.
- Голову, — пошутил начальник секретариата.

Заместитель начальника Главного управления контрразведки генерал Игнатенко уже находился в приемной председателя.

Когда их, наконец, пригласили войти, Андропов без предисловий спросил:

- Выкладывайте обещанные неприятности. Что случилось?
- Юрий Владимирович, — начал генерал Калиниченко, — мы вам докладывали, что наш резидент в Ливане поддерживает деловой конспиративный контакт с членом политбюро Народного фронта освобождения Палестины Вади Хаддадом.

Журнальный вариант. Полностью роман Леонида Млечина под названием «Кристина + Сергей = смерть. Любовь под присмотром КГБ» выходит в Издательском доме «Аргументы недели».

— Те самые ребята, которые попросили дать им взрывчатку, чтобы уничтожить оборудование, купленное Аристотелем Оазисом для своего завода, — пояснил Игнатенко. — Небольшая организация, но они провели много успешных боевых акций.

— Хаддад в доверительной беседе изложил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности своей организации, — продолжил Калиниченко. — Они готовят ряд специальных операций. В том числе намерены наносить удары по крупным нефтехранилищам в различных районах мира — в Саудовской Аравии, в Персидском заливе и уничтожать танкеры. Задача — нанести чувствительный удар арабским странам, которые союзничают с Соединенными Штатами и не поддерживают палестинское освободительное движение.

— Что теоретически может привести к дальнейшему росту мировых цен на нефть, — уточнил Игнатенко. — И это для нас неплохо. Но они намерены нанести удар и по империи Оазисов.

— А что именно предполагается? — поинтересовался Андропов.

— По нашим сведениям, — ответил Калиниченко, — их боевики убили сына Оазиса — Александра. Судя по всему, они же убрали и самого Аристотеля Оазиса. Сейчас нацелились на его дочь Крестину. Похоже, не успокоятся, пока не изведут все семейство под корень.

В кабинете повисло молчание. Наконец Андропов нарушил его:

— Помешать мы им не можем?

— Нет, — сразу ответил Калиниченко.

— Почему?

— В отместку могут последовать теракты против наших людей, — объяснил Игнатенко. — Причем в любой точке Ближнего Востока. Против любого сотрудника советской колонии. Мы не в состоянии обеспечить полную безопасность.

— Принцип нашего сотрудничества с боевиками таков, — подхватил Калиниченко. — Мы им помогаем оружием, спецтехникой, обучаем, если просят... А они не совершают против нас теракты. Откажемся от этого принципа, сами станем мишенью.

— А вот это нам совсем не нужно, — вздохнул Андропов.

— Наши источники внутри компании Оазисов, — добавил Калиниченко, — гарантируют, что... после Крестины Оазис, скажем так, наше сотрудничество будет только развиваться. На сегодняшний день она, и только она тормозит подписание новых контрактов.

— Я, напротив, думаю, нам надо с Кристиной Оазис договариваться, — не согласился с ним Игнатенко. — Но прежде необходимо принять принципиальное решение.

— Незавидный у нас выбор, — заключил Андропов. — Если мы закрываем глаза на операции боевиков, то мы, выходит, в выигрыше. Добыча нефти в Западной Сибири за десять лет увеличилась в десять раз, добыча газа — в пятнадцать. Нефтедоллары позволят нам импортировать почти все, что нужно — от зерна до новых технологий... Если же попытаемся остановить боевиков, то несем серьезные убытки, опасные для нашей экономики... И самое страшное — рискуем жизнями наших людей...

Воскресная проповедь

К воскресной проповеди в маленькой православной церкви в центре Афин собралось несколько пожилых прихожан. Сергей Глазов, который был здесь в первый раз, устроился в стороне, чтобы видеть всех, кто приходит. Ждать пришлось долго. Кристина Оазис, самая богатая женщина в мире, появилась в церкви вся в черном, когда проповедь уже завершилась. Ее сопровождал один охранник.

Она подошла к священнику, заговорила с ним и, не совладав с обуревавшими ее чувствами, расплакалась:

— За что Бог меня наказал? Почему это произошло именно со мной? Если Бог справедлив, как мог Он так поступить со мной — отнять всех, кто у меня был? Сначала брата, потом мать и, наконец, отца? За что, за что я так наказана?

Ее большие черные глаза были залиты слезами. Она требовала ответа от священника — скромного маленького человека, который растерянно пытался ее утешить:

— Я понимаю, как тебе сейчас тяжело, Кристина, но я уверен, что ты преодолеешь эту боль. Бог позволил, чтобы это случилось с тобой, потому что Он знает — ты достаточно сильна, чтобы это вынести. Сказано так: не плачь по умершему, а радуйся. Ибо Бог забрал его из этого греховного мира к себе. Теперь он уже навсегда избавлен от страданий и греха. Он там, где нет ни горя, ни печали. Поблагодарим за это Бога.

Священник поспешно благословил Кристину и переключился на других прихожан.

Несколько минут Кристина молилась в одиночестве, потом резко повернулась и пошла к выходу. Глазов остановил ее в дверях:

— Госпожа Оазис, я хотел выразить вам соболезнования...

Насторожившийся охранник хотел уже встать между ними, но Кристина его остановила. Она сразу узнала Сергея Глазова и внимательно посмотрела на него:

— Вы же из советской делегации и участвовали в переговорах?

— Я невольно стал свидетелем вашего разговора со священником, — ответил он. — Простите, что вмешиваюсь... Но, по-моему, когда происходит трагедия, главное — в трудную минуту не остаться в одиночестве. И ценность молитвы в том, что она избавляет от одиночества, в котором оказался человек, переживший трагедию.

— Возможно, вы правы. Ощущение одиночества — невыносимо. Мне иногда кажется, что в опустевшем доме я сойду с ума. Вы так искренне говорите... Вы пережили нечто подобное? — спросила она.

— Моя сестра погибла в авиакатастрофе, — кивнул Сергей. — Ее самолет разбился при посадке.

— Как это произошло?

— Она летела в командировку, а погода была плохая, садились в сплошном тумане. Летчик не рассчитал... Промахнулся и пролетел мимо посадочной полосы... Все погибли...

— Сколько лет было вашей сестре? — сочувственно спросила Кристина.

— Двадцать семь.

— На два года старше моего брата... Он тоже попал в авиакатастрофу... Как сейчас вижу — Александр лежит без сознания на больничной койке, к нему тянется множество проводов... Он уже не мог сам дышать, и подключили аппарат искусственного дыхания. Я гладила его по руке, говорила с ним. Думала, вот сейчас он откроет глаза, узнает меня, улыбнется... И все будет, как прежде. Но поздно...

Она не успела договорить. На улице вдруг раздался громкий взрыв. Столб пламени вырвался из лимузина, ожидавшего Кристину Оазис. Тяжелая машина, как игрушка, взлетела в воздух, перевернулась и грохнулась на землю.

Ударной волной их отшвырнуло к стене. Охранник неудачно стукнулся головой и, потеряв сознание, рухнул на каменные ступени. Глазов инстинктивно прикрыл собой Кристину. Несколько секунд, оглушенные и ошеломленные, они ничего не слышали.

Прибежали другие охранники и помогли девушке подняться, весьма нелюбезно отодвинув Глазова:

— Госпожа Оазис, немедленно уходим! Сейчас подъедет другая машина.

Когда они уводили Кристину, она повернулась к Глазову и тихо проговорила:

— Вы спасли меня. Вы знали, что это произойдет, поэтому и задержали меня здесь, на лестнице?

Служебный долг требовал от него ответить правильно... На кон было поставлено нечто больше, чем его карьера. И все-таки Сергей не стал лукавить:

— Знал... Они начали с вашего брата... И не остановятся...

Самолет падает

За четыре года до этого Александр Оазис, сын хозяина крупнейшей в мире судовладельческой компании, ранним утром приехал на аэродром. Он привычно занял место первого пилота в самолете, который принадлежал семейной авиакомпани.

Александр намеревался показать новому летчику, как управлять недавно купленной дорогой машиной. Самолет прокатился по взлетной полосе. Замер в ожидании ответа от контрольной вышки. Получив разрешение диспетчера, Оазис-младший уверенно поднял машину в воздух. А через несколько секунд после взлета самолет спикировал и рухнул на землю.

Его подруга жизни Фиона Тиссен появилась в Афинах только на следующий день — добиралась с другого конца мира. Младший Оазис совсем не был похож на отца. Не слишком уверенный в себе, он искал убежища в объятиях женщин значительно старше себя. В девятнадцать лет влюбился в баронессу Фиону Тиссен, которая была всего на три года моложе его матери. Бывшая манекенщица из Шотландии, она стала обладательницей дворянского титула, побывав замужем за немецким бароном Генрихом Тиссенем.

Отцу, Аристотелю Оазису, нашептывали, что дело неладно, что любовью тут и не пахнет, чистый расчет — Фиона получает немалые деньги от его конкурентов в обмен на обещание выведать у Александра детали семейных коммерческих планов. Но удержать сына от романа с баронессой отец не смог. Он утратил над ним власть. Александр не собирался следовать по стопам отца, не интересовался бизнесом, зато прекрасно играл в теннис, катался на лыжах и водил машину, как гонщик. Свободно говорил по-французски, по-английски и по-итальянски и не очень хорошо владел родным греческим.

Кристина, когда они оставались вдвоем, часто говорила брату:

— Отец способен на все. Он приказывал убивать людей. И мне страшно — и за себя, и за тебя.

Александр не в первый раз слышал, что его отец совершал какие-то преступления. Но до определенного момента считал, что большой бизнес требует принятия решений, которые не назовешь глубоко моральными.

Тем более, когда у тебя множество врагов... Но разговоры с сестрой окончательно отвратили его от отца.

Он увлекся винтокрылыми машинами. Аристотель новой страсти своего наследника не одобрял, но, когда они встретились в Париже, внезапно расщедрился и пообещал купить сыну новый вертолет, а также не приставать к нему к требованиям всерьез заняться, наконец, семейным бизнесом.

Фиона строила уютный дом в Швейцарии. Они собирались туда переехать, после чего Александр намеревался твердо сказать отцу:

— Я намерен жить с Фионой и найти себе новую работу.

Не успел.

Оазис-младший так и не пришел в сознание. Его подключили к системе жизнеобеспечения после операции, в ходе которой нейрохирурги убрали кровяные сгустки, которые давили на его мозг. Казалось, он почти не пострадал от падения самолета. Только несколько порезов на руках. Но нейрохирурги, доставленные из Америки, пришли к выводу, что его мозг поврежден, и ситуация безнадежна. Он не выйдет из комы...

Аристотель был самым богатым человеком в мире. Но все накопленные им миллионы не могли вдохнуть жизнь в его несчастного сына. Он распорядился дожидаться Кристины, чтобы она смогла попрощаться с братом, а потом отключить аппарат и «больше не мучить мальчика».

Кристина прилетела после полудня. Она провела с умирающим братом пятнадцать минут, а когда вышла из палаты, врачи отключили аппарат искусственного дыхания.

Все было кончено.

В больнице появилась жена самого Аристотеля Оазиса — знаменитая и все еще неотразимая Жаклин Кеннеди, в первом браке жена американского президента Джона Фицджералда Кеннеди. Безукоризненно одетая, она под села к убитой горем Фионе. Судьба умирающего мальчика Жаклин мало интересовала. У нее были свои заботы:

— Александр мне рассказывал, что Аристотель хочет со мной развестись. Не знаете, какую сумму он мне выплатит?

Баронесса была потрясена. В невыносимо тяжкую для себя минуту она ожидала, по крайней мере, слов сочувствия. Тем более что Жаклин Кеннеди сама потеряла мужа при трагических обстоятельствах.

Техническая экспертиза показала, что самолет, принадлежавший семейной компании, рухнул из-за того, что перепутали рули управления. Но как это могло произойти? Роковая небрежность аэродромного механика, готовившего самолет к полету? Или диверсия? И кто в таком случае это подстроил? Кто-то из врагов Аристотеля? В авиакатастрофе погиб только сын Оазиса. Второй пилот и пассажир удивительным образом остались живы.

Шептались, что на самом деле в полете Александра ударили по голове молотком...

Аристотель Оазис не пошел на похороны сына, потому что со всего света примчалось множество журналистов, в том числе телевизионных:

— Враги скорее увидят меня мертвым, чем страдающим.

Он ездил на могилу по ночам, когда его никто не видел. Возвращался и напивался в одиночку. Иногда часами стоял у двери навсегда опустевшей комнаты Александра в семейном доме на принадлежавшем Оазису острове Скорпиос, плакал и просил сына о прощении.

Аристотель не верил, что произошедшее — несчастный случай. Чтобы ни говорили ему следователи, уверявшие, что причина аварии — ошибка наземного персонала, Оазис твердил:

— Они убили моего мальчика.

Он обещал заплатить миллион долларов за информацию, которая приведет к поимке убийц. Многие считали это паранойей. Они не все знали.

Через двадцать минут после того, как отключили аппарат искусственного дыхания и врачи зафиксировали смерть сына Аристотеля Оазиса, его доверенный человек вылетел в Монте-Карло, чтобы осмотреть квартиру Александра. Это был Ларри Андерсон, руководитель службы безопасности семейной компании Оазисов и бывший сотрудник ЦРУ. Опытному профессионалу не составило труда установить, что квартира Александра нашпигована аккуратно замаскированными звукозаписывающими устройствами. Тот, кто установил в его доме «жучки», точно знал, когда и на чем он собирается лететь...

Аристотель был вне себя: почему служба безопасности, на которую он тратит такие деньги, раньше не обнаружила подслушивающие устройства? Разгневанный, он прилюдно ударил Андерсона — за то, что тот не сумел спасти его мальчика.

Не в силах справиться с горем, Оазис оставил все дела. Но внезапно в Афинах появились новые партнеры, приехавшие из Москвы. Они предложили ему крайне рискованную, но очень выгодную сделку. Переговорам предшествовал короткий телефонный разговор между Афинами и Москвой. Оба собеседника давно знали друг друга.

Москвич изложил суть делового предложения. Аристотель внимательно выслушал и ответил:

— Пусть ваши люди приезжают. Во-первых, мне кажется, мы все на этом хорошо заработаем. Во-вторых, ты же знаешь, что я тебе доверяю. Ты когда-то спас мою дочь... Помнишь, когда вывез ее из Нью-Йорка?

Московским собеседником был начальник Главного управления контрразведки генерал Игнатенко.

После смерти сына Аристотель стал готовить Кристину к роли наследницы. Для начала отправил ее работать в нью-йоркский офис, чтобы она погрузилась в дела семейной империи. Он искал не денег, а спасения. Аристотель точно знал, кто охотится за его семьей. И за ним самим.

Разговор в Комитете

Черная «Волга» ГАЗ-21 резко затормозила у цитадели страха и тайны — здания Комитета государственной безопасности СССР на площади Дзержинского. Из машины стремительно вышел невысокий худощавый человек в штатском костюме. Он пересек безлюдный тротуар и потянул на себя массивную дверь с гербом. Увидев его, сотрудники внутренней охраны, от скуки о чем-то переговаривавшиеся друг с другом, дружно замолчали. Он вытащил из кармана пиджака служебное удостоверение и привычно раскрыл красную книжечку перед глазами старшего смены. Прапорщик бросил тренированный взгляд на удостоверение, кивнул, и Сергей Глазов, войдя, поднялся по мраморной лестнице на второй этаж. Остановился и осмотрелся. Убедившись, что поблизости ни души, подошел к полированной двери, распахнул ее и вошел.

В приемной дежурный секретарь, услышав фамилию, посмотрел на него с интересом. Сверившись со списком, сказал:

— Здравствуйте, Сергей Игоревич! Проходите.

Войдя в кабинет, Глазов плотно прикрыл за собой дверь. За столом сидел крепкий на вид мужчина — и тоже в штатском. Это был генерал Игнатенко.

— Разрешите, Григорий Федорович?

Нажав клавишу переговорного устройства и предупредив секретаря: — «Меня ни для кого нет», Игнатенко подошел к Глазову, крепко пожал ему руку:

— Здравствуй, Сергей... Тебя можно поздравить?

— Нет, — отрезал Сергей. — А с чем поздравлять? Я, честно говоря, этой новой жизни не представляю.

— Я тебя все равно поздравляю. Нам здесь, в управлении, известна ситуация в экономике. Если что-то можно сделать для страны, надо сделать. Тебе представляется редчайшая возможность помочь государству.

— Есть такая формула: поздравляю с сочувствием, — пробормотал Глазов. — Мой случай.

— Ну, ты присядь, успокойся... — улыбнулся Игнатенко. — Может, тебя чаем угостить, пока не перешел на чисто греческие напитки? А, впрочем, у меня и «Метакса» найдется. Кто-то из ребят привез из Афин. Можем отпраздновать. Свадьба, как-никак, — приятное событие. Невеста — молодая, красивая, темпераментная. Да еще и с приданым...

— Спасибо, товарищ генерал. Ни чая, ни коньяка. Единственное, о чем прошу: если кто позвонит, спросит — вы меня не видели, а то это «поздравляю» никогда не закончится. С чем тут поздравлять?..

Генерал Игнатенко посмотрел на своего гостя. Кажется, совсем недавно здесь, на Лубянке, решалась судьба этого офицера. Хотя прошло уже немало лет... Кто был тогда заместителем председателя Комитета по кадрам?

...В огромном кабинете грузный человек в новеньком генеральском мундире листал личное дело молодого офицера госбезопасности, только еще начинавшего свою службу. И что-то ему не нравилось. Зампред спросил Игнатенко, тогда еще заместителя начальника второго главка:

— А почему Глазов — в министерстве морского флота? Молодой офицер, старательный, энергичный. Такие в центральном аппарате нужны, а вы его держите в действующем резерве.

— Там есть семейные проблемы, с родственниками непорядок, — доложил Игнатенко.

— Что это означает? — удивился зампред. — Не говори загадками.

— Есть ориентировка наркомата госбезопасности Украины от сорок пятого года. Его дед и бабка по отцовской линии в сорок первом при наступлении немцев не эвакуировались. Остались в Киеве, работали на оккупационную администрацию. Потом ушли вместе с немцами.

— Чем занимались под немцами? В полиции служили?

— Нет, по гражданской части.

— Ну, не так страшно... — покачал головой зампред. — Но как же его к нам приняли с такими родственниками?

— За него Юрия Владимировича просил Громыко. Лично.

Заместитель председателя КГБ заинтересовался:

— Почему? Выяснили? Родственник? Сын старых друзей?

— История куда сложнее. Я сам хорошо знаю отца Глазова. Когда Юрий Владимирович спросил мое мнение, я рекомендовал Сергея Глазова взять в кадры.

— Ну, заинтриговал, полковник. Давай, рассказывай.

— История долгая, — предупредил Игнатенко.

Валентин и Валентина

Она позвонила ему поздно вечером — как ни в чем не бывало. Они не виделись десять лет. Но Валентин Михайлович Рожков, помощник Громыко, все равно сразу узнал ее голос. Да мог ли он ее забыть?

Ее звали Валентиной. Когда у них начался роман, она шутила:

— У нас с тобой общее даже в имени — мы оба Вали. Судьба...

Она заговорила с ним так, словно они расстались вчера, хотя прошло столько лет. Но она вернулась. И сказала, что желает его видеть. Прямо сейчас! Немедленно! Сию секунду! Ему даже ехать никуда не надо. Она стоит на углу, возле его дома.

— Одевайся и выходи!

Рожков быстро натянул куртку и, не дожидаясь лифта, скатился вниз по лестнице. Валентина действительно стояла на том самом месте, где десять лет назад они разговаривали в последний раз. Перед ее отъездом... Она плакала и говорила тогда, что обязательно к нему вернется. Он держал ее за руки и смотрел на нее, не отрываясь. Он был уверен, что они расстанутся навсегда. Валентин уезжал в командировку в Америку, которая казалась ему бесконечно далекой, вроде как обратная сторона Луны, откуда не возвращаются. А она с мужем улетала на Дальний Восток.

— Я же сказала, что вернусь и заберу тебя с собой. А ты, глупыш, сомневался, — улыбнулась Валентина.

Рожков просто не верил своим глазам. Неужели это она? Она почти совсем не изменилась — такая же красивая. Только прическа другая и манера одеваться, и выражение глаз незнакомое. На него словно столбняк нашел. Он все не мог прийти в себя. Думал, что вырвал ее из своего сердца. И ошибся. Стоило ему вновь ее увидеть, как все вернулось. Словно и не было этих десяти лет! Словно не расставались они с диким скандалом и битьем посуды, словно не выходила она замуж за его друга Руслана.

Они поднялись к нему. Он ногой захлопнул за собой дверь и стал ее раздевать... Валентина уехала от него на такси поздно ночью, а следующим вечером пришла вновь. Сели пить чай, и она рассказала о себе.

Когда они поссорились десять лет назад, она сразу вышла замуж. За их общего друга, талантливого инженера. Через год они с мужем переехали в Хабаровск, где он получил важный пост. Руслан стал большим начальником, у них отдельный особняк. Ему дали персональную машину.

Появилась прислуга. Они много ездят по всему огромному краю. Местные начальники, которые зависят от ее мужа, невероятно гостеприимны.

Валентина все рассказывала и рассказывала, а Рожков, слушая ее, понял, что его бывший друг Руслан и в самом деле устроил ей райскую жизнь. А ведь из них двоих Валентин считался более перспективным и удачливым. Институт он окончил в сорок первом. Пошел добровольцем в Красную армию и год провоевал, пока его не отозвали с фронта и не взяли в Министерство иностранных дел. Он успешно делал карьеру, ему прочили большое будущее. Руслан же прозябал научным сотрудником в заштатном научно-исследовательском институте. И как же все переменялось за эти годы!

Когда они вышли на улицу, Валя вдруг сказала:

— А ты знаешь, я по-прежнему люблю только тебя. Хочешь, останусь? Одно твое слово — и я сдам билет.

— Не глупи, — устало ответил Рожков. — Руслан создал тебе прекрасную жизнь. Живи и наслаждайся. Я искренне рад за тебя.

В день ее отъезда он не выдержал и поехал на Ярославский вокзал, откуда поезда шли до Хабаровска. Видел, как Валя вылезла из черного автомобиля, и водитель нес ее чемоданы. Она села в мягкий вагон. Ее провожали какие-то люди в штатском и в форме, видимо, сослуживцы ее мужа, срочно командированного в Северную Корею, где полыхала война.

Ну, вот и все, подумал Рожков, сказка кончилась.

А через три недели, в понедельник утром он получил срочную телеграмму из Хабаровска: «Руслан погиб. Выезжаю».

Сгоревший дом

В воскресенье возле магазина убили бывшего таксиста, два года назад перебравшегося в поселок из Молдавии. Его убили не у ближнего магазина, который у станции и который каждый день работает, а у дальнего — рядом с домом отдыха. Бывшего таксиста застрелили из нагана. Пуля попала в грудь и прошла выше сердца. Если бы сразу в больницу попал, может быть, и выжил. Но его обнаружили только утром.

Два дня в поселке только и говорили, что об убийстве. А в среду вечером, когда Петр Иванович Глазов искал теплый свитер и нашел его на верхней полке старинного платяного шкафа с зеркалом во всю стенку, ему на голову свалился наган, спрятанный под вещами.

Потирая голову, Глазов уселся на раскладной деревянный стул из тех шести, что привез с соседней станции, и стал разглядывать наган. Шишка казалась ему самой малой из неприятностей, связанных с находкой.

Это был обычный револьвер Тульского завода с потемневшей от времени рукояткой. Покрутил барабан — трех патронов не хватало. Услышав голос жены, Петр завернул револьвер в свитер, через заднее крыльцо вышел на участок и направился к сараю.

Участок у него был большой. Глазов — из старожилов поселка. Получил участок задолго до войны и тогда же с помощью отца-плотника построил двухэтажный дом. В нем выросло уже третье поколение семейства.

Валентин Михайлович Рожков, после того как Валентина умерла, а его самого буквально изгнали из министерства иностранных дел, когда Вышинский был назначен новым министром, в связи с тем, что его родители подозревались в сотрудничестве с немцами, вынужден был вернуться в родной поселок, и Глазовы приютили его у себя — ведь Валентина была их родной дочкой, а Валентин бывшим зятем. Правда, тесниться вместе со всеми он не захотел и обосновался в сарае. Вытащил из него всякий ненужный хлам, покрасил суриком, обшил изнутри фанерой, провел свет. Когда приехал из Москвы, работу нашел в районной газете, где отчаянно не хватало кадров, и хорошо образованный человек на вес золота.

В сентябре темнеет рано. Оба окошка Рожков тщательно завесил, но из-под двери пробивалась полоска желтого света. Петр Глазов постучал, вошел в сарай и вытряхнул наган на дощатый стол.

— Твой? — спросил Глазов.

— Мой, — ни минуты не колеблясь, ответил Рожков.

— С фронта привез?

— Точно.

— Таксиста из твоего нагана убили?

Рожков как-то странно посмотрел на Глазова:

— Пожалел его, что ли? Такую мразь пожалел? Преподаватель полное право имел его кончить. Ты-то об этом лучше всех знаешь.

Глазов посидел еще немного, пожелал Рожкову спокойной ночи и ушел в дом.

«Такую мразь пожалел?» — звучали у него в ушах слова Рожкова.

Молдавский таксист появился два года назад, когда умерла лысая бабушка — своеобразная достопримечательность поселка. Волос на голове у нее совсем не осталось, парика она не носила. Дети боялись лысую бабушку, называли ее колдуньей, считали, что она может напустить неизлечимую болезнь. Зимой ее не было видно, а с весны до осени она неподвижно сидела на стуле возле самой речки, закутавшись в цветастую шерстяную кофту. Когда дети шли рвать кувшинки, лысую бабушку обходили за полкилометра.

Когда лысая бабушка умерла, появился таксист, предъявил документы, что он наследник, и оформил дом и участок на себя. Его права на на-

следование вызывали сомнение, но возражать никто не стал, потому что охотников на бабушкину развалюху не нашлось, а принимать ее на баланс администрации тоже не хотелось.

Таксист поставил двухэтажный кирпичный особнячок с теплым туалетом — на такую роскошь никто в поселке еще не раскошеливался. Но разливавшаяся весной речка мешала ему подъезжать к дому. Тогда он перенес забор на два метра в глубь территории соседа, преподавателя железнодорожного техникума.

Преподаватель — худой, нервный, с головой, стриженной ежиком, побежал в районную администрацию жаловаться. Через месяц появилась комиссия, обследовала забор и убедилась, что таксист самоуправничает. Но преподаватель рано торжествовал победу. В день, когда он уехал в район, чтобы получить копию решения комиссии, его дом сгорел. Добравшимся до поселка пожарникам спасать было уже нечего. И некого.

В доме сгорела жена преподавателя. Она болела тяжелой формой диабета. По полгода проводила в больнице. Накануне преподаватель забрал ее из больницы. Наглотавшись лекарств, она спала и не успела проснуться.

Никто не сомневался, что дом поджег таксист. Но общественное мнение к делу не пришьешь. А свидетели где? Преподаватель похоронил жену и уехал. Новый дом на преподавательскую зарплату ему не поднять. И едва ли ему хотелось оставаться здесь, где так страшно погибла его жена. Словом, таксист стал ездить к себе прямо через опустевший участок соседа. С ним в поселке, конечно, никто не здоровался. А через три недели после этой истории его застрелили...

Когда Глазов с женой ложились спать, возле станции раздались выстрелы. Петр Иванович резко присел на кровати и повернулся к жене:

— Слышала? Стреляли.

— Война давно закончилась, а ты никак с нее не вернешься, — пробормотала она, сладко зевая. — Мотоцикл заводят. Спи.

Глазов слез с кровати и босой, не надевая тапочек, вышел во двор. Спустился с крыльца и обошел вокруг дома. Весь день лило, как из ведра, и бак для воды переполнился. Листва забила согнутые из железа трубы, подвешенные к крыше, и дождь заливал оконные рамы. Белила кое-где пошли пузырями. Придется завтра брать самую длинную лестницу и чистить трубы. Внуку понравится.

В кустах смородины что-то зашуршало. Ежик, наверное, если они еще сохранились. Прошелестела электричка. Все это были знакомые звуки. Но что-то в этих местах изменилось. Когда дочка Валя была маленькой, Глазовы разрешали ей гулять по поселку весь день, а вот внука Сережу одного не отпускают.

Когда горел дом преподавателя, Валя Глазова побежала спасать его жену, но вытащить не смогла. А сама наглоталась углекислого газа, потеряла сознание, упала... Словом, ее тоже не спасли.

Петр Иванович с женой несколько дней как в тумане провели. Он думал, что не переживет смерти дочери. Но на этом свете его внук удержал, Сережа. Мальчик остался с бабушкой и дедушкой.

Валя была замужем. Но ребенок не от мужа. Руслан предложил его усыновить, а она не захотела. Два месяца назад ушла от мужа и вернулась к родителям с Дальнего Востока. И тут как раз приехал Валентин Рожков. Они собирались уже снова расписаться, и вдруг все оборвалось. Валя даже не успела признаться Рожкову, что Сережа на самом деле его сын.

Под утро Петр Иванович Глазов еще раз вышел на улицу. В этот пред-рассветный час поселок спал и не подавал признаков жизни.

Преподавателя, лишившегося и жены, и дома, еще перед войной от армии освободили по зрению — он носил очки толщиной с лупу, и оружия никогда в руках не держал. Да и где бы он его взял? Так что стрелять в таксиста он никак не мог.

А кто мог?

Глазов знал, кто стрелял в таксиста. Он посмотрел в сторону сарая. Валентин Рожков, похоже, еще и не ложился. Под дверью сарая все так же пробивалась полоска желтого цвета, поблекшая с проблесками утра...

Кристина. Счастливое детство

Кристина Оазис была старательной ученицей. Но в конце учебного года ее первая любовь — мальчик по имени Дэнни сказал, что никто не узнает, если они сбегут с последнего урока и отправятся на пляж. Они так и сделали.

Кристина об этом забыла. А через пару дней отец грозно спросил, не хочет ли она в чем-то признаться? Ее сердце забилося, но она боялась сознаться, что прогуляла занятия. Тогда Аристотель Оазис сказал, что ему звонили из школы, и он все знает:

— Ты оскорбила всю семью! Вечером за ужином ты извинишься перед всеми за то, что нас обманула.

Кристина не посмела возразить отцу и сделала так, как он сказал. Но это унижение не забудется никогда!

Она выросла в сказочной роскоши. Куклы, одетые самим Кристианом Диором, пони, подаренные королем Саудовской Аравии... При этом она оставалась одиноким ребенком с печальным лицом. Ее постоянно перевозили с места на место. Из Нью-Йорка в Афины, из Парижа в Антибы, от-

туда на семейный остров Скорпиос. К услугам девочки были особняки и виллы по всему миру. Но родного дома не было.

Детство ее многие назвали бы завидным. Никаких травм и страданий, сплошные удовольствия. Аристотель Оазис, который с таким трудом пробивался в жизни, решил для себя, что его дети будут избавлены от любых тягот. Кристине не пришлось заботиться о себе. Все проблемы решались за нее. Она, можно сказать, получила мир на тарелочке. Отец делал все, чтобы исключить неприятности из ее жизни, и это, естественно, не приучило ее к тому, что потери и поражения неизбежны, и не дало необходимой закалки. При всех своих благих намерениях Аристотель лишил дочь, вступавшую в жизнь, чего-то очень важного.

Разлад между родителями вверх Кристину в панику. Привычный мир развалился. Она слишком зависела от других. И превращалась в беспомощного ребенка, когда ей приходилось что-то решать и действовать самой.

Она была ярким подростком. Заводилой в детских развлечениях. Хорошим другом. Даже в трудные для себя моменты не портила другим настроение. Смешила друзей. И не выносила одиночества! Когда к ней приезжали подруги, они могли проболтать полночи.

Но Кристина плохо подбирала друзей. Она была крайне щедра. К ней тянулись из-за ее денег. Деньги мешали и дружбе, и любви.

Она была счастлива и несчастлива одновременно. Нуждалась в дружбе и любви. Ей слишком легко все доставалось — огромные деньги, поместья, целый остров. И, возможно, она жаждала жизни обычного человека. Но это то, чего она была лишена.

Глава третья

Анкетные дела

Сергей Глазов любил поезда. Скорее всего, потому, что вырос у железной дороги. Его дед, Петр Иванович, работал машинистом нефтекачки на железнодорожной станции. Железнодорожники были в почете — благодаря союзному наркому путей сообщения Лазарю Моисеевичу Кагановичу, человеку бешеной энергии и фантастической работоспособности. Он проламывал любую преграду. Железнодорожникам подняли зарплату, переодели в форму, вызывавшую зависть у мальчишек.

Дед ходил в форме, и Сергей привык к тому, что мужчине форма идет. И на футболе он болел за команду железнодорожников.

В тот день Сергей со своим другом Юрием Куприяновым сидели на стадионе и следили за матчем. Игра шла ни шатко ни валко, и зрители громко выражали свое неудовольствие. Неожиданно на противоположной стороне стадиона, где были размещены огромные портреты членов президиума ЦК КПСС, стало происходить нечто невероятное.

Портрет первого заместителя председателя Совета Министров СССР и министра внутренних дел Лаврентия Павловича Берии вдруг пополз вниз. Сначала офицеры решили, что портрет меняют, и сейчас появится новый, но этого так и не произошло.

— Ты видел? — дернул Сергея за рукав Юрий. — Это же диверсия! Надо немедленно сообщить куда следует. Враги народа орудуют у нас под носом. — И он вскочил, готовый лично броситься на поиски врага.

— погоди. Какие тут, на стадионе, враги? Разберутся, — удержал его Сергей.

— Бдительности тебе не хватает, вот, что я тебе скажу, — отрезал Куприянов.

Его отец служил в областном управлении внутренних дел. Сын хотел идти по его стопам. Сергей Глазов тоже мечтал стать чекистом. Красная книжечка была своего рода «масонским знаком», удостоверявшим не только благонадежность ее обладателя, но и его принадлежность к некому закрытому ордену, наделенному тайной властью над другими.

Но как стать чекистом?

Сергей записался на прием к ректору своего института. Тот внимательно выслушал студента, снял трубку и кому-то позвонил. Уверенно сказал, что ручается за Глазова партбилетом:

— Парень надежный, преданный делу партии, умный, физически крепкий. Учится отлично, сталинский стипендиат. Словом, то, что вам нужно.

Глазов понял, что разговор шел с заместителем начальника областного управления по кадрам.

Прошло примерно два месяца. Никакого результата. Сергей не выдержал и снова пришел к ректору. Ректор набрал тот же номер.

— Не беспокойтесь, — последовал ответ. — Такова обычная процедура.

Наконец настал его день. Они учились последние месяцы, писали дипломные работы и готовились к сдаче государственных экзаменов. Ректор вызвал его и продиктовал номер телефона. Это был номер куратора института от ведомства госбезопасности. Таким счастливым Глазов еще никогда себя не чувствовал.

Он позвонил. Ему велели зайти, чтобы заполнить кучу анкет. Попросили принести две рекомендации от товарищей по факультету. Без указания адресата, разумеется. Просто: «Знаю такого-то с наилучшей стороны и ре-

комендую его на ответственную работу». Такие рекомендации понадобились еще и Куприянову-младшему.

Сергей старательно заполнил такую подробную анкету, какой еще не видел. Чекистов среди прочего интересовали его родственники до третьего колена. На один вопрос он ответить не мог. В свидетельстве о рождении в графе «отец» стоял пропуск. Он вырос без отца. И спросить некого: мать скоропостижно скончалась, когда он был мальчиком. Воспитывали его дед с бабкой. Они признались Сергею, что не знают, кто его отец.

Так Глазов и объяснил сумрачному инспектору по кадрам в областном управлении, который вытащил из сейфа его тонкое личное дело. Инспектор выслушал, не перебивая. Но оформление остановилось. На Лубянке рылись в архивах? Пытались выяснить, кем же мог быть его отец?

Юрия Куприянова уже приняли в КГБ, а судьба Сергея все никак не решалась, и он страшно переживал. Видя, как нервничает внук, Петр Иванович Глазов собрался в Москву. А когда вернулся, Сергея вызвали в кадры, сказали, что он зачислен, и поздравили с началом службы. Сергей знал, к кому дед обратился. К дяде Вале, к Валентину Михайловичу Рожкову, который почти десять лет жил вместе с семьей Глазовых здесь же, в поселке, а недавно переехал в Москву. Он всегда опекал мальчика.

После смерти Сталина и ареста Берии Рожков вернулся в Москву. Он безумно тосковал в поселке и без Вали, и без работы. Климат в обществе изменился, и он нашел работу в международном журнале. И тут приехал из поселка Петр Иванович Глазов. Они просидели в тесной комнате Рожкова весь вечер, и Глазов, наконец, признался, что Сергей — его сын.

Слова Петра Ивановича потрясли Валентина Михайловича, но вдвоем они решили, что пока лучше Сергею об этом не говорить. Прочерк в графе «отец» лучше, чем отец, родители которого подозревались в сотрудничестве с немцами.

Валентин поразился тому, что сын пожелал стать чекистом. Но отговаривать считал себя не вправе. Напротив, он обязан помочь. И попросил о помощи Игнатенко. Вот ему он все рассказал, как на духу.

Полковник Игнатенко позвонил заместителю начальника управления кадров, представился и сказал, что готов поручиться за Сергея Глазова.

— Вашего поручительства недостаточно, — скучным голосом ответил кадровик.

Игнатенко ожидал иного ответа. Обычно коллеги идут друг другу навстречу.

— Почему?

— У нас есть данные о его низком моральном облике.

— Какие?

— Не уполномочен вам сообщать.

Такой ответ просто взбесил Игнатенко.

— Вы имеете в виду, что он собственного отца не знает, что у него в графе «отец» прочерк? И за это парень должен быть наказан?

Он в сердцах бросил трубку. Но что делать? Тогда Игнатенко попросился на прием к Громыко и откровенно рассказал ему, что настоящий отец Глазова — его бывший помощник Рожков.

— Парню надо помочь! — ни секунды не колеблясь, сказал Громыко и тут же набрал номер начальника управления кадров Комитета госбезопасности.

Тот не выразил ни малейшего желания пойти навстречу, и Громыко, нахмурившись, попросил соединить его с председателем КГБ. Выслушав его, председатель успокоил Андрея Андреевича:

— Я немедленно распоряжусь.

Игнатенко вернулся к себе. Через два часа ему позвонил заместитель начальника управления кадров:

— По Глазову возражения сняты. Документы подписаны и отправлены. — Голос сухой и откровенно обиженный. Не удержался от упрека: — Не стоило поднимать такой мелкий вопрос на уровень председателя...

Мечта Сергея Глазова исполнилась, как и мечта Куприянова-младшего. Только Юрий сразу же отправился учиться в Москву, что было предвестием завидной карьеры, а Сергея зачислили в штат областного управления.

Мандатная комиссия комитета госбезопасности, которая принимала окончательное решение, ограничилась вопросами ритуального характера относительно миролюбивой советской внешней политики. Ни к чему не придирались. А в служебном ателье ему сшили первую в его жизни форму офицера госбезопасности.

Он переоделся и отправился домой в новеньком мундире и фуражке с синим околышем, на погонах ярко блестели лейтенантские звездочки.

Дома бабушка неодобрительно посмотрела на него:

— Ты в этой форме... Зачем она тебе? Ты такой способный. Неужели лучше занятия не нашел? Ты же слышал, сколько раз мы с дедом говорили... Когда мы были молодые, людей — хороших, порядочных, соседей наших, друзей — хватало без всякой причины. И они не возвращались. А делали это люди в такой же, как у тебя, форме.

— Времена сейчас другие, — улыбнувшись, поцеловал бабушку Сергей. — Дело же не в форме, а в том, кто ее носит. На любом месте можно делать гадости. Или, наоборот, помогать людям.

А деду напомнил его же слова:

— Помнишь, ты же говорил, что уверен во мне. Мне бы хотелось, чтобы ты всегда верил в меня. Форма не меняет человека...

Глазову присвоили звание младшего лейтенанта госбезопасности. Он дал подписку о неразглашении. Получил положение об органах государственной безопасности, совершенно секретный документ, где написано, что органы госбезопасности наделены правом вести агентурную работу, прослушивать телефонные разговоры, перлюстрировать почтовую корреспонденцию и так далее. Ознакомился. Осознал, какие у него права и обязанности. А через пару месяцев новичка отправили на краткосрочные курсы по повышению чекистской квалификации — получать базовые познания по специальности в школе подготовки оперативных работников для территориальных органов государственной безопасности, через которую прошли все видные советские контрразведчики. Учиться Глазову предстояло год.

Развод с последствиями

Пройдет много лет, и Кристина Оазис расскажет Сергею Глазову:

— Когда я была совсем еще ребенком, то купила себе маленькую шоколадную фигурку. Положила ее на язык и проглотила целиком. Фигурка попала в желудок и странным образом не растаяла. Ночью я слышала, как фигурка что-то говорит, смеется или плачет. Тогда я не решилась сказать об этом даже матери.

В пять лет Кристина была грустным ребенком. В десять лет боялась выйти на улицу. В двенадцать, когда надолго оказалась в больнице, она так похудела, что кости выпирали наружу. Потом дело вроде как пошло на поправку. А в пятнадцать лет ее жизнь вновь наполнилась тоской и печалью. Она не позволяла себе радоваться, встречаться с мальчиками, ходить на дискотеку. А когда родители развелись, ей показалось, что рухнули и развалились сами устои жизни.

К тому времени Аристотель Оазис превратился в самого знаменитого миллиардера на земле. Он мог быть жестоким и не щадил никого, кто становился у него на дороге. Но умел быть и обаятельным, щедрым, внимательным. На женщин обезоруживающе действовало сочетание денег, сексуальной энергии и таинственности. Он легко соблазнил выдающуюся греческую певицу Марию Каллас, которую увидел в сентябре 1957 года в Венеции.

— Знаешь, вначале было только любопытство, — говорил Оазис другу, — мы же самые знаменитые греки в мире!

Но Мария Каллас по уши влюбилась в него. Это был настолько громкий роман, что Тина, жена Оазиса, прощавшая ему другие измены, подала на развод. Оазис этого не ожидал. Как и многие другие мужчины в таких

ситуациях, он надеялся сохранить и жену, и любовницу. А Тина Оазис жаловалась подругам:

— Люди считают нас идеальной парой, но они совершенно не понимают, что Аристотель — ходок, что он любит эту работу... Еще до свадьбы он хвастался тем, сколько побед одержал, сколько женщин в него влюблены... Я не хотела слушать об этом, но, не скрою, мне было приятно сознавать, что он оставил всех их ради меня. Теперь я понимаю, какой была наивной. Я не знаю, сколько именно романов он завел после свадьбы, но они были! И не один, это точно. Мне не раз говорили, что видели его с другими женщинами.

— А ты с ним разговаривала?

— Конечно же, он все отрицал. И не только получил то, что хотел, но мы так и не разошлись, я осталась дома.

А Оазис считал, что, заработав огромные деньги, он сделал семью счастливой, поэтому не принимал упреков жены и не раз повторял, что, если они разойдутся, это будет исключительно ее вина, и наотрез отказывался признать свою ответственность за разрушение семьи.

Наконец Тина решила, что ей следует позаботиться не только о других, но и о себе, постараться сохранить чувство самоуважения.

— Если ты подашь на развод, ты больше никогда не увидишь детей! — Эти слова Аристотель Оазис бросил ей в спину.

При разводе он заплатил Тине немалые отступные. Но детей суд оставил ему.

Когда мать покинула дом, впавшая в отчаяние Кристина всю ночь проплакала, а утром с ужасом смотрела на себя в зеркало. Она не могла смириться с тем, что предстало ее взору. Она сочла себя невероятной уродиной. Сказала, что больше не станет ходить в школу. Родственники переполошились:

— Ты же красивая девушка! Ты и нам нравишься, и другим людям.

Она им не верила и быстро погрузилась в депрессию. У нее исчез аппетит, развилась боязнь открытого пространства. Она запиралась у себя в комнате. Лежала на кровати и часами смотрела в потолок. Она отрезала себя от внешнего мира. Ни с кем не общалась. Даже не включала телевизор, чтобы не видеть красивых и счастливых людей.

Аристотель Оазис мало занимался детьми. Но в какой-то момент поведение дочери показалось ему странным. Он велел обратиться к доктору. Приехал именитый психиатр. Поговорил с ней и выписал рецепт на сильнодействующее лекарство. Оно действительно помогло, избавив ее от ощущения одиночества и безнадежности. Вернулась уверенность в себе. Но эти таблетки Кристина должна была принимать каждое утро. В противном случае, невыносимая тоска, безысходность и отвращение к самой себе немедленно возвращались. Словом, развод родителей дался ей дорого.

Тина Оазис со скандалом оставила Аристотеля. И тут же вышла замуж за его прежнего партнера, а ныне главного врага Ставроса Ниархоса. В отместку. Но уже скоро она убедилась, что новый муж ничем не отличается от прежнего. Ниархос во всем был очень похож на Оазиса. Они оба считали, что законы писаны не для них.

Тина слышала разговоры о том, что Ниархос убил свою первую жену, замаскировав это под самоубийство, — затолкал уже мертвой в рот таблетки снотворного. Его первая жена была сестрой Тины! Но она либо не поверила в эти рассказы, либо самоуверенно решила, что с ней у него этот номер не пройдет. И изменять ей она больше не позволит.

А сам Аристотель Оазис пребывал в отличном настроении. Мария Каллас рассчитывала, что Оазис на ней женится. Но в этом качестве она его не интересовала. Он очень грубо обращался с певицей, мог даже ее ударить. Друзья уговаривали Марию бросить Оазиса. Мария признавалась, что эта страсть — безумие, но она не в силах с ним расстаться. Аристотеля же она совсем перестала интересоваться после того, как потеряла голос и вынуждена была уйти со сцены. У него были другие планы. И другие женщины.

Оазис пристально следил за семьей Кеннеди, которых считал своими врагами, всерьез уверовав, что Роберт Кеннеди, средний из братьев, пытается его уничтожить, и объявил ему настоящую вендетту. Для Роберта эта маленькая война продолжалась полтора десятилетия, пока ему не всадили пулю в голову. А Оазис вел эту войну до конца своих дней, потому что и после смерти Роберта продолжал его ненавидеть. Это была схватка за власть, влияние, деньги и женщин.

Вернее, за одну женщину — Жаклин Кеннеди.

Глава четвертая

Смерть в Далласе

Юная Кристина Оазис считала молодого американского президента и его жену идеальной парой. Она не пропускала телевизионные новости, в которых показывали Жаклин Кеннеди, вырезала ее фотографии из модных журналов, изучала ее наряды, старалась подражать ее манерам и жестам.

Жаклин (или как ее называли в своем кругу — Джекки) Бувьер вышла замуж за многообещающего политика из знаменитого клана Кеннеди. Прекрасная партия! Правда, Джон вовсе не горел желанием заводить семью. Ему пришлось это сделать, потому что положение холостяка вредило его карьере.

Они встречались два года, а в мае 1953-го сенатор Джон Кеннеди преподнес ей кольцо с бриллиантами и изумрудами от ювелирной фирмы «Ван Клиф и Арпелс» и сделал предложение. Свадьба состоялась 12 сентября. На прием пригласили семьсот пятьдесят гостей. У церкви собралось несколько тысяч зевак, чтобы увидеть эту пару. На праздничный прием молодоженов доставил эскорт мотоциклистов. Джон и Джекки обосновались в Вашингтоне, потому что у него были большие планы.

После свадьбы Жаклин писала: «Возможно, я слишком ослеплена великолепием этого мира и нарисовала себе розовую жизнь с «принцем на белом коне», мужчиной моей мечты, не думая о том, что в душе могу ощущать себя маленькой, грустной домохозяйкой... Этот мир может быть блестящим снаружи, а внутри... вы одиноки».

Заклучив брачный союз с Кеннеди, Жаклин получила все, что считала важным, — деньги, положение в высшем обществе, внимание прессы. Поначалу она предпочитала ничего не знать о похождениях своего мужа. Знание опасно для брака. Чем меньше известно супругам, тем прочнее супружество. Но Джон даже не считал нужным держать свои приключения в секрете. Он словно ими бравировал, и у Джекки все чаще появлялась мысль о разводе.

В Голливуде она познакомилась с киноактером Уильямом Холденом, звездой номер один в те времена. Он был женат, считался хорошим отцом — у него было двое детей. При этом он сильно пил и был большим охотником за женщинами. Словом, он напоминал Джекки ее отца.

— Роман, — со знанием дела говорил Уильям Холден, — надо заводить с женщиной, которой, как и тебе, нечего терять.

Джекки в тот момент считала, что ей нечего терять. И позволила себя соблазнить. Это была месть.

После возвращения из Голливуда она вдруг обнаружила, что беременна. Джон Кеннеди был уверен, что ребенок не его, и спокойно отправился с приятелем кататься на яхте по Средиземному морю. Пока он там развлекался в компании красивых женщин, Джекки госпитализировали. Надеясь спасти ребенка, врачи прибегли к кесареву сечению, но девочка родилась мертвой. Новость совершенно не обеспокоила Кеннеди. Но приятели его урезонили:

— Если ты собираешься баллотироваться в президенты, немедленно возвращайся и будь рядом с женой, пока она находится на больничной койке, иначе все женщины Америки проголосуют против тебя.

Они с Джекки оказались на грани разрыва, но она все же решила остаться с мужем. Тем более что впереди его ждала предвыборная кампания...

На президентских выборах 1960 года Джон Кеннеди был избран президентом США. Но не успел он еще официально вступить в должность, как его попытались убить в первый раз. В воскресный декабрьский день они с женой поехали в церковь. У ворот их ожидала не толпа поклонников, а всего лишь один человек по имени Ричард Павлик. Не с букетом роз, а с зарядом динамита. Он полагал, что Кеннеди победил нечестно — купил выборы, потому намеревался врезаться на своей машине в лимузин нового президента и взорваться вместе с ним. Но, увидев красавицу Джекки, передумал.

— Я не хотел причинять зло ни ей, ни детям, — признался он арестовавшим его агентам секретной службы. — Я решил, что доберусь до Кеннеди в другой раз, когда его жены не будет рядом.

Так Джекки спасла жизнь новому президенту и себе самой. Она и не подозревала, что столько людей желает убить ее мужа и что многочисленная охрана — лишь иллюзия безопасности. Она не была готова к жизни в таком опасном мире...

Время неумолимо двигалось вперед, и вот через три года началась новая предвыборная президентская кампания. Джон Кеннеди со своей командой должен был совершить поездку в Даллас. С собой он взял и Джеки, так как она собирала большие толпы и большие деньги. Жены богатых техасцев, как и все американки, готовы были выложить по сто долларов за обед с первой парой, лишь бы своими глазами увидеть, во что одета Жаклин.

Нефтяные деньги Техаса имели немалое значение для борьбы за Белый дом. Кеннеди надеялся собрать не меньше миллиона в свой предвыборный фонд. И завоевать сердца техасских женщин.

Избирательниц в Соединенных Штатах было на три миллиона больше, чем избирателей-мужчин, и победа зависела от женских голосов. Джон Кеннеди знал, как его появление действует на слабый пол. Он производил на женщин впечатление, сравнимое с воздействием рок-звезды на распаленных музыкой слушателей во время концерта. Тем не менее, на прошлых выборах, в 1960-м, за его соперника Ричарда Никсона проголосовало больше женщин, чем за Кеннеди. Накануне новых выборов Джекки должна была перетянуть их на сторону своего мужа.

22 ноября 1963 года в 11 часов 55 минут в Далласе жена вице-президента Линдона Джонсона леди Берд наблюдала за тем, как президент с Джекки, а также Джон Коннэли, губернатор штата Техас, и его жена Нелли усаживаются в черный лимузин. Джекки положила на сиденье букет алых роз и посмотрела на безоблачное небо. Хорошо в такую чудесную погоду прокатиться в открытой машине...

Вице-президент с женой сели в другой автомобиль. В 12 часов 29 минут кавалькада выехала на перекресток, и леди Берд услышала то, что ей показалось звуком хлопушки, а оказалось выстрелами из винтовки.

Следующее, что до нее донеслось, был приказ, переданный по радио:
— Уходим отсюда!

Агент секретной службы прыгнул на переднее сиденье, повалил вице-президента Линдона Джонсона на пол и прикрыл своим телом. Она услышала, как застонал ее муж, который больно ударился, и тоже сползла вниз.

Стрелок вел прицельный огонь по пассажирам президентского лимузина.

Жена Джона Коннэли положила голову раненного мужа себе на колени и прикрыла собой. Губернатор то приходил в сознание, то впадал в беспамятство. Вдруг отчетливо произнес:

— Они нас всех хотят убить.

В ту роковую секунду Джекки смотрела в сторону, влево. Она никогда себе этого не простит:

— Если бы я в тот момент посмотрела направо, я бы увидела, как первая пуля попала в него, и спасла бы от второй.

Возможно, она могла уберечь мужа. Но на нее словно столбняк нашел. Третья пуля попала Кеннеди в голову.

А в Вашингтоне в эти самые минуты министр юстиции Роберт Кеннеди обедал — сделали перерыв во время большого совещания по организованной преступности. И тут ему позвонили. Это был звонок, который Роберт не забудет до самой смерти.

— У меня для вас новости, — сказал директор ФБР Гувер.

— Что случилось?

— В президента стреляли, — спокойно произнес Гувер.

— Что? Это серьезно?

— Думаю, что серьезно. Я ожидаю деталей. Позвоню вам, когда узнаю больше.

Через полчаса Гувер перезвонил своему министру:

— Президент мертв.

Эдгар Гувер знал, в чем вина ФБР. Бюро выпустило из-под наблюдения Ли Харви Освальда, стрелявшего в президента. Освальд даже не значился в списке опасных людей, который составляют агенты ФБР. Но он не позволил стране узнать о непоправимом промахе своего ведомства.

Кроме того, еще за два года до своей гибели Джон Кеннеди установил в овальном кабинете секретную систему подслушивания. По его указанию Белый дом превратился в частную звукозаписывающую студию. Занимался этим агент Роберт Бок, который, вообще-то, отвечал за поиск «жучков»

внутри президентского дома, но вместо выявления чужих подслушивающих устройств установил собственные.

Аппаратуру закупила военная разведка — за наличные, чтобы не оставлять следов. Кеннеди распорядился записывать и телефонные переговоры. С июля 1962 года и до конца его президентства было записано двести шестьдесят часов совещаний и переговоров.

Сотрудник секретной службы, услышав о смерти Кеннеди, первым делом отправился в западное крыло Белого дома и приступил к демонтажу подслушивающей системы. Когда вечером тело убитого президента доставили в Вашингтон, следы записывающей системы — магнитофоны и провода — уже исчезли.

Но все сохранить в тайне невозможно. Кое-что стало известно. От кого-то из знающих людей эта информация дошла и до Аристотеля Оазиса. И он потратил большие деньги, стараясь добраться до записей разговоров Кеннеди.

Прямо в самолете вице-президента Линдона Джонсона привели к присяге, и он стал новым главой государства. Он позвонил матери убитого президента Роуз Кеннеди:

— Если бы только Бог даровал мне возможность что-то сделать... Я хочу сказать вам, что мы скорбим вместе с вами.

— Большое спасибо, — ответила Роуз Кеннеди. — Я знаю, что вы любите Джона. И он любил вас.

Параллельно сотрудники президентского аппарата пытались связаться с государственным секретарем Дином Раском, который летел в другом самолете:

— Это оперативный штаб. Сообщение для госсекретаря. Мы получили известие о том, что президент мертв. Он скончался тридцать пять минут назад.

Войдя в овальный кабинет, Джонсон первым делом написал ласковое и трогательное письмо детям убитого президента: «Вы всегда будете гордиться своим отцом». Через три года, накануне дня рождения Джона Кеннеди-младшего, Джонсон отправил ему еще одно послание: «Когда мне исполнилось шесть, мне хотелось, чтобы было шестнадцать. А теперь я хочу, чтобы мне было шесть лет, как тебе».

Жаклин Кеннеди, ставшая вдовой, никак не могла прийти в себя. Она писала своему ирландскому священнику:

«Я чувствую обиду на Бога. Я должна заставлять себя верить, что Бог есть, иначе потеряю всякую надежду когда-нибудь снова увидеть своего

мужа. Если я когда-нибудь встречу с Богом, Ему будет трудно объяснить мне, почему Он это допустил».

Через два дня жена нового президента леди Берд приехала в Белый дом. Джекки, складывая вещи, напутствовала сменщицу:

— Не бойтесь этого дома. Мои самые счастливые годы прошли здесь. И вы будете здесь счастливы.

Покинув Белый дом, Джекки больше сюда не возвращалась, хотя получала приглашения на все государственные обеды. Линдон Джонсон хотел назначить ее послом в Мексику, уверял, что посольство отлично укомплектовано, и она, даже не имея опыта, вполне справится с дипломатической миссией. Новый президент, похоже, желал купить ее лояльность и тем самым освободиться от чар семейства Кеннеди. Но Джекки наотрез отказалась даже прийти для разговора в Белый дом:

— Не заставляйте меня вновь плакать.

Молодая вдова с двумя детьми, которая следует за гробом мужа, — эту душераздирающую сцену видел, наверное, весь мир.

С убитым попрощались в соборе Святого Матфея, где у подножия алтаря осталась мемориальная табличка: «На этом месте во время заупокойной мессы, отслуженной 25 ноября 1963 года, находилось тело президента Кеннеди, перенесенное затем на Арлингтонское кладбище, где оно покоится и ныне в ожидании воскресения на небесах».

Когда президента Джона Кеннеди застрелили, Аристотель Оазис воодушевился. По одной причине — он твердо решил жениться на Жаклин.

Кристина смотрела тогда все репортажи из Америки. Она, как и многие, сочувствовала очаровательной вдове, которую пуля убийцы лишила такого чудесного мужа. Кристина всегда восхищалась элегантной, стильной и красивой спутницей энергичного американского президента. Ей и в голову не могло прийти, что Жаклин Кеннеди станет женой ее отца. Когда это случится, едва ли не весь мир будет обсуждать сенсационную новость, и многие почувствуют себя обиженными, словно Джекки изменила им самим:

— Как вы могли, Жаклин? Как вы могли после Джона Кеннеди выйти за этого человека?..

Единственным препятствием для брака оставался младший брат убитого президента Роберт Кеннеди. Он ненавидел Аристотеля Оазиса.

Бобби бросил в сердцах:

— Пока я жив, Жаклин за этого грека не выйдет.

Роберт Кеннеди ушел с поста министра юстиции. Победив на выборах, стал сенатором от штата Нью-Йорк. А вскоре решил баллотироваться в президенты. Отец десяти детей, очень набожный, моралист, он бросил

вызов судьбе. Роберт Кеннеди нуждался в политической поддержке Джекки. Понимал, что во время избирательной кампании ему понадобится рядом неутешная вдова убитого президента, которую американцы обожают.

Джекки объяснила Оазису, что им придется подождать. Она согласилась выйти за него замуж, но тянула с объявлением о грядущей свадьбе. Говорила, что не знает, как сообщить об этом всему семейству Кеннеди.

Аристотель же подозревал, что у Джекки начинается роман с Бобби, который во всем хотел заменить своего убитого брата (хотя он искренне и очень тяжело переживал его смерть). Они ходили, взявшись за руки, шептались в укромных уголках. Очень романтично. Роберт уделял столько времени Джекки, что о его отношениях с золовкой пошли сплетни.

— И что ты намерена предпринять? — спрашивали жену Бобби Этель. — Твой все время торчит у вдовы.

Однажды, когда уже шла предвыборная кампания Роберта, Джекки заметила:

— Правда, чудесно будет, если мы вернемся в Белый дом?

Этель посмотрела на Джекки ледяным взглядом:

— Что значит — мы? — и вышла из комнаты.

Жена Бобби, многодетная мать, знала, что муж с ней никогда не разведется. Не бросит жену и детей, потому что развод сломает его политическую карьеру. Что касается романтических увлечений... Этель, может быть, больше, чем сам Роберт, хотела, чтобы он стал президентом, а Джекки была важнейшим инструментом в завоевании голосов. Ради этого Этель готова была простить мужу даже измену.

Но Аристотель Оазис тоже желал обладать Джекки и не намеревался ждать до бесконечности. Все чаще он задумывался о том, что, если бы ненавидимый им Роберт Кеннеди исчез, все бы устроилось наилучшим образом. А Оазис был из тех людей, которые не останавливаются, пока не добьются своего. Он был не в силах отделаться от мыслей о Бобби. Это стало манией.

У Аристотеля были финансовые интересы на Гаити, где распространена мистическая религия вуду. Президент Гаити Франсуа Дювалье запугивал своих соотечественников, объявив себя не только черным колдуном, но и вождем мертвых, посланцев загробного мира. Оазис принял участие в старинном обряде, когда колдуны, повторяя ритуальные заклинания, проклинали братьев Кеннеди. Поклонники вуду были уверены: если изготовить куклу врага и колоть ее иголками, то враг теряет здоровье и погибает...

Через полтора месяца самолет сенатора Эдварда Кеннеди попал в катастрофу. Аристотель Оазис торжествующе сказал другу:

— Слушай, это вуду и вправду действует. Но попался не тот Кеннеди.

И тут он познакомился с людьми, которые показались ему эффективнее колдунов вуду...

Правительство Греции предложило ему купить национальную авиакомпанию всего за два миллиона долларов. Оазис обязался превратить ее в авиакомпанию мирового класса. В обмен правительство обещало ему не брать с него налоги и компенсировать затраты при покупке новых самолетов. Аристотель стал единственным в мире частным владельцем национальной авиакомпании.

В январе 1968 года люди из окружения Оазиса познакомились в Париже с человеком, который называл себя доктор Майкл Хасснер и представлялся консультантом Арабского банка. Он сказал, что поможет Оазису с финансированием авиакомпании. Когда его привели к доверенному советнику Оазиса, гость изложил подлинную цель своего прихода. Мнимый доктор представлял вовсе не банк, а палестинскую боевую организацию. И он пришел не с деньгами, а за деньгами: потребовал выплатить его боевой группе триста пятьдесят тысяч долларов. В обмен обещал не взрывать самолеты принадлежавшей Оазису авиакомпании.

В окружении Оазиса не удивились этому требованию:

— Нас шантажируют постоянно. Приходится платить. Иначе невозможно. Собственно, никто не называет это взятками. Это бизнес.

Аристотель Оазис пожелал сам поговорить с шантажистом. Встречу устроили в парижском кафе. Лысый, с черными усами палестинец выглядел старше своих лет. Он слегка улыбался, когда говорил, хотя высказывался отнюдь не на смешные темы. Оазису понравился этот палестинец. У них нашлось немало общего.

Мнимый доктор Хасснер не назвал тогда Оазису свое подлинное имя. А звали его Махмуд Хамшари. Он занимал видное положение в созданной Ясиром Арафатом палестинской боевой организации ФАТХ. После оглушительного разгрома арабских армий Израилем в шестидневной войне 1967 года соратники Ясира Арафата устроили совещание в Дамаске. Именно Хамшари предложил тогда нанести удар по Америке:

— Нам надо убить какую-то видную политическую фигуру, и тогда в Вашингтоне задумаются, стоит ли им поддерживать Израиль.

Тем временем нетерпеливый Аристотель Оазис постоянно названивал Джекки и настаивал, чтобы она назначила дату их свадьбы. Но Джекки не спешила. Она едва ли испытывала к Оазису большие чувства, чем к другим своим любовникам. Настоящая страсть у нее была к деньгам... Она понимала, что ее брак со столь непопулярным в Америке человеком многих огорчит. Но ей уже исполнилось тридцать восемь лет. Она считала, что достаточно ей исполнять роль неутешной вдовы, вызывая всеобщее восхищение.

Осенью 1968 года исполнялось пять лет со дня смерти ее мужа. После ноябрьских выборов будет ясно, займет ли Бобби место в Белом доме. И это лучшее время перестать быть вдовой. Роберту Кеннеди пришлось согласиться на компромисс: он не станет возражать против ее брака, если об этом будет объявлено после президентских выборов.

Но Оазис решил, что Бобби опять его перехитрил. Он повторял:

— Если только он попадет в Белый дом, он вышвырнет меня за борт.

Именно в этот момент палестинский террорист Махмуд Хамшари взялся уладить дело с Бобби. Хамшари потребовал первый взнос — двести тысяч долларов. Разумеется, наличными.

Подумав, Оазис сам передал ему деньги.

Глава пятая

Лесная школа

Учебное заведение для разведчиков в конспиративных целях именовали 101-й школой. Она находилась на двадцать пятом километре Горьковского шоссе, поэтому слушатели говорили: «двадцать пятый километр» или «лес». Под школу действительно отвели большой массив леса, окруженный высоким забором.

Там находились учебные аудитории, общежитие и спортивные сооружения. Ночью территорию патрулировали с собаками. Комнаты на двоих, комфортные и удобные. Кормили прекрасно. Спортзал и бассейн.

Утро начиналось с интенсивной физподготовки. Размявшись, слушатели завтракали и приступали к занятиям — до шести вечера. Когда преподаватели уходили — самоподготовка. Прекрасная библиотека с подшивками иностранных газет на разных языках.

Больше всего времени в школе уделялось именно изучению иностранных языков. Глазов зубрил английский и греческий. Начальник курса не уставал повторять:

— Вам предстоит опасная служба, поэтому вы должны хорошо подготовиться.

Специальные дисциплины показались Сергею безумно интересными: умение вести агентурную работу, навыки получения информации. Изучали методы контрразведки, потому что нужно знать, как против тебя будет работать противник. После теоретического курса — практические занятия в Москве. Учились тайно проводить встречи, обнаруживать наблюдение и уходить от слежки.

Для наружного наблюдения за слушателями лесной школы привлекали «боевых», то есть профессионалов из седьмого управления КГБ. Если слушатель не замечал слежки, ему ставили «неуд». Если уверял, что за ним следили, а «хвоста» не было, — тоже ставили «неуд».

Отчеты о поведении слушателя составляли действующие офицеры — и тот, кто играл роль агента, с которым следовало провести встречу, и тот, кто вел наблюдение. Они оценивали действия будущего разведчика... Снисходительности в их оценках не наблюдалось. Офицеры внутренних подразделений ревностно относились к будущим разведчикам — «белая кость», им предстояло работать за границей.

На практических занятиях Глазов отличился, когда обнаружил слежку. Он обратил внимание на пожилую по виду женщину, будто бы ожидавшую трамвай. И вдруг ему показалось, что он ее уже видел. Только раньше она выглядела заметно моложе. И понял почему: сейчас она была в платке и седом парике.

Сергей не поехал на то место, где была намечена встреча с агентом. Вместо этого с удовольствием сходил в кино. А наутро доложил преподавателю:

— Я обнаружил слежку, поэтому вынужден был уклониться от встречи. Пара — он и она — следили за мной. Потом она переоделась и ждала меня на трамвайной остановке.

— А как ты определил, что это она? Как ее узнал? — недоверчиво спросил преподаватель.

— Она была в седом парике и платке, горбилась. А обувь не сменила, так и осталась в легких девичьих босоножках.

Полковник Куприянов выбирает свободу

В лишенном окон зале № 17 женевского Дворца наций, где шла конференция, взгляду новичка предстала впечатляющая, но казавшаяся странной картина: ряды столов, утыканных классификационными табличками, были почти пусты, зато множество делегатов сновало в проходах. Зал жужжал, переговаривался, шуршал бумагами. Свои места дисциплинированно занимали лишь советские дипломаты.

Делегации располагались полукругом, обращенным к президиуму. Выступали с места, поэтому лиц выступавших из зала не было видно. Вверху, за толстыми стеклами кабин синхронного перевода, шевелили губами переводчики, обладатели равнодушных голосов, бесстрастно излагавших

позиции делегатов. У полковника Куприянова возникло ощущение, что никто никого не слышит, да и не слушает.

В комиссии кипела закулисная деятельность. Руководители делегаций приглашали друг друга на деловые завтраки и обеды. Но не из соображений чревоугодия. Каждая делегация прибыла в Женеву с определенными задачами, смысл которых — добиться принятия одних резолюций или блокирования других. Поэтому делегации активно вербуют себе сторонников, уговаривая проголосовать за нужный проект.

Куприянов вышел из зала заседаний. Рядом находился большой кафетерий. Некоторые делегаты, устав от трудов праведных, спали прямо в креслах, без стеснения положив ноги на большие стеклянные столики, уставленные пустыми чашками. Он внимательно осмотрел кафетерий и, не увидев ни одного советского делегата, подошел к одному из дремавших дипломатов, которого хорошо знал, сел рядом и вполголоса сказал:

— Я — полковник Куприянов из советской разведки. Я готов сообщить вашему правительству все, что я знаю, в обмен на политическое убежище.

Американский дипломат приоткрыл глаза:

— Чем вы можете подтвердить свои слова?

— Вам известно, кто я такой. Я готов начать рассказывать, как только мы сядем в самолет, вылетающий в Соединенные Штаты.

— Не я принимаю такие решения, — все еще колебался американец.

— Так скорее доложите своему начальству!

Американец резко поднялся и бросил через плечо:

— Следуйте за мной!

Зал Дворца наций превратился в поле боя, ристалище, где противостоящие стороны схватились не на жизнь, а на смерть. Увлеченные нанесением друг другу ударов, делегаты с гордостью подсчитывали набранные очки.

Никто из советских делегатов не заметил, как ушел полковник Куприянов. По просьбе руководства КГБ СССР он был включен в делегацию в качестве эксперта для контрразведывательного обеспечения работы советских дипломатов.

Через неделю американские газеты сообщили, что полковник госбезопасности Куприянов попросил политического убежища.

«Твои дети в черном списке»

Бобби Кеннеди вел успешную борьбу за голоса избирателей. Опросы общественного мнения сулили ему победу на президентских выборах. Он должен

был стать следующим хозяином Белого дома. И никто не мог знать, что его судьба уже решена, что исход выборов определяют те самые двести тысяч долларов наличными, которые Оазис передал палестинскому террористу Махмуду Хамшари.

Роберт имел все шансы стать президентом Соединенных Штатов Америки. Он успешно обгонял своих соперников. Сотрудники его штаба напрасно умоляли его быть осторожнее.

— Если захотят меня прикончить, — отвечал он, — то сделают это. Прикончили же они Джона, которого охраняла секретная служба.

Бобби одерживал одну победу за другой на предварительных выборах в различных штатах. Но странная атмосфера обреченности сгущалась вокруг него. Один французский писатель, который через три года покончит с собой и который, как многие будущие самоубийцы, словно чувствовал приближение смерти, сказал ему:

— Кто-то собирается убить тебя.

Но мужества Роберту Кеннеди было не занимать. Он ответил:

— Я сам думаю, что рано или поздно меня попытаются убить. И даже не по политическим мотивам. Но от покушения невозможно спастись. Мне либо повезет, либо нет.

На предварительных выборах в штате Калифорния Бобби одержал убедительную победу. Удовлетворенно сказал:

— Я, наконец, чувствую, что вышел из тени моего брата. Теперь я понимаю, что всего достиг сам. А то все эти годы мне казалось, что поддерживают не меня, а Джона.

5 июня 1968 года, уже за полночь, после очередной победы на первичных выборах Роберт Кеннеди произнес зажигательную речь перед своими сторонниками и отправился на пресс-конференцию в отеле «Амбассадор». Чтобы сократить путь, его повели через кухню. Она и стала местом убийства.

Среди кухонных рабочих находился молодой человек с пистолетом. В узком коридоре он выстрелил в Кеннеди из револьвера двадцать второго калибра и попал прямо в голову. Еще две пули угодили в правую руку, потому что Роберт рухнул на пол. Убийца продолжал стрелять, пока помощники Кеннеди не повалили его на пол.

— Я сделал это для своей страны! — кричал убийца.

Его едва не линчевали, но телохранители Кеннеди сдержали толпу:

— Нам не нужен еще один Освальд!

Ли Харви Освальд, за пять лет до этого застреливший в Далласе Джона Кеннеди, сам был убит и не дал показания на суде.

Аристотелю Оазису сообщили на яхту, что в Роберта Кеннеди стреляли, но он еще жив. Судовладелец попросил перезвонить, когда Кеннеди будет мертв...

Бобби отвезли в больницу. Его сердце билось еще двадцать часов. Но врачам не удалось его спасти. Утром 6 июня его пресс-секретарь сказал журналистам, что сенатор мертв. Ему было всего сорок два года.

Последний из братьев Кеннеди, сенатор Эдвард Кеннеди, тоже ушел из жизни. Среди его тайн — та же пылкая страсть к вдове старшего брата Жаклин. Он страшно боялся ревнивого Аристотеля Оазиса, пребывал в постоянном страхе, что однажды ночью убийцы доберутся и до него, и обреченно повторял:

— Меня грохнут, как Джека и Бобби...

Когда застрелили Роберта Кеннеди. Аристотель Оазис сразу подумал о Джекки:

— Наконец-то она свободна от Кеннеди. Последняя ниточка оторвалась. — И, вспомнив о Бобби, чье тело лежало в морге, теперь уже без ненависти, снисходительно бросил: — У этого мальчика было все, кроме удачи.

Гроб с телом Роберта Кеннеди отправили в Вашингтон на поезде.

Убийцу кандидата в президенты задержали и обыскали. В его карманах нашли четыре сотенные ассигнации и вырезку из газеты с приглашением на встречу с Робертом Кеннеди. Он был на удивление спокоен. Отказался назвать свое имя. В полиции решили, что он убийца-профессионал, которого кто-то нанял. Сняли отпечатки пальцев — у него не было уголовного прошлого. Проследили историю револьвера — орудия убийства, и выяснили, что он был куплен в магазинчике в Пасадене. Продавец и опознал убийцу: им оказался его брат — Сирхан Бишара Сирхан, уроженец Западного Иерусалима. Полиция обнаружила его дневники, в которых он писал о своем желании убить Роберта Кеннеди. Причем он решил казнить Бобби именно 5 июня, в первую годовщину неудачной для арабов шестидневной войны.

Многие пытались понять, почему Сирхан Сирхан стрелял именно в Роберта Кеннеди. Его соперники, другие кандидаты, претендовавшие в тот год на пост президента Соединенных Штатов, — Юджин Маккарти, Ричард Никсон, Хьюберт Хэмфри — поддерживали Израиль значительно активнее. И никто не знал, что это убийство было организовано Махмудом Хамшари, который обещал товарищам-палестинцам убить кого-то из видных американцев, а Аристотелю Оазису — избавить его от Бобби Кеннеди.

17 апреля 1969 года Сирхан Сирхан был приговорен к смертной казни. Его ждала газовая камера. Но казнь заменили пожизненным заключением,

когда верховный суд Соединенных Штатов постановил, что смертные приговоры неконституционны.

Махмуд Хамшари получил повышение и стал представителем Организации освобождения Палестины в Париже. Но товарищи выяснили, что он утаил деньги, которые должен был передать на общее дело, и им занялись агенты израильской разведки «Моссад». Махмуд участвовал в убийстве безоружных израильских спортсменов на мюнхенской Олимпиаде 1972 года, и израильтяне решили, что Хамшари должен ответить за это преступление. На него было совершено покушение, в результате чего он скончался в больнице.

Махмуд Хамшари уже никому не мог рассказать, кто дал ему деньги на убийство Роберта Кеннеди. Но его соратники знали. Они пришли к Оазису и назвали сумму, которую хотели бы получать ежемесячно.

Аристотель решил не платить.

— С какой стати? Дело сделано. Мы в расчете. Я больше никому ничего не должен.

После смерти Роберта Джекки пребывала в отчаянии:

— Я ненавижу эту страну, я не хочу, чтобы мои дети здесь жили! Если охотятся за всеми Кеннеди, тогда рано или поздно доберутся и до моих детей.

Оазис послал за ней самолет. А утром ему позвонили по личному номеру, известному немногим, и предупредили, что в самолет его авиакомпании, которым Джекки с детьми собирались вылететь в Афины, заложена бомба.

Вылет отложили на четыре часа. Полиция перерыла все, но бомбу не нашла. На следующий день Оазису позвонили и объяснили:

— Если не станешь платить, в следующий раз самолет взорвут без предупреждения.

— Я вам ничего не дам. Я плачу только за работу, — твердо ответил он. И услышал в ответ:

— Отныне и ты, и твои дети в черном списке.

Самоуверенный по натуре Аристотель Оазис не поверил в угрозу.

Глава шестая

КГБ. Партком № 2

Юрий Куприянов вошел в комнату партийного комитета с бледным, как полотно, лицом. Он уже знал, что его отец официально попросил политического убежища у главного врага, в Америке. Секретарь парткома диктовал своему заместителю по оргвопросам текст спешно составляемой записки:

— Выяснилось, что бывший полковник Куприянов был принят на работу в органы госбезопасности с нарушением установленного порядка и без изучения его личных, деловых и политических качеств, хотя, как стало теперь известно из архивных материалов, он являлся человеком с низкими морально-политическими качествами. Вел развратный образ жизни, систематически пьянствовал и допускал другие аморальные проступки.

Однако коммунисты парторганизации не глубоко знали личные и деловые качества Куприянова, поэтому оказывали ему доверие при решении различных служебных и общественных вопросов. В частности, Куприянов неоднократно направлялся в служебные заграничные командировки. Находясь в составе советской делегации в Женеве для контрразведывательного обеспечения, он исчез и, как стало известно из сообщений зарубежной прессы, обратился к американским властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища. При встрече с представителями советского посольства в Вашингтоне Куприянов отказался вернуться в Советский Союз и таким образом встал на путь измены Родине...

Закончив диктовать, секретарь распорядился:

— Перепечатай и бегом к зампреду. Он уже ждет — ему в ЦК ехать. Скажи, текст согласован на заседании парткома номер два! — Затем повернулся к Куприянову-младшему: — Сегодня партийное собрание. Будем твоего отца исключать из партии. Дело, конечно, твоей партийной совестью, но товарищи ждут от тебя принципиальной оценки предательства бывшего полковника Куприянова.

— А что насчет меня? — тихо спросил Юрий.

— Поведешь себя правильно, останешься в действующем резерве. Я слышал у зампреда разговор относительно твоего перевода в таможеню. Должность такая же. Будешь там обеспечивать наши интересы. Хороший для тебя вариант.

Ясенево. Первое Главное управление

Начальник внешней разведки Владимир Александрович Кружков поражал заботой о собственном здоровье. Жил он на даче в поселке первого главного управления КГБ. Это хорошо охраняемое, малолюдное, невидное и комфортное место. Говорят, что поселок строился в чисто служебных целях — в качестве гостевых домиков для приема руководителей братских разведок. Но поселок оказался таким симпатичным, что Кружков поселился там сам и поселил своих заместителей и начальников важнейших

направлений. Он каждое утро вставал без четверти шесть и час делал зарядку на улице в любую погоду, когда бы ни лег накануне. Ровно в девять сидел на рабочем месте.

Когда подполковник Куприянов впервые вошел в огромный кабинет, отделанный импортными материалами, Кружков читал справку, а левой рукой безостановочно сжимал резиновый мячик. Он сухо кивнул Куприянову, предложил сесть и сказал:

— Начальник вашего отдела предложил убрать вас из центрального аппарата после бегства полковника Куприянова.

Юрий побелел. Жизнь рушилась.

— Но я не склонен так поступать, — продолжил Кружков. — Я считаю вас чекистом, глубоко преданным нашему делу. Сын за отца не отвечает. Я доверяю своим людям. Более того, я намерен вас повесить. Ваш начальник отдела уходит на заслуженный отдых. Вы займете его место. Вам предстоит заняться особо важным делом, которое требует деликатности. Товарищи из Второго главка налаживают контакты с судовладельческой компанией Оазисов. Они действуют самостоятельно. Но наш долг им помочь. Посмотрите — аккуратно! — что и как делается. Ясно?

Свадьба Аристотеля и Джекки

20 октября 1968 года Джекки вышла замуж за Аристотеля Оазиса.

Свадьба оказалась шоком для миллионов поклонников Жаклин Кеннеди по всему миру. Они чувствовали себя обманутыми и разочарованными. Пресса откликнулась трагическими заголовками: «Сегодня Джон Кеннеди умер во второй раз».

Никто не понимал, почему Джекки так поступила. А она объясняла так:

— Я хотела бежать из страны, где следующей целью стали бы мои дети.

Теперь Кристина Оазис с такой же страстью возненавидела Жаклин Кеннеди, с какой раньше восхищалась ею. Отныне она презирала американку, пожелавшую занять место ее матери, и часто повторяла:

— Она сделала это только ради денег моего отца!

21 апреля 1967 года в Афинах пришли к власти черные полковники. Оазису пришлось налаживать отношения с новыми людьми в Греции. Аристотель рассчитывал благодаря браку с Жаклин Кеннеди вернуться в Соединенные Штаты с триумфом. Но Джекки не ввела его в высшее общество, напротив, высшее общество от него отшатнулось. Его терпели, но не более того. Своим друзьям он честно признавался:

— Я сваял дурака.

В результате Оазис решил развестись с Джекки. Нанял нью-йоркского адвоката Роя Кона, который тоже ненавидел семейство Кеннеди — когда-то Роберт хотел занять его место в аппарате сенатора Маккарти. Рой Кон работал на нью-йоркского предпринимателя Доналда Трампа, у которого часто возникали проблемы с правоохранительными органами.

Аристотель объяснил адвокату, что Жаклин требует за развод слишком много, а он не намерен платить лишнее. Рой Кон предложил устроить слежку за Джекки, чтобы обвинить ее в супружеской неверности. Тогда она не получит ни копейки.

Как всегда, Оазис пытался искать утешение в бизнесе. Он намеревался построить нефтеперерабатывающий завод возле Афин, чтобы захватить европейский рынок, а сырую нефть поставлять из Советского Союза.

План держался в секрете и во внутренних документах его компании получил кодовое наименование «Омега». Аристотель Оазис вознамерился держать в руках всю цепочку — перевозка нефти, переработка и продажа нефтепродуктов. И договаривался с Москвой об условиях нефтяной сделки, которая могла стать сделкой века.

Комитет государственной безопасности. Кабинет Андропова

Заместитель начальника внешней разведки генерал Калиниченко и заместитель начальника Главного управления контрразведки генерал Игнатенко вошли в кабинет председателя. Юрий Владимирович Андропов, бледный и печальный, встретил их со стаканом воды в руке — он запивал лекарство. Спросил Калиниченко:

— Как у вас дела в лесу? — И с нескрываемой тоской в голосе добавил: — Как бы я хотел посидеть у пруда, среди зелени и цветов.

— Так действительно давно у нас не были, Юрий Владимирович, приезжайте! — откликнулся генерал Калиниченко. — И дела обсудим на месте, и прогуляемся, подышим свежим воздухом.

— Некогда... — вздохнул Андропов. — Садитесь. Что случилось? Кто доложит?

— Наши палестинские друзья, — начал Калиниченко, — вновь просят оказать содействие спецтехникой и материалами... На этот раз им нужны ракетные установки и взрывчатка.

— Они постоянно обращаются с такими просьбами, — пожал плечами Андропов. — Кого они хотят атаковать?

— Они назвали цель, — продолжал Калиниченко. — Планируют взорвать судно, которое везет купленное в Израиле оборудование. Оно куплено Аристотелем Оазисом для своего нового завода, того самого, на который мы собираемся поставлять свою нефть для переработки. Переговоры идут полным ходом.

— Неприятная история, — встревожился Андропов.

— Я считаю, что на этот раз мы должны отказать палестинцам, — вмешался Игнатенко. — Проект с Оазисом крайне важен для нас.

— Конечно, Григорий Федорович в нефтяных делах глубже разобрался, — сказал Калиниченко. — Но мы же знаем наших палестинских друзей. Если мы откажем им в ракетах и взрывчатке, они все получают у китайцев. Но мы уже ничего не будем знать об их планах. И лишимся в случае необходимости возможности повлиять на них. Я бы все тщательно взвесил.

— Юрий Владимирович, — настаивал Игнатенко, — дело не только в том, что мы крайне заинтересованы в строительстве Оазисом этого завода. Единственная компания, которая способна обеспечить экспорт нефти в нужных нам количествах, — это компания Аристотеля Оазиса. И он готов сотрудничать.

— Делегация «Совфрахта» готовится к поездке в Афины, — уточнил Калиниченко. — Перспективы переговоров неплохие. Там будет и наш человек, так что мы в курсе всех деталей. Но первый контракт, который может быть подписан, скромн.

— У нас с Аристотелем Оазисом давняя история взаимоотношений, я вам рассказывал, Юрий Владимирович, — напомнил Игнатенко. — Мы ему помогали в весьма деликатных делах... Я так понимаю, он вновь нуждается в помощи... А со своей стороны он гарантирует масштабное и выгодное для страны сотрудничество... Если, конечно, не будет взорван завод, который он строит, чтобы перерабатывать нашу нефть. Еще раз выскажу свое мнение: на сей раз в наших интересах отказать палестинцам.

Андропов не спешил с окончательным ответом:

— Мне надо подумать, посоветоваться... Только не втягивайте меня ни в какие авантюры...

Москва. Квартира Громыко

Поздно вечером от Андрея Андреевича ушел дежурный помощник с подписанными документами. Оставил ему пачку свежих телеграмм.

Вооружившись синим карандашом, Громыко начал их просматривать. Если соглашался с документом, то ставил карандашом свои инициалы

«А. Г.» Если не соглашался, то просто перекладывал в папку просмотренных документов.

В комнату, постучав, вошел Анатолий.

— Папа, могу на секунду?

— Конечно, — кивнул Андрей Андреевич.

— Странная история, — поделился с отцом Анатолий Громыко. — Мы с Валентином Михайловичем Рожковым, тебе хорошо известным, написали книгу. Ее издавали. Отзывы хорошие. Нас обоих пригласили на международную конференцию в Стокгольм. Ехать завтра. На меня решение ЦК пришло — я еду. А на Рожкова решения все еще нет. Как ты думаешь, папа, что это означает?

Старая площадь. ЦК КПСС

Заведующему отделом ЦК партии, который ведал подбором кадров для работы за границей и разрешениями на поездки за границу, по АТС-1 позвонил председатель КГБ:

— Мои ребята засекли примечательный междусобойчик. Один участник светского раута заметил: выдворенные из страны диссиденты неплохо устриваются, на что журналист-международник Рожков Валентин Михайлович бросил реплику: умный человек нигде не пропадет... Похоже, он и себя к таким же умникам относит. Не будем предоставлять ему подобную возможность. Комитет государственной безопасности рекомендует закрыть Рожкову поездки за рубеж вместе с женой. Просьба поддержать это решение.

— Рожков вместе с младшим Громыко написали монографию, — задумался заведующий отделом. — Вы это обстоятельство учитываете?

— Тем более, надо оторвать этого Рожкова от младшего Громыко. Мы обязаны позаботиться о репутации министра иностранных дел, о его детях... Мы же все очень ценим Андрея Андреевича, — произнес председатель КГБ.

Заведующий отделом поднял трубку внутреннего телефона и распорядился:

— Пригласите Рожкова завтра утром и поставьте в известность о нецелесообразности его поездки за границу в нынешних условиях.

ЦК КПСС. Отдел пропаганды

Рожкова вызвали на Старую площадь к инструктору отдела пропаганды ЦК.

— Вы не могли бы завтра прибыть ко мне в девять утра?

Тон не сулил ничего хорошего.

— А по какому поводу? — поинтересовался Валентин Михайлович.

— Вопрос на месте.

На следующий день без десяти девять Рожков предъявил партбилет офицеру в десятом подъезде ЦК КПСС, без пяти девять прошел от лифта по пустому коридору к кабинету, где его уже ждали. Инструктор отдела, строгая дама с пышной прической, сидела в комнате одна. Стол напротив пустовал.

— Мы не можем отпустить вас на Запад, — вкрадчивым голосом проговорила она. — Империалисты безразличны к своим кадрам, а мы свои кадры ценим и бережем.

— Но, позвольте, — возмутился Рожков, — меня приглашают на научную конференцию, важную и для нашей страны, а не в бандитское гнездо.

— Мы знаем, что творится на Западе, — убежденно сказала инструктор отдела пропаганды, — и не можем поручиться, что они вам не сделают какой-нибудь укол... И вы начнете говорить совсем не то, что думаете на самом деле.

Министерство иностранных дел. Кабинет Громыко

В кабинет вошел крайне озабоченный заместитель Громыко Новиков и чуть ли не с порога начал:

— Андрей Андреевич, мне передали, что вы распорядились оформить на работу в министерство Рожкова Валентина Михайловича. Может быть, кадровики вас не поставили в известность? У него были серьезные проблемы в прошлом. Стоит ли нам брать такого человека?

— Мне об этом ничего не известно, — холодно посмотрел на него Громыко. — Официальных документов, предупреждений, предостережений я не получал. А к слухам не прислушиваюсь. И вам не советую... Я намерен укрепить отдел печати. Полностью перестроить его работу. Он у нас слабоват. Не заметен. А у американцев пресс-секретарь государственного департамента — фигура. Каждый день проводит пресс-конференции. Наши работники к этому не приучены. А Рожков сможет. Поэтому оформляйте его сразу первым заместителем заведующего отделом печати Министерства иностранных дел.

— Номенклатурная должность, — напомнил Новиков. — Надо обращаться за согласием на Старую площадь. Понадобится решение секретариата ЦК КПСС.

— Я подпишу представление, — успокоил его Громыко. — Думаю, моей подписи будет достаточно, чтобы секретариат поддержал нашу кандидатуру.

Москва. Квартира Громыко

— Странная история произошла с этим журналистом, Рожковым, с которым Толя книгу вместе написал. Ты ведь знаешь? — задумчиво посмотрела на мужа Лидия Дмитриевна.

— Ничего странного, — поморщился Громыко. — Аппаратные игры. Я отвел угрозу от соавтора моего сына. Мне не нужно, чтобы соавтор Анатолия Громыко числился среди сомнительных персонажей... Может быть, я перестраховываюсь, но слабость выказывать опасно.

— Я так удивилась, узнав, что ты назначил Новикова своим заместителем по кадрам. Мне кажется, ты никогда его высоко не ценил... Языков он не знает... Не очень образован, мягко говоря... И вдруг ставишь на ключевую должность.

— Не моя инициатива, — признался Андрей Андреевич. — Я хотел отправить его послом. В ЦК решили, что здесь он нужнее. И именно ему поручили кадры.

— И ты не мог этому помешать? — поразилась Лидия Дмитриевна. — У тебя такие хорошие отношения с Леонидом Ильичом.

— Это как раз его решение. Леонид Ильич, прежде всего, — политик. Он хочет все и всех контролировать. По-своему, он прав.

Глава седьмая

Проиграл — все потерял

Американец Ларри Андерсон, расставшись с ЦРУ, пять лет руководил службой безопасности судовладельческой компании Аристотеля Оазиса, хозяина крупнейшего в мире танкерного флота. Обосновавшись в Афинах, Андерсон впервые в жизни зарабатывал очень большие деньги. Хотя иметь дело с Оазисом — тяжкое испытание. Хозяин компании умел внушать страх. Настроение его менялось с пугающей быстротой. У Оазиса был бешеный темперамент. Один из друзей сказал об Аристотеле:

— Очаровательный психопат, лишенный моральных принципов.

К вспышкам его гнева Ларри Андерсон привык. Но когда Оазис пустил в ход руки и ударил его за то, что служба безопасности вовремя не обнаружила подслушивающие устройства в квартире Александра Оазиса...

Оскорбленный до глубины души Ларри напился, как никогда в жизни. В баре познакомился с «добрыми» людьми, которые, сочувствуя душевным страданиям американца, прихватили его с собой в закрытый клуб, где играли по-крупному. Карты помогают отвлечься.

Просто так в клуб не придешь. Чужим здесь не рады. Игрок звонит в дверь в условленное время и называет свое имя. Его рассматривают через «глазок» или через встроенную видеокамеру. Новенького обязательно должны знать. Если охранник видит игрока в первый раз, его пустят, только если кто-то из пришедших подтвердит, что знаком с ново-прибывшим.

Охранники, коротко стриженные молодые парни с пустыми глазами, окинули Ларри равнодушным взглядом — американца привели надежные люди. Он вдохнул запах игровой комнаты. И ему понравилось! Ларри усадили за стол, за которым играл профессионал. Его звали Деметриус.

Деметриус положил ладони на стол и прикрыл глаза. Нужно заставить себя не видеть, а чувствовать вещи. Закрывать глаза и представить себе предмет, на котором сейчас лежат твои пальцы. Слепые это умеют... Он медленно водил руками по столу, слегка ощупывая подушечками пальцев шершавую поверхность. Нет, кажется, пальцы не потеряли своей чувствительности.

Он положил на стол купленную заранее колоду карт, достал иголку и стал слегка накалывать пеструю рубашку. Крапить карты — великое искусство. Если кто-то из игроков заметит, что карты уже побывали в чьих-то руках, ему конец. Но собственные пальцы должны быть настолько чувствительны, чтобы при раздаче почувствовать место, где прошлась иголка, и понять, кому какая карта пришла. Для этого требуется большой опыт. Опыт у него был.

В тот вечер Деметриус прихватил с собой умело изготовленную «куклу» — большую пачку резаной бумаги в банковской упаковке. Разумеется, он не собирался выкладывать пачку на стол. Но у партнеров должно быть ощущение, что к ним присоединился человек с немалыми деньгами, который желает повеселиться, а не обогатиться. Тот, кто приходит с небольшими деньгами, настораживает — значит, он рассчитывает на чужие.

С Деметриусом сели играть трое: человек средних лет и два молодых парня. Вроде они были между собой незнакомы, но это ничего не значило. Он внимательно следил за партнерами и быстро установил, что человек средних лет — обычный игрок, а двое других работают парой. Это выгоднее, чем действовать в одиночку. Пока один из них веселил партнеров, второй легко подменил колоду. Обычно это не так уж трудно — в комнате

темновато, игроки приятно возбуждены, хохочут, выпивают. Им кажется, что карты достали из запечатанной фабричной упаковки, но в реальности по ним заранее прошлась игла.

Дементиус присмотрелся к оказавшемуся за его столом богатому, как его предупредили, американцу. Профессиональные игроки любят новичков с деньгами, но опасаются новичков, которые приносят с собой неприятности. Он видел людей, которые, проигравшись, хватались за оружие. Кто-то оставит на столе несколько тысяч и не особо огорчится. Ему достаточно и того, что он развлекся. А другой обезумеет и полезет в драку. Но этот американец вроде не походил на буйного...

Шулер, к тому же, был неплохим актером. В тот вечер умело играл роль наивного простака. Немало не стеснясь, задавал глупые вопросы, которые повергали его партнеров в гомерический хохот. И между делом подменил колоду. Так что все, не подозревая об этом, играли его картами. И в этот раз Дементиус забрал у партнеров все, что у них было.

Профессионалы, работавшие на пару, уже в середине игры сообразили, что попались. Ничего не подозревавший Ларри Андерсон проигрался в пух и прах. Неприятность за неприятностью!

Предсмертное признание

Здоровье Аристотеля Оазиса внезапно ухудшилось. Он слабел с каждым днем, не мог встать с кресла. За несколько часов до смерти он вдруг признался Кристине:

— Ты знаешь, это я заплатил деньги, чтобы Бобби Кеннеди убили.

Кристина была в шоке. Но чем больше думала о его словах, тем больше готова была в это поверить. Это манера ее отца — очаровывать своей откровенностью и этим привязывать к себе.

Она не отходила от него. Ему стало совсем плохо, никакие лекарства не помогали.

— Бог наказывает тебя за твои грехи, — укоризненно сказала она отцу.

— Я никогда не грешил, — отрезал Оазис. — Это моя натура.

Аристотель Оазис скончался в парижской больнице 15 марта 1975 года, в субботу. В тот день шел бесконечный дождь. Он так и не дождался момента, когда тучи рассеются.

За два года и пять месяцев Кристина потеряла всех близких. Сначала погиб брат, затем умерла мать. И, наконец, в мир иной отправился ее отец. Похоже, они оба утратили волю к жизни, потеряв сына.

Узнав о смерти мужа, Джекки Кеннеди-Оазис прилетела в Париж. Кристине рассказали, что Джекки провела всего семь минут у гроба покойного в больничной церкви, и она была страшно возмущена.

Зато прессе опытная Жаклин заявляла: «Аристотель Оазис спас меня в тот момент, когда моя жизнь была заполнена тенью. Он многое значил для меня. Он ввел меня в мир, где были счастье и любовь. Мы испытали вместе много прекрасного, что невозможно забыть и за что я буду всегда ему благодарна».

А вот когда зашла речь о дележе многомиллионного наследства, она не была столь сентиментальна. Ей пришлось иметь дело с Кристиной, которая по греческим законам была главной наследницей.

— Сколько вы хотите, Джекки? — откровенно спросила Кристина свою мачеху. — Просто назовите сумму.

Джекки жаловалась, что после смерти мужа осталась без копейки:

— Я вынуждена занимать деньги и продавать акции, чтобы оплатить счета.

Две женщины договорились. Джекки получила двадцать шесть миллионов долларов единовременно и ежегодную пенсию в сто пятьдесят тысяч. Ей достался и антиквариат, который через двадцать лет принес ей на аукционе Сотбис тридцать четыре с половиной миллиона долларов. Одним словом, она обеспечила себе хорошую жизнь до конца своих дней. Кристина заплатила ей так много, потому что не выдержала:

— Мне надоело с ней спорить. К тому же это грязные деньги, и она их заслужила.

Кристина Оазис стала хозяйкой отцовского дела. После похорон она начала принимать дела. Некоторые из них оказались неотложными. Но у нее был внутренний стержень, к тому же она была очень умной и, в промежутках между приступами депрессии, — невероятно активной.

Ответственность за огромную империю обрушилась на нее внезапно. Но знающие люди признали: она действует вполне умело.

Переговоры в Афинах

Через три дня подчиненные Кристины Оазис встречали делегацию из советского Министерства морского флота. В головном офисе компании начались переговоры о фрахте танкеров семейства Оазис.

Делегация состояла из трех человек — Олег Алексеевич Быстрицкий, председатель Всесоюзного объединения по фрахтовым операциям и аген-

тированию флота (сокращенно «Совфрахт»), Елена Дмитриевна Степанова, начальник валютно-финансового управления министерства, и Сергей Игоревич Глазов из управления внешних сношений «Совфрахта», исполнявший обязанности переводчика.

Ожидавший их сотрудник протокольного отдела сделал приглашающий знак:

— Я провожу вас, дамы и господа. Вы находитесь в офисе компании, созданной Аристотелем Оазисом. Нашей компании принадлежит крупнейший в мире танкерный флот.

— Мы знаем, — вежливо остановил его Глазов. — Мы сотрудничаем с вашей компанией много лет.

Они прошли мимо висящего на стене новенького портрета главы компании — Кристины Оазис.

— Симпатичная тут теперь хозяйка, — заметил Сергей.

— Эта девушка — ненадолго, — уверенно произнес Быстрицкий.

— Вы так думаете? — серьезно посмотрел на него Глазов.

— Кто же ей позволит распоряжаться крупнейшим в мире танкерным флотом? — усмехнулся руководитель делегации.

— Но ее отец, Аристотель Оазис, столько лет был хозяином этого бизнеса, — возразил Сергей.

— Сравнил! — бросил на него снисходительный взгляд Быстрицкий. — Ее отец стал фигурой мирового масштаба не в один день. Аристотель Оазис старательно выстраивал империю, умел обзаводиться связями, знал, как быть полезным, оказывал услуги сильным мира сего.

— А Кристина — девчонка без опыта, — подхватила Степанова. — Долго не продержится. По большому счету, лучше нам бы с ней ничего и не подписывать. Потом, когда здесь будет другой человек, тогда и договоримся. Вот это будет всерьез и надолго.

— Да кто же у нее отберет империю? — удивился Глазов. — Отец ей все оставил. Других наследников после смерти брата нет. Она — полновластная хозяйка.

— Ты, Серега, наивняк, — меланхолично ответил Быстрицкий, — или плохо к командировке подготовился. Я твоему начальнику замечание сделаю... Брата Кристины убили, так? Ее отца, думаю, тоже. Неужели для того, чтобы эта девушка всем командовала? Нет, она здесь очень временно. — И мрачно заключил: — Главное, чтобы не при нас.

— Боже упаси! — вздрогнула Степанова.

Гостей завели в комнату для переговоров. С ослепительной улыбкой протокольник распрощался с ними:

— Прошу вас, располагайтесь. Доложу, что вы уже на месте.

Оставшись одни, советские чиновники с облегчением сбросили пиджаки, и Быстрицкий обратился к Глазову:

— Сергей Игоревич, раз ты языками владеешь... Не в службу, а в дружбу, попроси-ка чего-нибудь холодненького попить. И насчет кондиционера поинтересуйся. Пусть включают технику, а то здесь прямо как в парилке.

Глазов кивнул и отправился на поиски. Идя по коридору, он увидел, как из открытой двери соседнего помещения вышел служащий с охапкой увядших цветов.

— Кто занимается кондиционерами? — спросил Сергей. — В переговорной духота, дышать нечем.

— Во всем здании проблема, — равнодушно ответил тот. — Даже у самой госпожи Оазис. Ремонтируем.

Глазов посмотрел на увядшие лилии, прошел в открытую комнату и только тут понял, что оказался в приемной Кристины Оазис. Секретарь повернулась к гостю:

— Чем могу помочь?

И в эту минуту в приемную из своего кабинета вылетела Кристина с пачкой документов в руках. Она была на высоких каблуках и споткнулась. Бумаги разлетелись по полу. Глазов любезно бросился их поднимать.

— Я вас не знаю, — удивленно проговорила Кристина. — Кто вы?

— Сергей Глазов. Из Москвы. Делегация нашего Министерства морского флота приехала к вам на переговоры.

— Ах, да, — равнодушно бросила она, пропустив его слова мимо ушей. — Я читала, у вас, в Советском Союзе всех женщин заставляют работать.

— Наши мужчины просто любят подчиняться женщинам. Я, например, мечтаю работать под руководством умной и красивой женщины. Такой, как вы, например. Кстати, мы приехали не для того, чтобы просить у вас денег, напротив, мы сами их привезли, и будем просить их принять.

Кристина ничего не ответила, быстрым шагом вернулась в свой кабинет и резким движением закрыла за собой дверь.

На следующий день переговоры продолжились.

Советская делегация сидела по одну сторону стола, представители судовладельца — по другую. Перед каждым участником переговоров — пухлый текст обсуждаемого контракта.

— Господа, нам бы очень хотелось наладить с вами взаимовыгодное и долгосрочное сотрудничество, — сказал Быстрицкий. — Наша страна

в этом заинтересована. Но ваша цена!.. Это слишком дорого. Мы же знаем рынок.

— Ситуацию на рынке определяем мы, — ответил представитель компании. — В этом бизнесе мы главные... И не забудьте: мы уже предоставили вам огромную скидку. Из уважения к вашей стране и к вам лично! Мы еще ни с кем не были столь щедры!

— У меня есть четкие инструкции, и я не вправе от них отойти, — развел руками Быстрицкий.

В переговорную комнату неожиданно вошла Кристина Оазис. Похозяйски расположилась во главе стола, обвела взглядом присутствующих и спросила:

— Далеко продвинулись?

— Практически достигли договоренности по всем пунктам. Остался главный вопрос — цена фрахта, — почтительно доложил представитель компании.

— От нас опять требуют скидки? — усмехнулась Кристина и с долей ехидства обратилась к гостям: — Советский Союз — такая богатая страна. Вы всем предлагаете помощь. А с нами торгуетесь. Вам это не к лицу. Но мы постараемся найти компромисс. Я попрошу главного экономиста нашей компании господина Ксантоса определить окончательные цифры. Я его мнению доверяю.

В переговорную комнату влетел помощник и стал что-то шептать Кристине на ухо. Она поднялась:

— Прошу меня извинить.

Представитель судовладельца тоже поднялся:

— Самое время пообедать. Те мелочи, по которым не успели договориться, легко решатся после хорошего обеда. Греческая кухня прекрасна.

За обедом Быстрицкий довольно произнес:

— Если все сейчас пройдет благополучно, сразу в посольство. Попрошу посла отправить телеграмму в Москву, что единственная компания, которая способна обеспечить вывоз нефти на мировой рынок в нужных нам объемах, компания, принадлежащая Кристине Оазис, готова сотрудничать.

— Товарищи будут довольны, — кивнула Степанова.

После переговоров руководитель службы безопасности компании Ларри Андерсон любезно осведомился у гостей, чем может быть им полезен:

— Экскурсию по городу устроить? Или в торговый центр отвезти за покупками? Какие у вас пожелания? Машина в вашем распоряжении.

Степанова, как и можно было предвидеть, выразила желание побывать в торговом центре. Олег Быстрицкий попросил доставить его в центр города — он хотел прогуляться по греческой столице, посмотреть достопримечательности. Глазов сказал, что о нем заботиться точно не стоит, он в Афинах не в первый раз.

На следующее утро Ларри Андерсон пришел в советское посольство. Естественно, как профессионал он знал, что греческая контрразведка фотографирует всех, кто входит в эту дверь, и передает снимки разведслужбам стран НАТО, в том числе и американцам. Но у него было надежное прикрытие. Начальству он всегда мог объяснить, что навестил сотрудника посольства, организовавшего переговоры советского Министерства морского флота с компанией Оазисов.

Ларри протянул дежурному коменданту, отвечавшему на звонки и встречавшему посетителей, незапечатанный конверт и попросил отдать резиденту советской внешней разведки в Афинах, точно назвав его имя и воинское звание.

В конверте лежала записка с предложением снабжать Москву секретной информацией, которая может представить ценность для советского руководства. К записке Андерсон приложил ксерокопию страницы из внутреннего телефонного справочника ЦРУ, где он прежде служил, подчеркнув свою фамилию.

Громыко и Андропов

Член коллегии Министерства иностранных дел Логинов вошел к Громыко и доложил:

— Поступила срочная шифровка из Афин. Наш посол обижен.

— На него не похоже. Он же толстокожий, сколько я его помню. Что случилось?

— Премьер-министр страны пригласил посла и доверительно сообщил, что в Афины из Москвы прилетает некий представитель советского руководства, которому поручено установить с греческим правительством и с компанией Оазиса особый канал связи, минуя наше посольство, — пояснил Логинов. — Разумеется, посол раздражен вмешательством в его дела. Появление новой фигуры подрывает его позиции в нашей сложной дипломатической игре и с греческим правительством, и с компанией Аристотеля Оазиса. Но вопрос посол задает не от себя, а от имени греков. Они ехидно интересуются, зачем Москве еще один конфиденциальный канал связи?

Ведь такой канал давно установлен — для предварительного обсуждения самых важных вопросов и обмена срочной информацией.

— Я первый раз слышу о каком-то эмиссаре, которого командируют в Афины. Что это означает? — Громыко был крайне удивлен.

— Я уже выяснил. Эта инициатива соседей, не согласованная с нами. Комитет госбезопасности посылает в Афины своего офицера. Некто Куприянов.

— Никогда о таком не слышал, — пробормотал Андрей Андреевич.

— Он используется Комитетом для деликатных дел. Но с ЦК они эту операцию не согласовали. Видимо, решили обзавестись собственным каналом связи с Афинами — в порядке конкуренции с Министерством иностранных дел. А потом уже доложить руководству об успехе.

— На своем поле мы непрофессиональной конкуренции терпеть не станем, — твердо произнес Громыко.

Он привык защищать интересы ведомства. Андрей Андреевич был научен, что министерство, у которого что-то отбирают, идет не в гору, а под гору. И хорошо знал, что непрофессионалов подпускать к дипломатии нельзя.

— Соедините меня с Андроповым, — связался он с оператором спецкоммутатора.

Когда председатель КГБ снял трубку, Громыко выразил недоумение:

— Юрий, это твои ребята в обход и ЦК, и МИД решили самовольно установить тайный канал связи с Афинами?

— Ничего об этом не знаю, — ответил Андропов. — Мне не докладывали. Сейчас будем выяснять. — И тут же набрал номер своего заместителя по разведке: — Владимир Александрович, мне звонит товарищ Громыко. Наш посол в Афинах сообщает, что в Грецию с тайной миссией направлен какой-то Куприянов. Вам что-то известно?

— Ничего, — сказал Кружков. — А что касается Куприянова, то он болен, и никуда лететь вообще не может.

— Андрей, как видишь, мы тут ни при чем. Успокой посла. Тут какое-то недоразумение. Пусть работает спокойно. Мы все им дорожим.

Повесив трубку, Громыко распорядился:

— Отправить послу телеграмму с просьбой немедленно посетить премьер-министра и информировать правительство Греции, что его ввели в заблуждение, и такому серьезному человеку иметь дело с самозванцами не следует.

— Конечно, — кивнул Логинов. — Сейчас подготовим и отправим. — Подойдя к двери, он вдруг остановился: — Удивительно, что начальник

разведки так хорошо осведомлен относительно личных дел и состояния здоровья Куприянова... Андрей Андреевич, я человек дотошный. Позвольте, я доведу расследование до конца. — Он вернулся к столу и снял трубку: — Это Логинов. Скажите, не запрашивалась ли недавно греческая виза для Куприянова?

Выслушав ответ, он повесил трубку и передал Громыко слова начальника консульского управления:

— Паспорт Куприянова был отправлен в посольство Греции с просьбой срочно выдать ему визу. Распорядился об этом заместитель начальника консульского управления, представляющий у нас, в министерстве, интересы Комитета госбезопасности. А буквально пару минут назад он же приказал позвонить в греческое посольство с просьбой немедленно вернуть паспорт Куприянова без визы...

Вербовочный подход

В Ясенево есть несколько залов для собраний — зал на сто мест, зал на триста мест и зал на восемьсот. Когда Сергей Глазов вошел в зал на сто человек, чествование начальника 18-го отдела внешней разведки уже близилось к концу.

Звучали ритуальные слова:

— На заслуженный отдых уходит наш боевой товарищ из славной когорты ветеранов-дзержинцев... Нам будет не хватать... Но он щедро делился бесценным оперативным опытом с молодыми офицерами... Так из поколения в поколение передаются славные чекистские традиции...

Когда ему вручили почетную грамоту, он не сдержался и заплакал. Официальная часть завершилась. Бывшие уже подчиненные окружили полковника. Его сменщик — молодой подполковник Юрий Куприянов — проникновенным голосом произнес:

— Есть предложение заказать сегодня вечером товарищеский ужин в хорошем ресторане. Посидим своим коллективом — ваши ученики, все, кто работал под вашим началом... Отметим ваш переход на пенсию, как положено.

Полковник, сжимая в руках грамоту, подписанную председателем КГБ Андроповым, возмутился:

— Да вы что! Надумали устроить пьянку, грубо нарушить чекистскую дисциплину? Даже не пытайтесь! Я в этом участвовать не стану.

Когда выходили из зала, Глазов поинтересовался у Куприянова:

— Когда начнешь принимать дела?

— Уже! — ответил довольным тоном новый начальник 18-го отдела. — Даже знаю, куда ты сейчас идешь, и какая славная командировочка тебе вновь предстоит. Повадился ты в Грецию. Смотри, товарищи будут завидовать.

А Сергей Глазов действительно направлялся в Главное управление кадров за загранпаспортом. Ему предстояло опять лететь в Афины. Вообще-то он служил в другом, 5-м отделе, и Куприянову не следовало знать о полученном им задании. Но в Ясенево поговаривали, что растущего подполковника поддерживает кто-то из сильных мира сего. Во всяком случае, в управлении кадров, где и заслуженных полковников в упор не видели, молодого Куприянова с недавних пор привечали. Несмотря на историю с отцом! Поговаривали, что начальник разведки любил подчиненных с темными пятнами в анкете — они преданнее служат, понимая, что висят на волоске.

В Афинах Глазова встретил в аэропорту оперативный водитель из резидентуры внешней разведки. Хотел помочь с вещами, но Сергей прилетел налегке. Он оставил чемодан в выделенной ему пустой посольской квартире и пошел доложить о прибытии. Лифт остановился на этаже, куда поднимались только те, кто работал за толстой стальной дверью с цифровым замком. Здесь располагалась резидентура внешней разведки. Дипломатам туда хода не было.

Дежурный открыл ему дверь и хмуро приветствовал москвича. Не потому, что они не ладили, а оттого, что занят был хлопотным, но необходимым делом — ликвидировал накопившийся за неделю бумажный хлам.

Когда Глазов вошел к резиденту, тот автоматически перевернул документ, который читал, лицевой стороной вниз. В своем кругу этого можно было и не делать, но на старательных службистов не обижаются.

— Сергей Игоревич, ты как — не устал после перелета? А то тебя просто загоняли. Летаешь к нам каждую неделю... Может, отдохнуть хочешь? — для порядка поинтересовался резидент.

Глазов отказался. Резидент позвал своего заместителя по политической разведке, прикрыл дверь, и они вдвоем рассказали московскому гостю, как все началось.

Получив письмо Ларри Андерсона, они долго обсуждали, как быть. Первое предположение — подстава американской контрразведки. Второе — а вдруг это и в самом деле потенциально ценный агент? Тогда есть смысл откликнуться на предложение о встрече.

— Что мы выяснили? Ларри Андерсон разочарован службой, — пояснил резидент. — Остро нуждается в деньгах. Да и вообще хотел бы изменить свою жизнь... Достаточно для того, чтобы предложить свои услуги советской разведке, рассчитывая на нашу щедрость.

Резидентура запросила мнение Центра. Разрешение на вербовочную беседу было дано. Проверили, не проходил ли Андерсон по учетам разведки. Одного из молодых офицеров 5-го отдела послали в архив — копаться в старых делах, хотя поручение представлялось несколько нелепым — ну, каким образом фамилия Андерсона могла попасть в досье? Офицер начал просматривать документы и увидел, что Ларри Андерсон упоминается сразу в нескольких делах. Американец не лгал. Он действительно одно время работал в центральном аппарате ЦРУ.

Решили срочно отправить в Афины вербовщика. Стандартная предосторожность. Если это подстава и провокация, если американец поднимет скандал и вызовет полицию, то вербовщика, конечно, задержат, но местная резидентура не пострадает.

Выбор пал на Сергея Глазова. Они с Андерсоном уже встречались. Со знакомым ему будет комфортнее при первом разговоре. А если все сложится, Глазов сможет регулярно прилетать в Афины — на официальные переговоры с компанией Оазисов и на неофициальные — со своим агентом Андерсоном.

Но Глазова командировали в Грецию без зеленого дипломатического паспорта, гарантирующего неприкосновенность. Если его ждет ловушка, и он окажется в тюрьме, вытащить его оттуда будет не простым делом. Это он понимал. Как и то, что арест поставит точку на его карьере в разведке.

Сергей заранее составил план беседы и положил его резиденту на стол. Тот, прочитав, одобрил. Выдал деньги на оперативные расходы и отдельно — в конверте — первый щедрый гонорар будущему агенту. Глазов должен был его вручить, убедившись в искренности Ларри Андерсона.

В разговоре будущего агента они именовали только оперативным псевдонимом. Подлинное имя агента называть не принято даже в защищенных от прослушивания помещениях. Поскольку речь шла о встрече с будущим агентом, были приняты особые меры предосторожности. Все сотрудники резидентуры один за другим выехали в город, чтобы раздробить силы наружного наблюдения, следящего за посольством. Заместитель резидента сам вывез Глазова в город, причем тот лежал на заднем сиденье, прикрытый плащом.

На тихой улице водитель притормозил. Сергей выскочил из машины, забежал за угол, где его подобрал другой оперативный работник и доста-

вил на условленное место, куда пришел заметно волновавшийся Ларри Андерсон.

Глазов предложил для начала что-то заказать и подтолкнул в сторону американца пухлое меню. Андерсон хотел вытащить очки, полез, было, во внутренний карман, но почему-то удержался, поэтому, изучая меню, сильно щурился. Как выяснилось из архивных дел, несколько лет назад он случайно разговаривал с советским оперативным работником и пожаловался на плохое зрение: может понадобится очень дорогая операция... Сергей об этом знал, поэтому сочувственно поинтересовался:

— Как ваши глаза? Если есть нужда, можем организовать операцию у нас в лучшей клинике... Или здесь поможем... В нашем с вами возрасте надо заботиться о здоровье.

После встречи он вернулся в посольство и доложил, что обо всем договорился с американцем... Резидент подробно выпрашивал у Глазова все детали — как шел разговор, что именно и каким тоном говорил американец, как отвечал на заранее подготовленные вопросы, чем сам интересовался, какое выражение было у него на лице.

Вроде бы все сомнения отпали. Вербовка удалась. Но Сергей, нарушив правила, рассказал резиденту не все, что услышал от американца. Ларри Андерсон, желая доказать свою ценность, поделился с ним информацией, которая точно стоила тех денег, которые ему заплатила советская разведка.

Глазов с изумлением услышал, что между видными чиновниками империи Оазисов и какими-то очень влиятельными людьми в Москве уже налажены неформальные связи. На танкерах Оазиса тайно перевозятся не только нефть, но и нелегальные грузы. Ларри не все знал, но предполагал, что речь идет о контрабанде наркотиков.

— Танкерный флот Аристотеля Оазиса перешел по наследству дочери. Думали, что Кристина станет номинальным владельцем, а управлять бизнесом смогут другие, — предупредил он. — Но Кристина неожиданно изъявила желание сама руководить всеми делами. В руководстве компании переполох. Очень многим ее решение сильно не нравится... Одно могу предсказать точно: такие нелегальные операции она не одобрит. Как только все узнает, почти наверняка потребует прикрыть этот бизнес. И лишит кого-то очень больших денег. Тем самым поставит свою жизнь под угрозу. Не хотелось бы даже произносить такие слова, но ее наверняка убьют.

Все эти сведения подполковник Глазов должен был сообщить кому-то из высших руководителей внешней разведки. И только лично, не доверяя эту взрывоопасную информацию бумаге, которую могут увидеть как раз

те, от кого эти данные и должны быть скрыты. Если Ларри Андерсон ничего не придумал, речь шла о предательстве.

Глава восьмая

Кристина. Второй брак

Те, у кого есть домашнее животное, знают: когда кричишь на кошку, она начинает к тебе ластиться, ложится на спину, просит, чтобы ее погладили. Это естественно и для человека — на гнев ответить потребностью в любви. Жизнь лучше, если избегать ссор, скандалов и выяснения отношений. Но первый муж Кристины Оазис так не думал. Отношения Кристины и Джозефа полностью переменялись. Когда у них начался роман, она была готова покончить с собой из-за того, что он не хотел на ней жениться. А теперь, напротив, он смертельно боялся потерять Кристину. Она много моложе, рано или поздно придет к выводу, что он староват для нее...

После одного из споров он принял демонстративно большую дозу снотворного. Он, естественно, не собирался себе вредить и постарался сделать так, чтобы Кристина немедленно всполошилась, вызвала «скорую». Ему промыли желудок. Лежа в постели, он обвинял жену в своих страданиях, твердил, что это она во всем виновата. Джозеф умел заставить ее чувствовать себя виноватой и обязанной заботиться о нем. Она боялась оставить его одного, даже когда хотела проведать мать и отца. Когда Кристина уходила по делам, Джозеф со скорбным лицом обреченно говорил:

— Ты же знаешь, что моя жизнь в твоих руках.

Но чем дальше, тем меньше все это нравилось Кристине. Любовь к Джозефу осталась в прошлом, хотя он по-прежнему продолжал считать, что вселенная вращается вокруг него. В результате брак их продержался всего девять месяцев.

С Александром Андреадисом, чей отец был судовладельцем и банкиром, Кристина познакомилась на вечеринке, и они друг другу сразу понравились. Александр однажды утром заявил:

— Раз мы так много времени проводим вместе, может быть, нам пора съехаться? Я и так практически живу у тебя. Давай-ка зарегистрируем наши отношения. Почти все мои вещи у тебя, так что переезд будет нетрудным.

Кристине было приятно формальное предложение руки и сердца. Но она несколько сомневалась относительно поспешного брака и не хотела торопиться.

Видя, что она не принимает его предложения, Александр чувствовал себя оскорбленным и обиженным. Он не ожидал отказа и стал давить на Кристину, желая доказать, что добьется своего любой ценой, причем так упорно и методично добивался своего, что она поняла: если не пойдет ему навстречу, их отношения разрушатся. Через пару месяцев Кристина сдалась, и он торжественно перебрался к ней. Она вышла за него вскоре после смерти отца. И почти сразу стало ясно, что совершила ошибку...

Ей обязательно надо было с кем-то поговорить. Но с кем? Кому признаться, что подозреваешь собственного мужа в тяжком преступлении? Кристина даже думала — и всерьез — не позвонить ли ей в полицию, но она не могла найти в себе силы донести на мужа. Вдруг это все-таки не он?

Подозрение зародилось у нее в ту ночь, когда Александр впервые заявился домой под утро. Ничего подобного не случалось за предыдущие месяцы совместной жизни. Если он немного задерживался, то звонил, предупреждал, и она точно знала, где он. На этот раз ничего такого не было.

А на следующий день стирка, самая обыкновенная стирка, которой ей пришлось заняться, и вечерний выпуск новостей открыли Кристине страшную истину. Недавно она уволила служанку, новую пока найти не удавалось, и за неделю скопилась куча грязного белья, которое ей самой пришлось стирать. Как она помнила, мужские рубашки надо стирать отдельно. И вот одна из рубашек оказалась вся в пятнах бурого цвета, и она не могла понять, чем он умудрился так испачкаться. Выбросить рубашку? Или отчистить? На полке лежали пятновыводители. Различные средства предлагали очистить одежду от жира или крови... Крови? Боже мой, подумала Кристина, неужели это кровь? Когда же он поранился? Где? Каким образом? И ничего не сказал?

Заправив белье в машину, Кристина включила телевизор. Городские новости уже заканчивались, передавали уголовную хронику. Вчера вновь дал о себе знать серийный убийца, который ночью расправился с четвертой за последние два месяца жертвой. Он нападал на молодых женщин, насиловал их и душил, потом бесследно исчезал. Он не брал ни денег, ни вещей, поэтому полиция сделала вывод, что в городе появился один из тех маньяков, которых так трудно найти. Они убивают не потому, что им нужны деньги, а потому, что в их мозгу произошли какие-то необратимые изменения. А затем телезрителям показали фоторобот возможного убийцы. Увидев его, Кристина вдруг с ужасом поняла, что сделанный полицейским художником рисунок очень напоминает ее мужа... Известный

преступник задушил четырех женщин. Она сопоставила даты. Получалось, что именно в день каждого убийства он приходил далеко за полночь и всякий раз ложился отдельно от нее. Утром он был необыкновенно ласков и нежен, преувеличенно внимателен... Чувствовал свою вину?

Выходит, он — серийный убийца? Ей стало страшно. Зачем он душил несчастных женщин?

Александр вернулся домой поздно вечером. Думая, что жена давно спит, он не собирался включать свет. Но Кристина вышла в коридор. Она была настроена очень решительно и, прежде чем он открыл рот, твердо проговорила:

— Я все о тебе знаю.

Он снял пиджак и обреченно опустился на стул:

— Прости меня.

— Простить? — изумленно переспросила Кристина. — Тебя же будут судить. Ты хотя бы понимаешь, какой это позор для меня?

— Судить? — ошеломленно повторил он. — За что судить?

Увидев, что он не намерен признаваться, Кристина выложила все: как обнаружила пятна крови на его рубашке, как узнала о маньяке-душителе. И дни убийств точно совпали с теми днями, когда он приходил домой поздно ночью...

Когда она договорилась, он вскочил со стула и схватил ее за плечи:

— Так ты считаешь меня убийцей? Ты с ума сошла! Как это могло прийти тебе в голову?! — И вдруг, дико захохотав, злорадно выпалил: — Я провел все эти ночи у твоей лучшей подруги Марины. Мне не надо убивать женщин. Они мне ни в чем не отказывают...

Через минуту она выставила его за дверь.

Пока Кристина подозревала, что ее любимый мужчина — маньяк-убийца, она еще колебалась, не зная, как быть. Расстаться с ним как можно скорее или попытаться ему помочь, спасти его? Когда же она выяснила, что он ей просто изменяет, тут же выгнала его из дома.

Преступление Кристина Оазис еще способна была простить, измену — никогда.

Вечер с обольстительным партнером

Первая жена Аристотеля Оазиса и мать Кристины Тина разошлась и со Ставросом Ниархосом. Утешала себя шампанским и все более молодыми

любовниками. Но ее красота увядала. Она злоупотребляла снотворными, утром не могла и слова сказать.

В один из октябрьских дней Тину нашли мертвой в ее спальне. Ей было всего сорок пять лет. Одна из родственниц печально заметила, что и она, потеряв сына, утратила волю к жизни.

Кристина добилась судебного ордера на вскрытие. Признаков насильственной смерти патологоанатома не обнаружили. Знакомые шептались, что Тина, видимо, умерла от передозировки снотворного.

Мать оставила Кристине семьдесят семь миллионов долларов. Но деньги не могли ее утешить. Она чувствовала себя ужасно одинокой. Рядом с ней не осталось ни одного близкого человека.

Неделя проходила за неделей, а Кристина все никак не могла прийти в себя. Под Рождество, когда она поняла, что ей предстоит провести праздничный вечер в одиночестве, она совсем потеряла голову и бросилась в объятия первого же мужчины, который стал ее добиваться.

— Я не могу видеть, как ты плачешь, — горячо говорил он. — У меня сердце разрывается. Может, ты будешь со мной? У меня нет больших денег, зато я буду любить тебя.

Но, как это обыкновенно происходило с Кристиной, страсть стала постепенно угасать, любовные отношения грозились оказаться недолгими, и он как-то предложил ей:

— Давай съездим куда-нибудь, освежимся и освежим наши отношения.

Тень падала на черный автомобиль, так что водителя почти совсем не было видно. Но человек, вошедший во двор, сразу сообразил, где укрылся его потенциальный клиент. Он постучал в стекло. Водитель встrepенулся и приоткрыл окно.

— Вы мне звонили, — сказал подошедший.

Водитель с готовностью распахнул правую дверцу. Незнакомый сел рядом и спросил:

— Ну, так в чем ваша проблема?

— Понимаете, мне надо от нее освободиться, — взволнованно заговорил хозяин автомобиля. — Я так больше не могу. Она не просто чужой для меня человек. Она — опасный человек. Я готов заплатить.

— Развестись не пробовали? — холодно спросил неизвестный.

— Развод в нынешней ситуации меня не устраивает, — резко ответил хозяин автомобиля. — Все, что есть, записано на нее. С чем я останусь?

— Так что же вы хотите? — столь же невозмутимо произнес неизвестный.

— Я уже все продумал. — Хозяин машины склонился к нему и начал шепотом говорить.

Выслушав его, неизвестный слегка отодвинулся и пристально посмотрел на мужчину:

— А вам ее не жалко?

— Меня бы кто пожалел... — ответил тот с недоумевающим видом и тут же задал деловой вопрос: — Так сколько возьмете?..

Музыка существовала только для них двоих. Они словно забылись в танце. Он был божественным партнером. Кристина тоже любила танцевать, но такого блаженства еще никогда не испытывала. Впервые мужчина думал только о том, как доставить ей удовольствие. Это было так прекрасно. И неожиданно...

Наутро она поспешила поделиться своим счастьем с ближайшей подругой и пересказала ей по телефону события прошлого вечера:

— Представляешь себе, он заехал за мной с большим букетом цветов. Так романтично! Он заказал столик в укромном местечке, чтобы нам никто не мешал. Не уткнулся носом в меню, а спросил, что я желаю съесть в этот вечер. Сам почти ничего не съел и не выпил. И танцует он божественно.

— А дальше? — спросила подруга, и в голосе ее промелькнули нотки зависти.

— А дальше пока ничего. Но сегодня мы опять встречаемся. Посмотрим, как будет дальше.

— Слушай, а твой ничего не заподозрит? Смотри, наживешь себе неприятностей.

— Муж сегодня уезжает в деловую поездку. И потом — его кроме моих денег и охоты ничего не интересует.

Тем временем муж Кристины Оазис вылез из черного автомобиля и зашел в бар. Заказал себе выпить и взялся за телефон. Набрал уже знакомый ему номер.

— Все идет, как я вам обещал, — услышал он. — Когда вы намереваетесь завершить это дело?

— А вы как думаете?

— Мне кажется, можно и завтра. Все, что вы просили, подготовлено. Командуйте.

В этот вечер было еще лучше, чем в прошлый. Уже далеко за полночь Кристина и ее спутник вышли из клуба, где вволю натанцевались. Она по-

зволила ему проводить себя сначала до дома, потом до подъезда. И, наконец, разрешила войти в квартиру. Прислуга уже ушла, так что они были одни.

Кристина даже не стала включать свет. Взяв его за руку, повела в большую спальню. Но единственное, что она успела сделать, — включить музыку...

В самый неподходящий момент входная дверь вдруг с шумом распахнулась, и в комнату влетели двое — ее разъяренный муж и какой-то человек с фотоаппаратом, который немедленно стал снимать лежащую на кровати парочку.

— Что здесь происходит? — несколько театрально спросил возмущенный муж. — Впрочем, ответа не надо. Я сам вижу. И давно ты обманываешь меня с этим человеком?

— Прекрати этот балаган! Зачем он снимает? — укрываясь простыней, выкрикнула Кристина.

— А затем, милая! — злобно прошипел муж. — Я могу разослать эти снимки всем твоим подругам, твоей маме и, главное, — в газеты. Как ты думаешь, им всем понравится?

— Чего ты от меня хочешь?

Александр вытащил из портфеля несколько листов бумаги:

— Подпиши, что согласна на развод и отказываешься от половины имущества в мою пользу.

— А если не подпишу?

— Позора не оберешься! На тебя пальцами будут показывать. Лучше соглашайся.

Дрожащей рукой она взяла ручку и поставила свою подпись везде, где он требовал.

— Прекрасно! — сказал довольный Александр. — Сейчас я приглашу нотариуса, и он заверит эти бумаги.

— Какая же ты сволочь, — тихо произнесла потрясенная Кристина.

Фотограф, закончив съемку, оставил на столе отснятую кассету. Получил деньги и тут же ушел. Когда Александр пошел звонить по телефону, любовник Кристины стал одеваться. Он вел себя на редкость хладнокровно, словно его вся эта история нисколько не касалась.

— Сколько он тебе заплатил? — поинтересовалась Кристина, чувствуя, как глаза наполняются слезами.

— Это имеет для тебя значение? — равнодушно спросил он.

— Нет, ты прав, теперь все это не имеет никакого значения.

Она вытерла слезы и посмотрела на него:

— Сколько ты возьмешь за то, чтобы действовать на моей стороне?

— Не могу, — ответил он с искренним сожалением. — Если предам клиента, испорчу себе репутацию. Подведу один раз, больше не обратятся. А у меня налаженный бизнес, постоянный доход. Не обижайся.

В спальню снова вошел Александр и, увидев любовника, раздраженно бросил:

— Ты еще здесь? Исчезни!

Тот подошел к зеркалу и стал хладнокровно повязывать галстук.

— Быстрее не можешь?!

Мужчина не обратил ни малейшего внимания на эти слова, продолжая старательно завязывать галстук.

— Ты что, глухой? — подлетел к нему Александр. Кипевшие в нем злоба и ненависть жаждали выхода. Он схватил любовника своей жены за плечо: — Я же сказал: убирайся отсюда!

— Убери руку, — тихо ответил тот.

— Ты еще смеешь со мной спорить! Ты спал с моей женой в моей квартире, сволочь!

Мужчина оторопело посмотрел на него, на его лице мелькнула легкая усмешка. Он, видимо, хотел сказать, что Александр переигрывает. Дело сделано, бумаги подписаны, и продолжение спектакля не требуется. Но не понял, что устроивший всю эту интригу муж хотя и мечтал избавиться от жены, но его мужское достоинство было задето.

И он ударил любовника в челюсть. Тот не ожидал удара и покачнулся. Но сразу пришел в себя и нанес ответный удар. Началась драка. Кристина выскользнула из комнаты и позвонила в полицию. Патруль приехал на удивление быстро.

— Скорее! — кричала она. — Помогите! Я только что вошла в дом и увидела, как какой-то человек напал на моего мужа. По-моему, они дерутся вот из-за этого... — и Кристина показала на белый пакетик, лежавший на полу. Один из полицейских поднял его, понюхал и кивнул напарнику. Когда полицейские вошли в комнату, там все было перевернуто, двое мужчин продолжали нещадно мутузить друга. Стражи порядка их растащили.

— А вам что здесь надо? — возмущенно спросил Александр.

Но ему быстро завернули руки за спину. Затем наручники надели и на любовника.

Полицейский принес из коридора два пиджака и спросил:

— Это чьи?

— Мой — черный, — кивком головы показал Александр.

— А мой — клетчатый, — сказал любовник.

Полицейский методично вывернул из карманов содержимое, равнодушно осмотрел бумажники, ключи и документы и отдельно выложил на стол белые пакетики, которые обнаружились в обоих пиджаках.

— Ваше? — повернулся он к Александру.

— А что это такое? — удивился тот. — Я в карманах всякую гадость не ношу.

— Ваше? — повторил вопрос полицейский, обращаясь на этот раз к любовнику.

Мужчина оказался человеком более опытным:

— Я не имею никакого отношения к наркотикам. Этот пакетик мне подбросили. Это провокация. Прошу занести в протокол.

— Наркотик? — Александр удивленно посмотрел на пакетик с белым порошком, который только что вытащили из его кармана. — Да я в жизни наркотики не видел!

— Все ясно, — сказал старший из полицейских и скомандовал: — На выход!

Ошеломленного, ничего не понимающего Александра вывели первым. Любовник, уже сообразивший, что к чему, проходя мимо Кристины Оазис, шепнул ей на ухо:

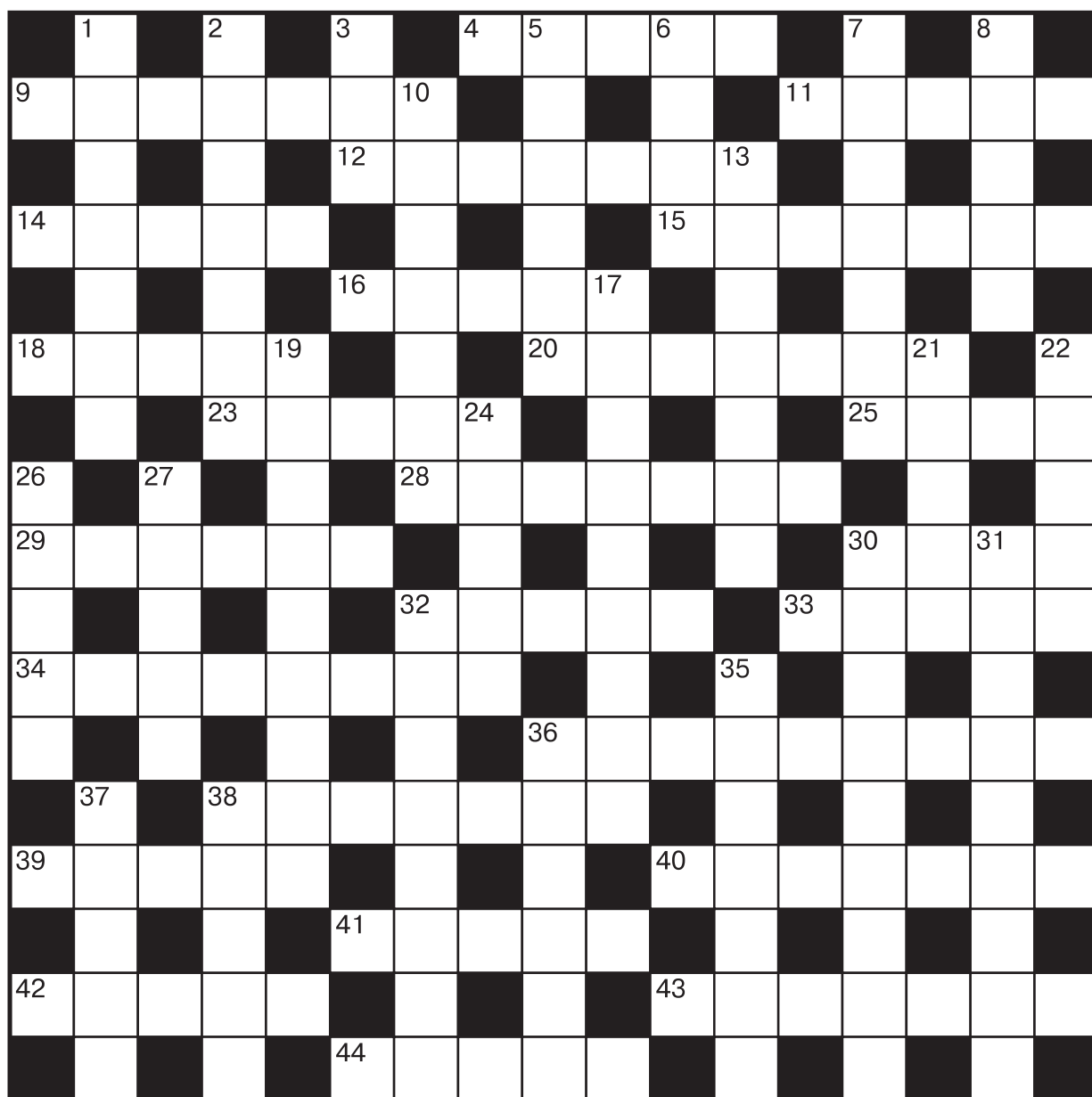
— А я тебя недооценил.

— Я же тебе предлагала играть на моей стороне, — широко улыбнулась она и смерила его оценивающим взглядом с ног до головы: — Но я тебя, видимо, переоценила.

Обоих мужчин вывели из квартиры. На этом все и закончилось. Кристина Оазис вновь осталась одна. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Искренних друзей очень мало, да и ... на них невелик». **9.** Если не целая голова, то кусок разбитого сосуда. **11.** Кто получает деньги за то, что вынюхивает и подглядывает? **12.** Питекантроп среди преподавателей Тибидохса. **14.** Какой стране принадлежит древнейшая столица в мире? **15.** Пушкин

в пору учебы. **16.** Что придает фразам «священный экстаз»? **18.** Оперативная фамилия Штирлица. **20.** «Пчелиный» торт. **23.** Каждый из героев цикла рассказов «Киберриада» у Станислава Лема. **25.** «Астральные карты». **28.** Что суют в видеоманитофон? **29.** Что с космодрома стартует? **30.** Скоро ест,

мелко жует, сама не глотает, другой сыт бывает. **32.** В чем подливку на стол подают? **33.** Любимый фрукт бодибилдеров. **34.** Русский классик, чью жену пытался излечить легендарный граф Сен-Жермен. **36.** Ведущий «круглого стола» на телевидении. **38.** Третий с конца знак Зодиака. **39.** Сверло нефтяника. **40.** Олимпийский лодочник. **41.** Кто в греческих мифах изобрел лиру? **42.** «Воздушные врата» Сочи. **43.** Куда Самохвалов передал «любственные послания» от Рыжовой в «Служебном романе»? **44.** Дерево вместе с дубом из английской песенки у Дмитрия Шостаковича.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Мята с цитрусовым привкусом. **2.** Какое озеро связано с монастырем Нилова Пустынь? **3.** Какой бог отвечал за колдовство у древних египтян? **5.** Песня церковного репертуара. **6.** Прототип эллипса. **7.** Что, как установили ученые, пробуждает в человеке общение с телевизором? **8.** Областной центр с памятниками Счастью и домашним тапкам. **10.** Какой овощ собирался выращивать Эркюль Пуаро, уйдя на

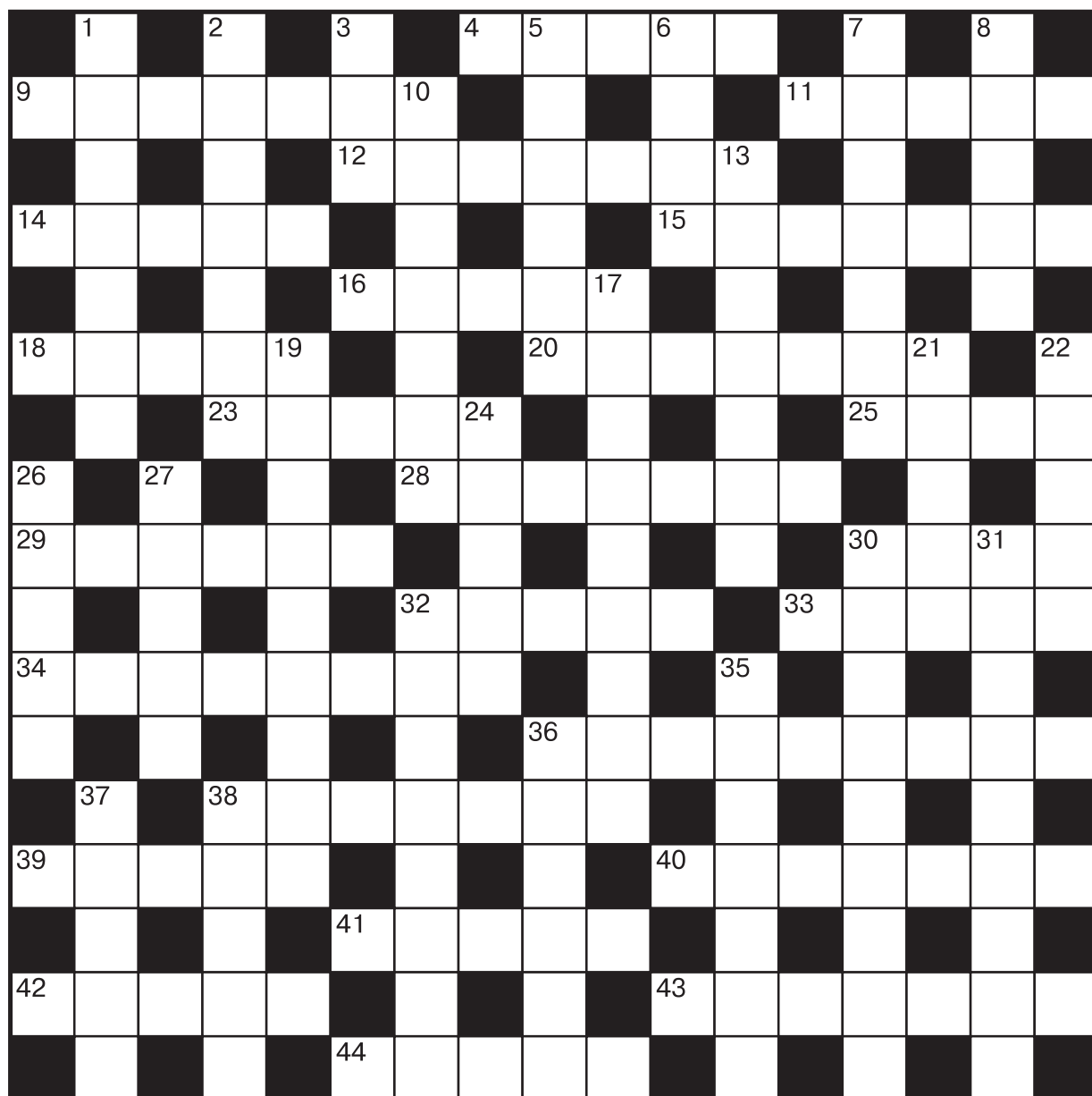
покой? **13.** Что делает слабака таковым? **17.** Ученый, отвечающий за землетрясения. **19.** Кто из героев романа «Двенадцать стульев» покорила безымянную отвесную скалу в Дарьяльском ущелье близ Крестового перевала, оказавшись в компании орлов и царицы Тамары? **21.** «Мурлыкающий кот и горящий ... делают зиму приятной». **22.** Какую книгу мусульмане обрели в священный месяц рамазан? **24.** «Гарем» для жеребца. **26.** Отбор лучших молодых игроков в профессиональные команды. **27.** После нападения какого хищника собак подолгу отмыывают в томатном соке? **30.** Кто из великих итальянских теноров перед выходом на сцену всегда клал в карман гвоздь, чтобы его не сглазили недоброжелатели? **31.** По какому озеру пролегала «дорога жизни» к блокадному Ленинграду? **32.** Знаменитый мексиканский художник, обстрелявший в свое время виллу Льва Троцкого. **35.** Фамилия актера Андрея Миронова при рождении. **36.** Какому стилю служил архитектор Федор Шехтель? **37.** Финансовый голод. **38.** Попсовая «отсебятина».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Тверь. **10.** Видеохостинг. **11.** Алексей. **12.** Снотворное. **13.** Таможня. **16.** Тихон. **18.** Бар. **19.** Ворон. **21.** Азот. **24.** Цирк. **25.** Намордник. **27.** Джаз. **29.** Фараон. **30.** Чемпион. **34.** Каракатица. **35.** Стеллаж. **37.** «Сатирикон». **40.** Оникс. **41.** Каноэ. **42.** Робость. **43.** Альпы. **44.** Акула.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Валаам. **3.** Ректорат. **4.** Вий. **5.** Техно. **6.** Охота. **7.** История. **8.** Жизнеописание. **9.** Игрек. **10.** Весна. **14.** Молоток. **15.** Фондю. **17.** Банда. **18.** Богач. **20.** Скандал. **22.** Сампрас. **23.** Миф. **26.** Кабачок. **28.** Землекоп. **31.** Нахимов. **32.** Зависть. **33.** Этанол. **36.** Жаров. **38.** «Найк». **39.** Дойл.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Подношение Всевышнему в честь рождения ребенка у мусульман. **9.** Какой композитор стал последним сильным увлечением Марлен Дитрих? **11.** Десерт с медом земляничного дерева на Сардинии. **12.** Учитель Пифагора. **14.** Магический способ «отнять урожай». **15.** Алтарный образ у испанцев. **16.** Кто из наших хоккеистов за-

бил дубль в финале олимпийского турнира 2018-го года? **18.** Кому финикийцы жертвовали жизнь своих детей? **20.** Изоляционная «одежда» для электрического провода. **23.** Красочная порода лошадей американских фермеров. **25.** Мать писателя Сергея Довлатова. **28.** Самый могущественный в США преступный клан. **29.** Изобретатель, получивший

в 1908 году патент на систему двухцветного телевидения, а в 1925-м на трехцветную. **30.** Придворная аристократия в Древней Японии. **32.** «Достоинство» первой почтовой марки с изображением королевы Виктории. **33.** Какой подарок в детстве Агаты Кристи знаменовал собой смену круга выдуманных друзей? **34.** Рыба с черными тканями желудка. **36.** Пространство между ноздрями. **38.** Туман над водой из есенинских стихов. **39.** С каким римским папой дружил Галилео Галилей? **40.** Гражданский губернатор оккупированной в 1812 году Москвы. **41.** Английский город, чей соборный храм в деталях описан Вальтером Скоттом. **42.** Элевсинский герой. **43.** Магическая печать. **44.** Какая богиня у древних египтян отвечала за письменность?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто из великих мхатовцев сорок пять лет к ряду исполнял роль Барона в горьковском «На дне»? **2.** Пешая охота без собаки. **3.** Бубен для сазандари. **5.** Индонезийские сигареты с гвоз-

дикой. **6.** Где родилась Марика Рекк? **7.** Самый распространенный анестетик у американцев во время войны во Вьетнаме. **8.** Французская балерина, чувственно упомянутая в рассказе «Береника» Эдгара По. **10.** Индийская древесина на «гибкую фанеру». **13.** Какая поэтесса отсидела шесть лет за убийство Николая Рубцова? **17.** «Солдатский танец» у венгров. **19.** Старейшая аптека Китая. **21.** Языческое сказание в Древней Руси. **22.** Кто стал вторым мужем немецкого канцлера Ангелы Меркель? **24.** Подставка под пивную кружку у чехов. **26.** Единственное, что Эразм Роттердамский противопоставлял гневу и похоти. **27.** Титул врача у турок. **30.** Кто прекратил расследование по убийству Григория Распутина? **31.** На какой полуостров эвакуировали остатки армии Врангеля из Крыма? **32.** Сумчатая птица. **35.** Картофельная запеканка из Литвы. **36.** Любимый перец танцовщиц в Индонезии. **37.** Архангел на картине «Мадонна в гроте» у Леонардо да Винчи. **38.** «Живи быстро, умри молодым» (неформальное движение).

Ответы на эрудит, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Квады. **10.** Полиоркетика. **11.** Эркафил. **12.** Гриффиндор. **13.** Рамария. **16.** Самми. **18.** Хан. **19.** Ропша. **21.** Арит. **24.** Чатл. **25.** Декуманус. **27.** Туаз. **29.** Сократ. **30.** Министр. **34.** Аутентикум. **35.** Сикомор. **37.** Ветеринар. **40.** Вульф. **41.** Тевау. **42.** Демииург. **43.** Зуева. **44.** Зибер.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Верлан. **3.** Джамарат. **4.** Сол. **5.** Митра. **6.** Драфт. **7.** Вебинар. **8.** Виндемиатрикс. **9.** Саура. **10.** Пипин. **14.** Локуста. **15.** Ашлар. **17.** Гайта. **18.** Хизам. **20.** Ультимо. **22.** Фетисов. **23.** Хус. **26.** Сострат. **28.** Зиновьев. **31.** Рутений. **32.** Селитра. **33.** Зигугу. **36.** Ретеш. **38.** Рети. **39.** Гаше.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Когда в нашей жизни что-то случается неприятное, мы обычно ссылаемся на невезение, рок или судьбу и никогда не задумываемся над тем, что та же «судьба» порой посылает нам в помощь определенные знаки, которые надо только разглядеть и понять.

Нам интересно, а были ли у вас такие ситуации, когда некий «знак свыше» помог вам найти правильное решение или что-то изменить в вашей жизни в лучшую сторону. Вот мы и решили в 2018 году объявить среди наших подписчиков

новый конкурс «Знаки судьбы».

Ждем ваших интересных историй!

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:

tomasmena@mail.ru до 20 ноября 2018 года.

Не забудьте указать свой возраст и профессию.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2019-го. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

